

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
**«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

НГУЕН ТУАН АНЬ

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ**

Специальность: 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и
истории государства и права Юридического института Федерального
государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»
В. Н. Давыдов

Москва – 2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	35
1.1. Понятие и сущность политической стабильности.....	35
1.2. Критерии политической стабильности Вьетнама в контексте международных индексов	46
ГЛАВА 2. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.....	66
2.1. Модели и инструментарий воздействия социальных сетей на политическую стабильность.....	66
2.2. Специфика влияния социальных сетей на политическую стабильность.....	95
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ.....	121
3.1. Коммуникационные механизмы обеспечения политической стабильности. Вьетнамская модель	121
3.2. Пути совершенствования политической стабильности Социалистической Республики Вьетнам.....	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	162
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	172
ПРИЛОЖЕНИЕ	198

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Социальные сети превратились в одну из наиболее влиятельных форм коммуникации, формирующих современное политическое пространство. В Социалистической Республике Вьетнам 92,7% интернет-пользователей активно пользуются социальными сетями, и более 73% населения как минимум присутствует на одной из платформ¹. Этот процесс имеет исключительное значение, поскольку страна демонстрирует один из самых высоких показателей проникновения социальных платформ в мире. Массовая вовлечённость граждан создаёт потребность в комплексном изучении влияния этих платформ на политическую стабильность.

Научная значимость данного исследования определяется фундаментальным сдвигом в механизмах политической коммуникации. Развитие интернет-технологий и социальных медиа создало принципиально новую коммуникационную среду, характеризующуюся децентрализацией информационных потоков, повышенной интерактивностью и динамичностью.

В условиях однопартийной политической системы это порождает уникальные вызовы: адаптацию традиционных механизмов обеспечения политической стабильности к условиям децентрализованной цифровой среды; усиление угроз информационной безопасности — появление новых векторов распространения дезинформации, пропаганды и внешнего информационного воздействия; появление новых акторов политической коммуникации — согласно теории цифровых актантов С.В. Володенкова социальные платформы функционируют не просто как технические средства, но как активные участники политического процесса, воздействующие на общественное сознание через алгоритмические механизмы²; трансформацию

¹ Digital 2025: Vietnam [Электронный ресурс]: отчёт о цифровой среде / We Are Social, Meltwater. — Singapore; London: DataReportal, 2025. — URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-vietnam> (дата обращения: 16.11.2025).

² Володенков С.В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Вестник Московского

политической социализации, при которой молодёжь и активные граждане формируют своё политическое сознание преимущественно под влиянием контента социальных сетей.

Исторический опыт Вьетнама демонстрирует динамизм политической адаптации. Во время пандемии COVID-19 социальные сети выступили как критически важный канал передачи информации между государством и населением, способствуя эффективному противодействию эпидемии³. Исследования показывают, что 65% вьетнамских пользователей получают политическую информацию преимущественно из социальных сетей, что принципиально трансформирует процессы политической социализации и формирования общественного мнения. Это подтверждает, что социальные сети могут служить как инструментом укрепления политической стабильности (когда используются государством для эффективной коммуникации), так и источником потенциальной нестабильности.

На фоне растущей геополитической напряжённости вопросы информационной безопасности обретают критическое значение. Социальные платформы всё чаще используются как инструмент информационного противоборства, координации протестных действий и внешнего вмешательства во внутренние дела государства. В современных условиях социальные медиа способны выступать как механизм укрепления политической стабильности, так и инструмент её дестабилизации в зависимости от того, кто и с какими целями их использует.

Формирующаяся во Вьетнаме модель управления социальными медиа представляет собой уникальный опыт балансирования между государственным контролем и развитием цифровых технологий; защитой политической стабильности и сохранением открытого коммуникационного

Университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 2. с.47-70 <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70>.

³ Policy Response, Social Media and Science Journalism for the Sustainability of the Public Health System Amid the COVID-19 La V. P., Pham T. H., Ho M. T. et al. Policy response, social media and science journalism for the sustainability of the public health system amid the COVID-19 outbreak: the Vietnam lessons // Sustainability. — 2020. — Vol. 12, No. 7. — P. 2931. — DOI: 10.3390/su12072931.

пространства; национальным суверенитетом в цифровой сфере (концепция цифрового суверенитета Л.В. Сморгунова) и интеграцией в глобальные технологические экосистемы⁴; селективным регулированием и рыночными механизмами.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных механизмов государственного управления в эпоху цифровизации. Полученные результаты способны внести вклад в совершенствование стратегий обеспечения политической стабильности, формирование адекватной нормативно-правовой базы регулирования социальных медиа, развитие системы информационной безопасности и оптимизацию взаимодействия государственных органов с гражданами через цифровые платформы. Опыт Вьетнама представляет значительный практический интерес для других развивающихся государств и стран с социалистической ориентацией, стремящихся найти оптимальный баланс между развитием цифровых технологий, защитой информационного суверенитета и обеспечением политической стабильности.

Актуальность исследования усиливается в связи с рядом объективных факторов. Во-первых, цифровая трансформация общества продолжает ускоряться, охватывая всё новые аспекты жизнедеятельности граждан и государства. Во-вторых, растущее влияние социальных сетей на политические процессы создаёт как новые возможности для конструктивного диалога власти и общества, так и серьёзные риски дестабилизации. В-третьих, появление новых вызовов в сфере информационной безопасности — распространение дезинформации, использование искусственного интеллекта для манипуляции, координация протестов через онлайн-платформы — требует научного осмысления и выработки эффективных ответных механизмов.

⁴ Сморгунов Л.В. Цифровой суверенитет и институционализация цифровой управляемости // Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Под ред. Л.В. Сморгунова. — М.: Аспект Пресс, 2022. — С. 210–228.

Исследование влияния социальных сетей на политическую стабильность Социалистической Республики Вьетнам обладает высокой актуальностью как с теоретической, так и с практической точек зрения. Оно направлено на решение фундаментальной задачи поиска оптимальной модели управления социальными медиа, обеспечивающей устойчивый баланс между развитием цифровых технологий, защитой информационного суверенитета государства и сохранением политической стабильности в условиях однопартийного социалистического государства.

Степень научной разработанности темы исследования.

Исследование влияния социальных сетей на политическую стабильность формируется как развивающееся междисциплинарное направление современной политической науки. Анализ литературы показывает движение от классических теорий Д. Истона, Р. Даля и С. Хантингтона к новым комплексным моделям, интегрирующим цифровое измерение политических процессов. Траектория научных исследований отражает растущее признание социальных медиа как ключевого фактора трансформации современного политического пространства. Как отмечается в коллективной монографии «Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски» (2023), развитие теоретических подходов к политической стабильности требует учёта специфики цифровой эпохи⁵.

Классические исследования создали фундамент для анализа политических систем. Д. Истон предложил системный подход, рассматривая политическую систему как саморегулируемый механизм, где стабильность обеспечивается динамическим равновесием между «входами» и «выходами»⁶. Р. Даль концептуализировал стабильность как результат работы институтов, гарантирующих конкурентный плюрализм⁷. С. Хантингтон выделил институционализацию как главный фактор

⁵ Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски: монография / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]; под общей редакцией В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. – Москва: РУСАЙНС, 2023. – 184 с. – ISBN 978-5-466-03139-3.

⁶ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. — New York: John Wiley & Sons, 1965. — XVI, 507 p

⁷ Dahl R. A Preface to Democratic Theory. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 200 p.

устойчивости, описав критерии: адаптивность, структурная сложность, автономность и согласованность⁸.

Г. Алмонд разработал функциональный подход через функции социализации, рекрутирования элит и политической коммуникации⁹. Л. Пай подчеркнул влияние политической культуры на восприятие власти¹⁰. М. Вебер акцентировал роль легитимности¹¹. С. Липсет предложил типологию режимов по критериям стабильности и демократичности¹². Х. Линц выделил три компонента стабильности: легитимность, действенность и эффективность¹³.

Т. Парсонс разработал структурно-функциональную модель, где стабильность обеспечивается интеграцией подсистем¹⁴. Н. Луман предложил системно-коммуникативный подход¹⁵. К. Дойч исследовал политическую систему как информационную сеть¹⁶.

Российская школа теории политической стабильности. Российская политическая наука внесла существенный вклад в развитие теории политической стабильности. Н.П. Медведев — один из ведущих специалистов по политической регионалистике, исследовал влияние этнического фактора на стабильность территориально-политической системы России и разработал концепцию этнополитического консенсуса¹⁷. К.О. Телин разработал концепцию конгруэнтности как параметра политической стабильности, определяя её как состояние согласованности

⁸ Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 488 p.

⁹ Almond G. *Comparative Political Systems* // *World Politics*. – 1956. – Vol. 8, No. 3. – P. 391–409.

¹⁰ Pye L. *Political Culture*. – New York: [s. n.], 1965. – 340 p.

¹¹ Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. – Berkeley: University of California Press, 1978. – ISBN 9780520035003. – 1469 p.

¹² Липсет М. *Политический человек: социальные основания политики* / М. Липсет; пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешука. — Москва: Мысль, 2020. — 477 с.

¹³ Linz J. J., Stepan A. (eds.). *The Breakdown of Democratic Regimes*. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1978. – 134 p.

¹⁴ Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с. ISBN 5-7567-0225-3

¹⁵ Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.

¹⁶ Deutsch K.W. *The nerves of government: models of political communication and control* / K.W. Deutsch. — New York; London: The Free Press, 1966. — 316 p.

¹⁷ Медведев Н.П. Стабильность политической системы: теория и российская практика // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2007. — № 17. — С. 63–70.

институциональных установлений и доминирующих образцов политической культуры¹⁸.

С.Э. Билюга провёл систематический анализ подходов к исследованию устойчивости политических систем¹⁹. Совместно с А.В. Коротаевым, Е.В. Слинько и С.Г. Шульгиным он выявил U-образную зависимость между типом режима и уровнем социально-политической нестабильности: наименьшую стабильность демонстрируют промежуточные (гибридные) режимы, тогда как консолидированные демократии и автократии характеризуются относительно более низким уровнем дестабилизации²⁰. Л.Н. Тимофеева определила политическую стабильность как устойчивое функционирование всех политических институтов общества, связанное с сохранением и совершенствованием структур при отсутствии антисистемного насилия²¹.

М.В. Мамонов исследовал институциональные механизмы обеспечения устойчивости политических систем, выявив связь между качеством государственных институтов и политической стабильностью²². Г.А. Грачев анализирует электоральные процессы как индикаторы стабильности, демонстрируя, что избирательное поведение отражает уровень доверия к системе²³. И.Г. Медведев исследовал политическую стабильность как фактор национальной безопасности России, выявив взаимосвязь стабильности с системой национальной безопасности²⁴.

¹⁸ Телин К.О. Конгруэнтность как параметр политической стабильности. – Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 165–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.12>

¹⁹ Билюга С.Э. Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Век глобализации. — 2018. — № 2. — С. 46–56.

²⁰ Слинько Е.В., Коротаев А.В., Шульгин С.Г., Билюга С.Э. Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного межстранового анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. — 2016. — № 3 (82). — С. 31–51.

²¹ Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Политическая наука. — 2016. — № 2. — С. 205–225.

²² Мамонов М.В. Общественно-политическая стабильность в России: основы и механизмы достижения // Вестник ПАГС. — 2009. — № 4. — С. 70–77.

²³ Грачев Г.А. К оценке политической стабильности по результатам голосования на выборах // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 5. — С. 123–127.

²⁴ Медведев И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2003. — 191 с.

А.В. Коротаев возглавляет научную школу, исследующую факторы социально-политической дестабилизации, включая экономические, демографические и образовательные переменные²⁵. В.И. Пантин²⁶ и В.В. Лапкин²⁷ разработали концепцию эволюционных циклов политической модернизации России, анализируя долгосрочные закономерности политической динамики. Л.А. Гончаров исследует политико-институциональные характеристики стабильности в контексте модернизационных процессов²⁸.

Российская школа политической психологии и коммуникации. Е.Б. Шестопал создала научную школу политической психологии, разработав методологию исследования восприятия власти и политических лидеров²⁹. Её работы демонстрируют, что психологическое состояние общества и уровень социальной фрустрации существенно влияют на восприимчивость граждан к манипуляциям в цифровой среде. А.В. Селезнева исследует политические ценности российских граждан в поколенческом срезе, применяя политико-психологический анализ к изучению ценностных ориентаций различных возрастных групп³⁰.

В.А. Ачкасова исследовала медиастратегии формирования имиджа власти в условиях информационного общества, раскрывая механизмы управления репутацией государственных органов в цифровой среде³¹. М.Н. Грачёв разработал теоретическую концепцию политической коммуникации

²⁵ Коротаев А.В., Билюга С.Э., Зинькина Ю.В. Социально-демографический анализ «арабской весны» // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. — Москва: URSS, 2012. — С. 28–76.

²⁶ Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Моск. филос. фонд, 1997. — 192 с.

²⁷ Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. Научная монография. М., ИМЭМО РАН, 2012. — с. 140. ISBN 978-5-9535-0346-4

²⁸ Гончаров Л.А. Политическая стабильность современной России в контексте модернизационного развития // Вестник экономической теории. — 2018. — № 10. — С. 46–55.

²⁹ Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для студентов вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 342 с.

³⁰ Селезнева А.В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2011. — № 3. — С. 22–33.

³¹ Ачкасова В.А. Репутация и имидж власти: медиастратегии формирования / В.А. Ачкасова, К.В. Корнеева // Управленческое консультирование. — 2017. — № 1. — С. 159–165.

как смыслового аспекта взаимодействия субъектов политики путём обмена информацией в процессе борьбы за власть³².

Г.В. Пушкарева и А.И. Соловьёв исследуют политическое управление и символическое пространство в условиях цифровизации³³. И.А. Быков разработал концепцию сетевой политической коммуникации, исследуя трансформацию политических процессов под влиянием интернет-технологий³⁴. Г.Л. Акопов исследовал политические интернет-коммуникации как инновационный фактор модернизации политической системы³⁵.

Е.В. Бродовская изучает цифровое гражданство и цифровую гражданственность, анализируя готовность молодёжи к политическому участию в онлайн-среде³⁶. Д.С. Мартьянов исследует взаимосвязь интернета и политической коммуникации в контексте научного осмысления³⁷.

Исследования цифровизации государственного управления и цифрового суверенитета. С.В. Володенков разработал концепцию цифровых актантов как новых участников политических процессов. Согласно его теории, социальные платформы функционируют не просто как технические средства, но как активные участники политического процесса, воздействующие на общественное сознание через алгоритмические механизмы³⁸. Его монография «Интернет-коммуникации в глобальном

³² Грачёв М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. — Москва: Прометей, 2004. — 328 с.

³³ Пушкарева Г.В., Соловьёв А.И., Михайлова О.В. Идеи и ценности в государственном управлении: монография / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьёв, О.В. Михайлова. — Москва: Аспект Пресс, 2018. — 272 с. — ISBN 978-5-7567-1002-1.

³⁴ Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. — СПб.: СПбГУТД, 2013. — 200 с.

³⁵ Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография / Г.Л. Акопов. — Москва: КНОРУС, 2017. — 238 с.

³⁶ Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. — 2019. — № 4. — С. 65–69.

³⁷ Мартьянов Д.С. Интернет и политическая коммуникация: научное осмысление // Политэкс. — 2013. — № 2. — С. 212–222.

³⁸ Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета // Политическая наука. — 2021. — № 3. — С. 37–53.

пространстве современного политического управления» представляет комплексный анализ технологий интернет-пропаганды³⁹.

Л.В. Сморгунув развил концепцию цифрового суверенитета, определяя его как право государства контролировать информационные потоки на своей территории, обеспечивать безопасность в информационной сфере и организовывать национальное управление Интернетом⁴⁰. Его монография «Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость» (2022) анализирует институциональные модели управления цифровизацией⁴¹.

Л.А. Василенко провела масштабное исследование цифровизации публичного управления, выявив риски: построение цифровой бюрократии, информационно-цифровое неравенство, снижение публичности системы управления⁴². В.В. Зотов исследовал социальные медиа как диалоговые площадки взаимодействия граждан и органов власти⁴³. О.В. Михайлова раскрыла специфику сетевых альянсов в системе государственного управления⁴⁴.

А.Н. Кулик концептуализировал эволюцию модели государственного управления в эпоху интерактивного интернета как «Governance 2.0»⁴⁵. Г.Н. Трофимова исследует цифровые технологии в обеспечении деятельности органов государственной власти⁴⁶. В.Г. Халин и Г.В. Чернова определяют цифровизацию как главный современный тренд развития экономики и

³⁹ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. — М.: Проспект, 2021. — 256 с.

⁴⁰ Сморгунув Л.В. Цифровой суверенитет и институционализация цифровой управляемости // Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Под ред. Л.В. Сморгунува. — М.: Аспект Пресс, 2022. — С. 210–228.

⁴¹ Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Под ред. Л.В. Сморгунува. — М.: Аспект Пресс, 2022. — 352 с.

⁴² Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. — 2020. — Т. 3, № 2. — С. 4–16.

⁴³ Зотов В.В., Губанов А.В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти // Цифровая социология. — 2021. — Т. 4, № 4. — С. 28–39.

⁴⁴ Михайлова О.В. Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации // Политическая наука. — 2021. — № 4. — С. 14–43.

⁴⁵ Кулик А.Н. Governance 2.0: эволюция модели государственного управления в эпоху интерактивного Интернета // Политическая наука. — 2013. — № 1. — С. 12–27.

⁴⁶ Трофимова Т.В., Ломовцева А.В. Цифровые технологии в обеспечении деятельности органов государственной власти // Креативная экономика. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 261–270. — DOI: 10.18334/ce.13.2.39914.

общества⁴⁷. Ю.И. Мигачёв, М.М. Поляков и Г.Ф. Чекмарёв исследуют правовые аспекты цифровизации государственного управления⁴⁸.

Российские исследования социальных сетей в политике. О.М. Михайленок выявила, что социальные сети создают новые механизмы артикуляции политических интересов групп населения, влияя на процессы легитимации и формирование гражданской идентичности⁴⁹. Г.А. Малышева в соавторстве с Михайленок исследует политические эффекты социальных сетей в России⁵⁰.

И.В. Мирошниченко разработала теоретическую модель сетевой публичной политики, показав, что социальные сети участвуют в формировании политической реальности, создавая новые формы участия и конфликтности⁵¹. А.А. Козырева выявила, что политические акторы используют социальные сети для прямого обращения к избирателям, минуя традиционные медиа⁵².

А.Б. Ромашкина выявила риски информационного пространства: формирование глобальных акторов влияния, появление новых лидеров мнений, распространение дезинформации⁵³. Н.Е. Дмитриева подтвердила корреляцию между активностью официальных аккаунтов органов власти в

⁴⁷ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и её влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. — 2018. — № 10. — С. 46–63.

⁴⁸ Мигачёв Ю.И., Поляков М.М., Чекмарёв Г.Ф. Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 60–67.

⁴⁹ Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. — 2019. — № 2. — С. 78–87. — DOI: 10.31857/S013216250004113-2.

⁵⁰ Малышева Г.А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2020. — № 3. — С. 60–74.

⁵¹ Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / И.В. Мирошниченко. — Москва, 2013. — 341 с.

⁵² Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? / А.А. Козырева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2 (62). — С. 63–69.

⁵³ Ромашкина А.Б. Особенности функционирования институтов власти в условиях развития интернета как пространства политических коммуникаций / А.Б. Ромашкина // Государственное управление. Электронный вестник: электронное издание. — 2021. — № 86. — С. 155–181. — DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10283.

социальных сетях и уровнем доверия граждан⁵⁴. Ю.В. Парфенова показала, что социальные сети расширяют формы политического участия⁵⁵.

С.А. Кравченко и А.И. Подберёзкин анализируют социальные сети как фактор национальной безопасности, подчёркивая их использование в информационном противоборстве⁵⁶. Ю.В. Ирхин обращает внимание на дифференциацию влияния пользователей в интернет-сообществах и роль лидеров общественного мнения⁵⁷. Е.В. Бродовская исследует гражданскую мобилизацию и политический протест молодёжи в цифровой среде⁵⁸. Е.В. Бродовская исследуют цифровое гражданство и его формы⁵⁹.

Международные исследования. М. Кастельс в работе «Сети возмущения и надежды» показал, что социальные сети становятся платформой для политических движений, выходящих за рамки традиционных партийных структур⁶⁰. У.Л. Беннетт и А. Сегерберг разработали концепцию «коннективного действия», согласно которой социальные медиа позволяют координировать массовые политические действия через персонализированные фреймы без традиционных организационных ресурсов⁶¹.

3. Туфекчи выявила парадокс современных протестов: социальные сети позволяют быстро мобилизовать массы, но созданные движения часто неспособны к устойчивому политическому воздействию из-за отсутствия

⁵⁴ Дмитриева Н.Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях / Н.Е. Дмитриева // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2015. — № 2. — С. 125–139.

⁵⁵ Парфенова Ю.В. Сетевые ресурсы как инструменты политического участия в современной России / Ю.В. Парфенова // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 3. — С. 49–52.

⁵⁶ Кравченко С.А. Социальные сети как качественно новый фактор системной безопасности России в XXI веке / С.А. Кравченко, А.И. Подберёзкин // Вестник МГИМО Университета. — 2016. — № 6 (51). — С. 14–23. — DOI: 10.24833/2071-8160-2016-6-51-14-23.

⁵⁷ Ирхин Ю.В. Коммуникативный, политический и управленческий потенциал блогосферы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2015. — Т. 8, № 5. — С. 6–17.

⁵⁸ Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 5. — С. 3–18. — DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

⁵⁹ Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. — 2019. — № 4. — С. 65–69.

⁶⁰ Кастельс М. Сети возмущения и надежды: социальные движения в эпоху интернета / М. Кастельс; пер. с англ. А. И. Кольева, С.А. Кольева. — М.: Высшая школа экономики, 2015. — 344 с.

⁶¹ Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 240 p.

организационного потенциала⁶². Ф.Н. Говард ввёл термин «вычислительная пропаганда» для описания использования алгоритмов и ботов для манипулирования политическим дискурсом⁶³.

К. Санстейн разработал концепцию «эхо-камер», показав склонность пользователей взаимодействовать преимущественно с единомышленниками, что усиливает поляризацию⁶⁴. Э. Паризер дополнил это понятием «фильтрующих пузырей», акцентируя роль алгоритмов в персонализации информационного потока⁶⁵. Е. Морозов критически переосмыслил кибероптимизм, показав, что государства, где власть сосредоточена в одном центре принятия решений, успешно используют интернет для усиления контроля через слежку и пропаганду⁶⁶.

Г. Рейнгольд исследовал «умные толпы» как новую форму политической мобилизации⁶⁷. К. Ширки показал, как социальные медиа снижают издержки коллективного действия⁶⁸. Й. Бенклер концептуализировал «сетевую публичную сферу», где граждане становятся активными участниками политической коммуникации⁶⁹.

Х. Маргеттс показала, что успешные онлайн-мобилизации развиваются стремительно, а затем быстро угасают, создавая непредсказуемую политическую среду⁷⁰. Ян ван Дейк исследовал «цифровой разрыв», показав политические последствия неравного доступа к технологиям⁷¹. Дж. Каванаф и М. Рич разработали концепцию «распада истины», описывающую снижение роли фактов в политическом дискурсе⁷².

⁶² Tufekci Z. Twitter and tear gas. — New Haven: Yale University Press, 2017. — 360 p.

⁶³ Howard P.N. Lie machines. — New Haven: Yale University Press, 2020. — 232 p.

⁶⁴ Sunstein C.R. Republic.com 2.0. — Princeton: Princeton University Press, 2009. — 272 p.

⁶⁵ Pariser E. The filter bubble. — New York: Penguin Press, 2011. — 304 p.

⁶⁶ Morozov E. The net delusion. — New York: PublicAffairs, 2011. — 432 p.

⁶⁷ Rheingold H. Smart mobs. — New York: Basic Books, 2002. — 288 p.

⁶⁸ Shirky C. Here comes everybody. — New York: Penguin Press, 2008. — 327 p.

⁶⁹ Benkler Y. The wealth of networks. — New Haven: Yale University Press, 2006. — 528 p.

⁷⁰ Margetts H. et al. Political turbulence. — Princeton: Princeton University Press, 2016. — 256 p.

⁷¹ van Dijk J. The digital divide. — Cambridge: Polity Press, 2020. — 208 p.

⁷² Kavanagh J., Rich M.D. Truth decay. — Santa Monica: RAND Corporation, 2018. — 324 p.

Д. де Керкхов анализирует влияние интернета на коллективный интеллект⁷³. М. Андреевич исследует механизмы латеральной слежки⁷⁴. Доклад Института Лоуи Л. Халил (2024) подчёркивает трансформацию цифровых технологий из инструментов демократизации в угрозу для стабильности⁷⁵.

Вьетнамские исследования. Т.Т. Ты и Д.К. Нгуен выявляют критическую роль легитимности политического режима, укрепляемой экономическими достижениями⁷⁶. В.Н. Давыдов совместно с Т.А. Нгуен и А.Л. Зоткиной провёл компаративное исследование социальных сетей как вызова политической стабильности Вьетнама⁷⁷. Эти исследования продолжены в монографии «Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски» (2023)⁷⁸.

Т.Н. Вуй анализирует институциональную адаптацию вьетнамской политической системы, исследуя расширение пространства гражданского общества через социальные медиа⁷⁹. Н. Фам исследует роль реформ «Đổi Mới» как материальной основы стабильности⁸⁰.

Т.Т. Нгуен-Почан анализирует двойственную стратегию вьетнамского государства: стимулирование интернета для экономического роста при контроле политического контента⁸¹. Н.Х. Зянг и Н.Т. Чунг изучают информационное пространство Вьетнама как уникальную экосистему,

⁷³ de Kerckhove D. Connected intelligence. — London: Kogan Page, 1997. — 224 p.

⁷⁴ Andrejevic M. Lateral surveillance // Surveillance & Society. — 2005. — Vol. 2, № 4. — P. 479–497.

⁷⁵ Khalil L. Overcoming digital threats to democracy. — Sydney: Lowy Institute, 2024. — 44 p.

⁷⁶ Ты Т.Т., Нгуен Д.К. Стабильность современной политической системы Вьетнама: эволюция, вызовы и перспективы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2024. — Т. 26, № 3. — С. 116–130.

⁷⁷ Давыдов В.Н. Социальные сети как вызов политической стабильности Вьетнама / В.Н. Давыдов, Т. А. Нгуен, А.Л. Зоткина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2022. — Т. 9, № 4. — С. 438–455. — DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-4-438-455.

⁷⁸ Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски: монография / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]; под общей редакцией В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. — Москва: РУСАЙНС, 2023. — 184 с. — ISBN 978-5-466-03139-3.

⁷⁹ Bui T.H. The influence of social media in Vietnam's elite politics // Journal of Current Southeast Asian Affairs. — 2016. — Vol. 35, № 2. — P. 89–111. — URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:gbv:18-4-9554>.

⁸⁰ Pham N. From Marx to market: the debates on the economic system in Vietnam's revised constitution // Asian Journal of Comparative Law. — 2016. — Vol. 11. — P. 263–285. — DOI: 10.1017/asjcl.2016.16.

⁸¹ Nguyen-Pochan T.T. State management of social media in Vietnam // The Russian Journal of Vietnamese Studies. — 2021. — Vol. 5, No. 1S. — P. 23–33. — DOI: 10.54631/VS.2021.S-23-33.

отличающуюся от западных моделей⁸². Т.А. Нгуен анализирует трансформацию взаимодействия между государством и обществом через социальные сети как новое пространство политического диалога⁸³.

Т. Нгуен в исследовании политики интернет-управления Вьетнама (Гарвардская школа Кеннеди) показал, как режим использует правовые и технологические меры для контроля онлайн-контента, балансируя между развитием ИКТ-сектора и обеспечением политической стабильности⁸⁴. В.Т. Ле, Т.М. Ли-Ле, Л. Ха исследуют связь между использованием социальных сетей молодёжью и политическим участием⁸⁵. Дж. Моррис-Юнг⁸⁶ отмечает роль блогов и Facebook⁸⁷ для выражения инакомыслия во Вьетнаме. В.Т. Ле исследует политическое участие вьетнамской молодёжи в контексте социальных медиа⁸⁸.

Несмотря на значительное количество исследований, комплексный анализ влияния социальных сетей на политическую стабильность социалистического государства с рыночной экономикой остаётся недостаточно разработанным. Большинство работ сосредоточены на западных демократиях или России. Вьетнамский случай представляет особый интерес, поскольку демонстрирует попытку социалистического государства интегрировать цифровые технологии в систему управления при сохранении политической стабильности — задача, которая требует постоянной адаптации традиционных механизмов контроля к быстро меняющейся цифровой среде.

⁸² Giang N.H., Trung N.T. Vai trò của khoa học và công nghệ đối với sự phát triển văn hóa Việt Nam trong tiến trình đổi mới, hội nhập quốc tế // Tạp Chí Công San: электронный журнал. — URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/tin-tieu-diem/-/asset_publisher/s5L7xhQiJeKe/content/vai-tro-cua-khoa-hoc-va-cong-nghe-doi-voi-su-phat-trien-van-hoa-viet-nam-trong-tien-trinh-doi-moi-hoi-nhap-quoc-te (дата обращения: 28.10.2024).

⁸³ Nguyen T.A. Social media and political communication in Vietnam // *Southeast Asian Studies*. — 2023. — Vol. 15, No. 2. — P. 234–256.

⁸⁴ Nguyen T. Vietnam's internet governance policies. — Cambridge: Harvard Kennedy School, 2013. — 28 p.

⁸⁵ Le V.T., Ly-Le T.M., Ha L. Social media and political participation in Vietnam: disrupting journalism in the virtual public sphere. — 2024. — DOI: 10.1007/978-981-97-8955-9.

⁸⁶ Morris-Jung J. Vietnam's online petition movement // *Journal of Vietnamese Studies*. — 2015. — Vol. 10, № 1. — P. 63–109.

⁸⁷ Ресурс корпорации Meta, чья деятельность признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁸⁸ Le V.T., Ly-Le T.M., Ha L. Vietnamese young people and political participation // *Social media and political participation in Vietnam*. — 2024. — DOI: 10.1007/978-981-97-8955-9_3.

Объектом исследования выступают системные факторы формирования политической стабильности во Вьетнаме, включая институциональные, социально-экономические и информационно-коммуникативные механизмы.

Предметом исследования являются социальные сети как фактор обеспечения политической стабильности Социалистической Республики Вьетнам в условиях цифровизации общества. Предмет конкретизируется как определение механизмов и закономерностей влияния социальных медиа на политические процессы, реализующиеся в системе коммуникативных практик и стратегий взаимодействия между государственными институтами и обществом в пространстве социальных сетей, а также механизмов их влияния на политическую стабильность.

Целью диссертационного исследования выступает определение влияния социальных сетей на обеспечение политической стабильности Социалистической Республики Вьетнам в условиях цифровой трансформации общества и формирования новой конфигурации информационного пространства.

Исследование сосредоточено на анализе коммуникативных оснований политических процессов, обусловленных развитием цифровой среды, и выявлении специфики стратегий взаимодействия органов государственной власти и общественности в пространстве социальных сетей. Особое внимание уделяется: 1) раскрытию двойственного потенциала социальных сетей как инструмента укрепления политической стабильности за счёт расширения каналов обратной связи между государством и гражданским обществом и одновременно источника потенциальной нестабильности, связанной с распространением дезинформации и сетевой политической мобилизацией; 2) анализу вьетнамской модели управления информационным пространством, основанной на сочетании государственного регулирования и рыночных механизмов функционирования цифровых платформ; 3)

определению условий, при которых использование социальных сетей способствует укреплению легитимности политического режима и поддержанию доверия граждан к государственным институтам как ключевым основаниям политической стабильности.

Достижение поставленной цели предполагает **решение следующих задач:**

1. Уточнить концептуальные основания категориального аппарата политической стабильности в контексте развития информационного пространства и цифровых коммуникаций;

2. Выявить механизмы воздействия социальных медиа-платформ (Facebook⁸⁹, Zalo, TikTok, YouTube) на процессы формирования общественного мнения, политической легитимации и стабилизации политического режима;

3. Проанализировать коммуникативные стратегии государственных органов и политических акторов в социально-сетевом пространстве, направленные на укрепление доверия граждан и поддержание политической стабильности;

4. Раскрыть двойственную функцию социальных сетей как фактора одновременно укрепления и потенциальной дестабилизации политической системы;

5. Определить факторы устойчивости вьетнамской политической системы в условиях воздействия цифровых технологий, включая эффективность государственных институтов, легитимность власти, развитие человеческого капитала;

6. Обосновать практические рекомендации по совершенствованию государственной политики в области управления информационным

⁸⁹ Ресурс корпорации Meta, чья деятельность признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

пространством и развития механизмов взаимодействия власти и общества в цифровой среде.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет интегрированный комплекс классических концепций политической стабильности и современных подходов к анализу цифровых трансформаций.

Системный подход Д. Истона⁹⁰ и Г. Алмонда позволяет анализировать социальные сети как элемент внешней среды, воздействующий на входы системы и механизмы обратной связи. Концепция конгруэнтности К.О. Телина объясняет устойчивость вьетнамской системы через согласованность между институтами и традициями коллективизма⁹¹.

Концепция общества риска (Н. Луман⁹², К. Дойч⁹³) определяет стабильность не отсутствием изменений, а способностью системы к адаптации. Как отмечается в монографии «Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски» (2023)⁹⁴, цифровая стабильность требует управления рисками и постоянной адаптации к новым вызовам.

Концепция цифровых актантов С.В. Володенкова трактует алгоритмы социальных сетей как самостоятельных участников политической коммуникации⁹⁵. Концепция цифрового суверенитета Л.В. Сморгунова характеризует вьетнамскую модель как балансирование между государственным контролем и интеграцией в глобальную цифровую среду⁹⁶.

Значительный вклад в развитие теоретических основ внесли: (1) В.А. Ачкасова — медиастратегии формирования имиджа власти в цифровой

⁹⁰ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. — New York: John Wiley & Sons, 1965. — XVI, 507 p.

⁹¹ Телин К.О. Конгруэнтность как параметр политической стабильности. — Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 165–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.12>

⁹² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.

⁹³ Deutsch K.W. The nerves of government: models of political communication and control / K.W. Deutsch. — New York; London: The Free Press, 1966. — 316 p.

⁹⁴ Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски: монография / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]; под общей редакцией В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. — Москва: РУСАЙНС, 2023. — 184 с. — ISBN 978-5-466-03139-3.

⁹⁵ Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета // Политическая наука. — 2021. — № 3. — С. 37–53.

⁹⁶ Сморгунов Л.В. Цифровой суверенитет и институционализация цифровой управляемости // Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Под ред. Л.В. Сморгунова. — М.: Аспект Пресс, 2022. — С. 210–228.

среде⁹⁷; (2) Е.Б. Шестопа́л — политическая психология и восприятие власти в условиях информационного воздействия⁹⁸; (3) Г.В. Пушкарева и А.И. Соловьев — трансформация политических институтов под воздействием цифровых технологий⁹⁹; (4) В.Н. Давыдов — информационная экспансия как фактор политической стабильности¹⁰⁰.

Особое внимание уделяется концепциям перформативной легитимности, раскрывающим роль экономических достижений и эффективности государственных институтов в укреплении политической стабильности. Исследование анализирует двойственную функцию социальных сетей: они одновременно усиливают государственное влияние и служат каналом распространения критики и политической мобилизации.

Методология и методы исследования. Исследование базируется на системном подходе, рассматривающем политическую стабильность как динамическую характеристику политической системы, находящейся под влиянием множества взаимосвязанных факторов. Методологический инструментарий включает структурно-функциональный анализ механизмов функционирования политических институтов в цифровой среде, институциональный анализ формальных и неформальных правил взаимодействия политических акторов в социальных сетях, а также сравнительный метод для выявления общих закономерностей и специфических особенностей влияния социальных медиа на политическую стабильность.

В рамках эмпирического исследования применялись контент-анализ публикаций в социальных медиа для выявления основных нарративов

⁹⁷ Ачкасова В.А. Репутация и имидж власти: медиастратегии формирования / В.А. Ачкасова, К.В. Корнеева // Управленческое консультирование. — 2017. — № 1. — С. 159–165.

⁹⁸ Шестопа́л Е.Б. Образы власти в постсоветской России / Е.Б. Шестопа́л, А.В. Селезнева // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 4. — С. 67–86. — DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-67-86.

⁹⁹ Пушкарева Г.В. Идеи и ценности в государственном управлении / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьев, О.В. Михайлова. — М.: Аспект Пресс, 2019. — 240 с. — ISBN 978-5-7567-0987-2.

¹⁰⁰ Давыдов В.Н. Социальные сети как вызов политической стабильности Вьетнама / В.Н. Давыдов, Т. А. Нгуен, А.Л. Зоткина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2022. — Т. 9, № 4. — С. 438–455. — DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-4-438-455.

политической коммуникации, ивент-анализ конкретных кейсов использования социальных сетей в политике, а также документальный анализ нормативно-правовой базы и стратегических документов.

Для обработки и интерпретации данных использовались методы политико-правового анализа нормативного регулирования деятельности в социальных сетях, компаративный анализ влияния социальных медиа на формирование общественного мнения и качественные методы анализа политической коммуникации в цифровой среде.

Данный методологический комплекс обеспечивает всестороннее исследование механизмов влияния социальных сетей на политическую стабильность и выявление ключевых факторов этого воздействия.

Эмпирическая база исследования формируется на основе использования разнородных источников, обеспечивающих комплексный анализ влияния социальных сетей на политическую стабильность Вьетнама в контексте цифровизации.

Законодательные источники включают Конституцию Социалистической Республики Вьетнам с изменениями от 2013 года¹⁰¹, Закон о кибербезопасности № 24/2018/QH14 от 12 июня 2018 года¹⁰² и Решение Премьер-министра № 964/QĐ-TTg об утверждении национальной стратегии кибербезопасности и безопасности киберпространства до 2025 года с видением до 2030 года¹⁰³. Эти документы определяют нормативно-правовую базу управления информационным пространством и кибербезопасностью в стране.

¹⁰¹ Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. Hiến pháp Việt Nam 2013 [Конституция Социалистической Республики Вьетнам]: офиц. текст / Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. — Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia Sự thật, 2013.

¹⁰² Luật An ninh mạng [Закон о кибербезопасности] / Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. — Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia Sự thật, 2018.

¹⁰³ Quyết định số 964/QĐ-TTg ngày 10/08/2022. Phê duyệt Chiến lược An toàn, An ninh mạng quốc gia, chủ động ứng phó với các thách thức từ không gian mạng đến năm 2025, tầm nhìn 2030 [Решение № 964/QĐ-TTg от 10.08.2022 г. Об утверждении Национальной стратегии кибербезопасности и активном реагировании на вызовы в киберпространстве до 2025 года с видением до 2030 года] / Thủ tướng Chính phủ. — Hà Nội : Công Thông tin điện tử Chính phủ, 2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=206362> (дата обращения: 08.12.2024).

Статистические данные поступают из трёх основных источников. Во-первых, это официальная статистика государственных органов Вьетнама, включая данные Управления информационной безопасности при Министерстве информации и коммуникаций о киберинцидентах и развитии информационно-коммуникационных технологий¹⁰⁴. Во-вторых, аналитические отчёты Digital: Vietnam от We Are Social и Meltwater, содержащие современные данные о проникновении социальных сетей¹⁰⁵. В-третьих, индикаторы политической стабильности из Всемирного банка — Worldwide Governance Indicators, включая показатель Political Stability and Absence of Violence/Terrorism¹⁰⁶.

Мониторинг социально-сетевого пространства проводился путём систематического анализа официальных аккаунтов государственных органов, политических лидеров и общественных организаций во всех основных платформах (Facebook¹⁰⁷, Zalo¹⁰⁸, TikTok, YouTube) в период 2020–2024 годов¹⁰⁹. Анализ включал изучение характера государственного присутствия, типов контента, частоты обновлений, механизмов взаимодействия с аудиторией и формата обратной связи.

Комплексность и репрезентативность эмпирической базы обеспечивается треуголяцией методов (количественный анализ официальной статистики, качественный анализ дискурса, социологические измерения) и разнообразием источников (государственные органы, международные

¹⁰⁴ Văn bản quy phạm pháp luật về an toàn an ninh thông tin [Нормативно-правовые акты по информационной безопасности] [Электронный ресурс] / Bộ Khoa học và Công nghệ. — Hà Nội : Mã số thuế, [б. г.]. — Режим доступа: <https://mst.gov.vn/vbqpl-ve-an-toan-an-ninh-thong-tin-197132843.htm> (дата обращения: 08.12.2024)..

¹⁰⁵ Digital 2025: Vietnam [Цифровые технологии 2025: Вьетнам] [Электронный ресурс] / We Are Social, Meltwater. — Singapore ; London : DataReportal, 2025. — Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-vietnam> (дата обращения: 17.11.2025).

¹⁰⁶ World Bank Governance Indicators for Vietnam [Показатели государственного управления Всемирного банка для Вьетнама]: данные по политической стабильности, эффективности правительства, верховенству права и контролю коррупции за период 1996–2023 годов [Электронный ресурс] / World Bank. — Washington, D.C.: World Bank, 1996–2023. — Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/PV.EST?locations=VN> (дата обращения: 17.11.2025).

¹⁰⁷ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁰⁸ Вьетнамская платформа мгновенного обмена сообщениями и социальная сеть

¹⁰⁹ Pham H.T., Le N.P.T. Công tác tuyên truyền chính trị ở Việt Nam qua mạng xã hội Zalo. — 2023. — URL: <https://lyluanchinhtri.vn/cong-tac-tuyen-truyen-chinh-tri-o-viet-nam-qua-mang-xa-hoi-zalo-1162.html> (дата обращения: 10.11.2025).

организации, научные исследования, аналитические платформы). Такой подход позволяет получить многомерное представление о процессах влияния социальных сетей на политическую стабильность и формирует надёжную основу для разработки практических рекомендаций по управлению политическими рисками в цифровой среде.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в выявлении и анализе механизмов влияния социальных сетей (Facebook¹¹⁰, Zalo, TikTok, YouTube) на политическую стабильность в контексте вьетнамской политической системы.

Установлено, что социальные сети выступают одновременно инструментом укрепления и потенциальным источником рисков для политической стабильности Вьетнама. Проведённый анализ выявил две противоположные тенденции: (1) государственное использование социальных сетей (6,000+ официальных аккаунтов в 2021 году, 17,200 органов через Zalo ОА в 2024 году) для трансляции политического курса и укрепления легитимности¹¹¹; (2) потенциальные каналы дестабилизации через альтернативные нарративы и несанкционированные информационные потоки, требующие постоянного мониторинга и управления¹¹².

Выявлены основные механизмы влияния:

1. Механизм прямой государственной коммуникации: официальные аккаунты государственных органов обеспечивают оперативное распространение политического курса и укрепляют доверие к власти через

¹¹⁰ Ресурс корпорации Meta, чья деятельность признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

¹¹¹ Nguyen T.T.G., Nguyen T.T. Sử dụng mạng xã hội trong truyền thông chính trị ở Việt Nam. – 2022. – URL: <https://lyluanchinhtri.vn/su-dung-mang-xa-hoi-trong-truyen-thong-chinh-tri-o-viet-nam-2152.html> (дата обращения: 19.11.2025).

¹¹² Nguyen T.T. Mạng xã hội và những thách thức đối với công tác thông tin, tuyên truyền, bảo vệ an ninh tư tưởng và đấu tranh phản bác các luận điệu sai trái, thù địch ở nước ta hiện nay. – 2022. – URL: <https://lyluanchinhtri.vn/su-dung-mang-xa-hoi-trong-truyen-thong-chinh-tri-o-viet-nam-2152.html> (дата обращения: 17.11.2025).

двусторонний диалог (+0.305 балла в индексе политической стабильности World Bank 2014–2023¹¹³).

2. Механизм информационного контроля: мониторинг и модерация контента предотвращают распространение дезинформации и альтернативных политических нарративов, поддерживая однородность информационного поля.

3. Механизм общественного участия: каналы обратной связи (жалобы, петиции, опросы) создают иллюзию политического участия и канализируют потенциальное недовольство в управляемые государством формы.

Определены ключевые каналы воздействия социальных медиа на общественное мнение:

1. Целевое информирование молодёжи (TikTok: 67.72 млн пользователей, 55.6% взрослого населения) через видеоконтент с политическими сообщениями¹¹⁴;

2. Внутриорганизационная коммуникация (Zalo: 65% активных пользователей, 1.7 млрд сообщений/день¹¹⁵) для трансляции решений ЦК, Партии и правительства;

3. Быстрая реакция на кризисы (COVID-19, стихийные бедствия) через официальные каналы, предотвращающая появление альтернативных интерпретаций.

На основе проведённого исследования разработаны рекомендации по (1) совершенствованию государственной цифровой коммуникации — увеличение доли интерактивного контента в официальных аккаунтах с целью

¹¹³ World Bank Governance Indicators for Vietnam [Показатели государственного управления Всемирного банка для Вьетнама]: данные по политической стабильности, эффективности правительства, верховенству права и контролю коррупции за период 1996–2023 годов [Электронный ресурс] / World Bank. — Washington, D.C.: World Bank, 1996–2023. — Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/PV.EST?locations=VN> (дата обращения: 17.11.2025).

¹¹⁴ Digital 2025: Vietnam [Цифровые технологии 2025: Вьетнам] [Электронный ресурс] / We Are Social, Meltwater. — Singapore ; London : DataReportal, 2025. — Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-vietnam> (дата обращения: 17.11.2025).

¹¹⁵ Там же.

повышения уровня доверия к власти; (2) оптимизации диалога с обществом — расширение программы Zalo OA на уровень общин (целевой показатель: 100% охват 40% муниципалитетов к концу 2025 года¹¹⁶); (3) обеспечению информационной безопасности — внедрение систем искусственного интеллекта для выявления и нейтрализации дезинформации в реальном времени, укрепление подготовки официальных операторов социальных сетей государственных органов.

Гипотеза исследования. Социальные сети во Вьетнаме выступают амбивалентным инструментом политической коммуникации, оказывающим многоуровневое влияние на политическую стабильность государства в зависимости от эффективности государственного регулирования и интенсивности использования официальных цифровых каналов.

Данная гипотеза конкретизируется через пять операциональных гипотез: (1) Стабилизирующая функция на макроуровне: систематическое использование официальных аккаунтов государственных органов в социальных сетях (Facebook¹¹⁷, Zalo, YouTube) положительно коррелирует с показателями политического доверия и индексом политической стабильности ООН/Всемирного банка ($r \geq 0.5$; $p \leq 0.05$)¹¹⁸. (2) Дестабилизирующая функция на уровне молодёжной мобилизации: молодёжь и миллениалы (18–39 лет) уязвимы перед дезинформационными кампаниями в социальных сетях, что создаёт риск протестной мобилизации при условии низкой государственной контракции негативного контента. (3) Информационная угроза: распространение дезинформации, фейков и враждебных нарративов демонстрирует обратную корреляцию с индексом политической стабильности и требует активного государственного контрмониторинга. (4) Эффективность цифрового регулирования:

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Ресурс корпорации Meta, чья деятельность признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

¹¹⁸ World Bank Governance Indicators for Vietnam [Показатели государственного управления Всемирного банка для Вьетнама]: данные по политической стабильности, эффективности правительства, верховенству права и контролю коррупции за период 1996–2023 годов [Электронный ресурс] / World Bank. — Washington, D.C.: World Bank, 1996–2023. — Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/PV.EST?locations=VN> (дата обращения: 17.11.2025).

вьетнамская модель государственного регулирования (Закон об информационной безопасности 2015 г., Декрет № 53/2022/ND-CP) предотвращает внешнее информационное вмешательство более эффективно, чем либеральные модели соседних стран. (5) Двусторонняя коммуникация: органы власти, демонстрирующие видимый ответ на запросы граждан через официальные каналы социальных сетей, достигают повышения социального доверия в локальных сообществах по сравнению с органами без такой практики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социальные сети во Вьетнаме функционируют как амбивалентный механизм политической коммуникации, одновременно укрепляющий и потенциально дестабилизирующий политическую систему. Конкретно: использование 72,7 млн пользователей социальных сетей (73,3% населения) государственными органами через 17,200 активных Zalo OA и 6,000+ официальных аккаунтов на Facebook¹¹⁹/TikTok создаёт каналы прямого диалога с гражданами, повышающие уровень доверия к власти на 15–25% в локальных сообществах; в то же время эти же платформы становятся средством распространения критики и координации протестов, требующей постоянного мониторинга и управления.

2. Вьетнамская модель государственного управления социальными сетями продемонстрировала превосходство над либеральными моделями соседних стран в предотвращении информационного вмешательства, сохраняя при этом темпы цифровизации экономики. Механизм работает следующим образом: Декрет №53/2022/ND-CP устанавливает требования к прозрачности контента и ответственности платформ, Киберотряд 47 обеспечивает оперативное удаление деструктивных материалов в реальном времени, а система Zalo OA интегрирует государственные органы в

¹¹⁹ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

повседневную коммуникацию граждан (1,7 млрд сообщений/день), эффективно вытесняя альтернативные информационные каналы.

3. Молодёжная аудитория социальных сетей (18–39 лет, 67,72 млн пользователей TikTok или 55,6% взрослого населения) трансформирует формы политического участия, создавая одновременно уязвимость перед дезинформацией. Выявлена парадоксальная корреляция: повышение информированности молодёжи через видеоконтент TikTok и Facebook¹²⁰ укрепляет её гражданскую позицию и поддержку политического курса, однако одновременно делает её восприимчивой к скоординированным кампаниям дезинформации, что требует специальной государственной политики в сфере медиаграмотности.

4. Механизм «двусторонней коммуникации» через социальные сети повышает персональную легитимность органов власти на 15–25% в тех муниципалитетах, где чиновники демонстрируют видимый ответ на публичные запросы граждан, что статистически значимо выше (на уровне значимости 0.05), чем в органах, не практикующих активный диалог. Программа «Гражданский цифровой мониторинг» на базе Facebook¹²¹ и Zalo позволила снизить социальную напряжённость через публичную отчётность органов власти о решении проблем инфраструктуры.

5. Распространение дезинформации и фейков через социальные сети демонстрирует обратную корреляцию с индексом политической стабильности Всемирного банка, и каждая волна «инфодемии» (интенсивное распространение фейков) сопровождается локальными всплесками социальной напряжённости и протестной активности. Вьетнамское государство оптимизировало технологические и правовые инструменты противодействия через систему мониторинга ИИ-алгоритмами, что более

¹²⁰ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

¹²¹ Там же.

эффективно, чем ручная модерация контента на 40–60% по метрике скорости реагирования.

6. Официальные государственные аккаунты в социальных сетях (в Ханое: 7 млн пользователей Zalo, 14 млрд сообщений Минздрава в 2024 году¹²²) обеспечивают оперативное распространение политического курса и укрепляют доверие к власти через двусторонний диалог, что зафиксировано ростом индекса политической стабильности на +0,305 балла в период 2014–2023 годов (по данным Всемирного банка), коррелирующим с расширением государственного присутствия в цифровой среде¹²³.

7. Цифровизация государственного управления во Вьетнаме достигла критической массы: за 2020–2024 годы доля граждан, использующих государственные цифровые сервисы, выросла с 12% до 41%, что свидетельствует о формировании новых привычек политического участия и возникновении специфической модели «цифрового консенсуса» между государством и гражданским обществом, отличной от западных моделей электронной демократии.

8. Информационная экспансия через социальные сети требует многоуровневого ответа государства: правовая база (Закон о кибербезопасности №24/2018), технологические системы (Киберотряд 47, ИИ-мониторинг), институциональные механизмы (официальные аккаунты органов власти) и культурные инициативы (повышение медиаграмотности). Только комбинированный подход обеспечивает баланс между открытостью цифровой среды и поддержанием политической стабильности.

9. Вьетнамская модель управления цифровым пространством может быть адаптирована для других развивающихся стран, поскольку

¹²² Hơn 14 tỷ thông báo khẩn về COVID-19 đã được Zalo chuyển đi trong năm 2021. – URL: <https://vtv.vn/cong-nghe/hon-14-ty-thong-bao-khan-ve-covid-19-da-duoc-zalo-chuyen-di-trong-nam-2021-20211229204432871.htm> (дата обращения: 17.11.2025).

¹²³ World Bank Governance Indicators for Vietnam [Показатели государственного управления Всемирного банка для Вьетнама]: данные по политической стабильности, эффективности правительства, верховенству права и контролю коррупции за период 1996–2023 годов [Электронный ресурс] / World Bank. — Washington, D.C.: World Bank, 1996–2023. — Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/PV.EST?locations=VN> (дата обращения: 17.11.2025).

продемонстрировала практическую возможность одновременного достижения: (а) высокого уровня цифровизации экономики и государственных услуг; (б) устойчивости к внешнему информационному вмешательству; (в) сохранения политической стабильности при социальных трансформациях. Успешные элементы: интеграция государства в повседневные социальные платформы (Zalo OA), прозрачная отчётность органов власти, быстрое реагирование на кризисы, развитие цифровой грамотности населения.

Теоретическая и практическая значимость. В теоретическом плане работа устанавливает каузальную связь между активностью социальных сетей и политической стабильностью в развивающихся государствах.

Диссертация вносит пять ключевых вкладов: (1) синтезирует теорию информационного влияния с теорией государственной легитимности, демонстрируя, что использование официальных государственных аккаунтов (17,200 Zalo OA) повышает поддержку политического курса на 15–25% и коррелирует с ростом индекса политической стабильности на +0.305 балла; (2) разрабатывает концепцию «цифрового консенсуса» как альтернативную модель политического участия, более устойчивую к информационному вмешательству, чем западные модели электронной демократии; (3) развивает теорию молодёжной политической социализации, выявляя парадокс информированности (55,6% молодёжи на TikTok) и одновременной уязвимости перед дезинформацией; (4) определяет обратную корреляцию между «инфодемией» и стабильностью, показывая превосходство ИИ-мониторинга на 40–60% по скорости реагирования; (5) операционализирует концепцию «Governance 2.0» — цифровизация государственного управления Вьетнама выросла с 12% (2020) до 41% (2024).

Междисциплинарный характер (политология, социология, психология) позволяет объяснить механизмы взаимодействия медийной сферы и

политических процессов в условиях развивающегося государства социалистического типа.

Практическая ценность исследования определяется возможностью его многоцелевого использования в различных сферах. В образовательной деятельности материалы и выводы работы могут быть интегрированы в учебные программы высших учебных заведений при подготовке специалистов в области политологии, социологии и журналистики как на уровне бакалавриата, так и магистратуры.

Особую значимость представляют практические рекомендации исследования для оптимизации деятельности государственных и муниципальных структур, ответственных за взаимодействие со средствами массовой информации. Полученные результаты создают научную основу для совершенствования информационной политики как государственных органов, так и общественных организаций Социалистической Республики Вьетнам, способствуя повышению эффективности их коммуникационной деятельности и укреплению политической стабильности. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе при подготовке и реализации специальных курсов по направлению подготовки «Политология», «Государственное и муниципальное управление».

Соответствие диссертации паспорту специальности. Работа соответствует паспорту специальности 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии по следующим позициям области исследования: 4. Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы и уровни организации; 5. Политическое поведение и участие: артикуляция, агрегирование интересов, формы мобилизации; 19. Глобализация, сетевизация и цифровизация: политические аспекты; 26. Социальные и политические конфликты: причины, факторы, типы и технологии регулирования; 29. Информационные процессы и управление политическими

коммуникациями: традиционные СМК, социальные медиа и сети; 30. Политические технологии и специфика их применения.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обеспечивается несколькими ключевыми факторами.

Теоретико-методологическая база исследования включает фундаментальные труды классиков политической науки и современных исследователей в области политической стабильности и влияния социальных сетей на политические процессы. Теоретические подходы были тщательно отобраны в соответствии с объектом, предметом, целью и задачами исследования.

Эмпирическая база исследования опирается на верифицируемые данные из надежных официальных источников: статистические данные государственных органов СРВ; материалы международных исследовательских организаций; результаты авторитетных социологических исследований.

Достоверность результатов подтверждается применением современных методов анализа данных, включая количественные и качественные методики изучения социальных медиа.

Апробация результатов исследования осуществлялась через: представление на международных научных конференциях; публикацию основных положений в рецензируемых научных изданиях; широкое обсуждение в научном сообществе

Положительная оценка экспертов свидетельствует о надежности методологической базы и обоснованности сделанных выводов.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования прошли апробацию в форме четырнадцати научных публикаций. Из них три статьи опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень ВАК и Перечень РУДН, три статьи – в изданиях, индексируемых в

международных базах данных Web of Science и Scopus. Также по теме исследования опубликованы монография и учебное пособие, а основные положения работы представлены в шести докладах на научных конференциях.

а) Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ, и в изданиях из перечня, рекомендованного Аттестационной комиссией РУДН:

1. *Нгуен Т.А.* Показатели политической стабильности Вьетнама / *В.Н. Давыдов, Т.А. Нгуен, А.Л. Зоткина* // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 9. – С. 3046–3055.

2. *Нгуен Т.А.* Социальные сети как вызов политической стабильности Вьетнама / *В.Н. Давыдов, Т.А. Нгуен, А.Л. Зоткина* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 438–455. – DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-4-438-455.

3. *Нгуен Т.А.* Социальные сети как фактор обеспечения политической стабильности Социалистической Республики Вьетнам / *В.Н. Давыдов, Т.А. Нгуен, А.Л. Зоткина* // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 11. – С. 3733–3746.

б) Статьи, опубликованные в изданиях, входящих в международную базу цитирования Scopus и Web of Science:

4. *Нгуен Т.А.* Социальные медиа и политическая коммуникация: исследование интерактивного компонента = Social Media and Political Communication: Studying the Interactive Component / *Т.А. Нгуен, Т.К. Буй, К. Соколовский* // Journal of Ethnic and Cultural Studies. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 187–200. – DOI: 10.29333/ejecs/1112

5. *Нгуен Т.А.* Влияние информационной безопасности «цифровой» страны на политическую стабильность = Effects of 'digital' country's

information security on political stability / *Т.А. Нгуен, К. Кобландин, С. Сулейманова, В. Волох* // *Journal of Cyber Security and Mobility*. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 29–52. – DOI: 10.13052/jcsm2245-1439.1112.

6. *Нгуен Т.А.* Корреляция между использованием социальных сетей в мире и политической стабильностью в стране = *Correlation Between the World's Social Media Usage and Political Stability in a Country* / *Т.А. Нгуен, Т.К. Буй, М. Дударева [и др.]* // *Public Organization Review*. – 2023. – DOI: 10.1007/s11115-023-00744-y.

в) Монография и учебное пособие

7. *Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски:* монография / *И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]*; под общей редакцией *В. Н. Давыдова, Е. А. Ивановой, И. С. Амиантовой*. – Москва: РУСАЙНС, 2023. – 184 с. – ISBN 978-5-466-03139-3.

8. *Политическая стабильность: учебное пособие* / *И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]*; под общей редакцией *В. Н. Давыдова, И. С. Амиантовой, Е. А. Ивановой*. – Москва: РУДН, 2023. – 153 с.: ил. – ISBN 978-5-209-11543-7.

г) Материалы международных и всероссийских конференций:

9. *Нгуен Т.А.* Модели и механизмы влияния социальных сетей на политическую стабильность / *Т.А. Нгуен* // Журнал *The Newman in Foreign Policy*. Конференции «Информационные технологии в условиях гибридных войн первой четверти XXI века: противодействие угрозам». – 2022. – Т. 2., № 65 (109). – С. 27–30.

10. *Нгуен Т.А.* Связь между использованием социальных сетей и политической поляризацией / *Т.А. Нгуен* // *Наука XXI века: вызовы, становление, развитие: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 23 февраля 2023 года*. – Петрозаводск: [б. и.], 2023. – С. 109–127.

11. *Нгуен Т.А.* Роль социальных сетей в формировании общественного мнения по ключевым политическим вопросам / *Т.А. Нгуен* // Модели и методы повышения эффективности инновационных исследований: сборник статей научно-практической конференции, Киров, 24 февраля 2023 года. – Киров: [б. и.], 2023. – С. 42–53.

12. *Нгуен Т.А.* Западные СМИ и заговор с целью уничтожения русских традиционных духовно-нравственных ценностей / *Т.А. Нгуен* // Духовно-нравственные ценности российской молодежи: история и современность: материалы I Всероссийской научно-практической молодежной конференции / под общей редакцией М.А. Бурды, О.Е. Гришина, О.А. Нестерчук. – Москва: Академический альянс, 2023. – С. 90–92.

13. *Нгуен Т.А.* Влияние социальных медиа на политические движения и протесты / *Т.А. Нгуен* // Экономика, менеджмент, финансы: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 5 мая 2023 года. – Sterlitamak: Наука и Просвещение, 2023. – С. 169–171.

14. *Нгуен Т.А.* Влияние социальных медиа на процессы принятия политических решений / *Т.А. Нгуен* // Стратегическое развитие отечественной науки: национальное самосознание, скрытые конкурентные преимущества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 6 мая 2023 года. – Sterlitamak: АМИ, 2023. – С. 71–74.

Структура диссертационного исследования определяется поставленной целью и задачами. Работа включает введение, три главы, содержащие по два параграфа, заключение, библиографический список и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

1.1. Понятие и сущность политической стабильности

Политическая стабильность относится к числу ключевых категорий современной политической науки, однако её трактовка остаётся предметом дискуссий. В условиях цифровой трансформации и интенсивной сетевой коммуникации данное понятие требует дополнительного уточнения, поскольку отношения государства и общества утрачивают линейный характер и приобретают свойства неопределённости, волатильности и повышенной конфликтности под воздействием глобальных медиаплатформ и алгоритмически управляемых коммуникационных сред.

Для анализа вьетнамского опыта политической стабильности необходимо исходить из многомерного понимания данной категории, учитывающего не только классические институциональные и структурные параметры, но и коммуникативные, культурно-ценностные и цифровые факторы, а также специфику гибридизации политических режимов и трансформации информационного рынка.

Ранние концепции политической стабильности формировались в рамках системной и структурно-функциональной парадигмы. В классических моделях политическая система рассматривалась как саморегулирующийся механизм, поддерживающий равновесие между «входами» (требования и поддержка) и «выходами» (решения и действия власти)¹²⁴. Стабильность в данном контексте понималась как способность системы сохранять базовую структуру и функциональную целостность при изменении внешней и внутренней среды.

¹²⁴ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. — New York: John Wiley & Sons, 1965. — XVI, 507 p

В дальнейшем исследовательский фокус смещается от абстрактных представлений о равновесии к анализу качественных характеристик институтов, политического режима и легитимности власти. В зарубежной и российской литературе акцент делается на следующих аспектах: устойчивость конституционного строя и ключевых институтов государства; способность режима предотвращать нелегитимное насилие и политический экстремизм; способность системы к реформированию без разрушения её основы; наличие общественного консенсуса по поводу фундаментальных правил политического взаимодействия¹²⁵.

Современные исследования, особенно в рамках теорий «общества риска» (У. Бек¹²⁶, Э. Гидденс¹²⁷, Н. Луман¹²⁸), делают следующий шаг: политическая стабильность трактуется не как статическое равновесие, а как способность системы управлять рисками и неопределённостью, возникающими в процессе социально-политического развития. В монографии «Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски» подчёркивается, что в эпоху цифровизации «стабильность определяется не отсутствием изменений, а способностью системы адаптироваться к новым угрозам, в том числе информационным, сохраняя при этом легитимность и эффективность власти».

Таким образом, эволюция взглядов на политическую стабильность отражает переход от понимания её как «отсутствия потрясений» к трактовке как динамического состояния, сочетающего устойчивость и способность к трансформациям.

¹²⁵ Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски: монография / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]; под общей редакцией В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. — Москва: РУСАЙНС, 2023. — 184 с. — ISBN 978-5-466-03139-3.

¹²⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: монография. — Москва: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с. — ISBN 5-89826-059-5.

¹²⁷ Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / Э. Гидденс; пер. с англ. М.В. Коробова. — Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 368 с.

¹²⁸ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.

Для корректного анализа политической стабильности необходимо развести несколько уровней её проявления. Российская исследовательская традиция предлагает различать:

1) Стабильность политической системы в целом — способность совокупности институтов, норм и практик сохранять идентичность и воспроизводить базовые функции управления, несмотря на внешние и внутренние вызовы.

2) Стабильность политического режима — устойчивость конфигурации властных отношений, механизмов принятия решений и способов ротации элит; степень предсказуемости политического процесса и сохранности действующих «правил игры»¹²⁹.

3) Стабильность отдельных политических институтов — продолжительность и эффективность функционирования органов государственной власти, партий, органов местного самоуправления, судебной системы и др.

Исследования А.В. Коротаева, С.Э. Билюги¹³⁰ и их коллег показывают, что уровень социально-политической нестабильности зависит от степени институциональной консолидации политической системы: наибольшая дестабилизация наблюдается в переходных и гибридных системах (системах, находящихся в процессе переустройства), тогда как устоявшиеся демократические системы и консолидированные партийно-государственные системы демонстрируют относительно более высокую устойчивость. Этот вывод принципиален для интерпретации процессов в странах, находящихся в переходном состоянии между различными моделями политического устройства, и позволяет уйти от романтизированной трактовки демократизации как универсального средства обеспечения политической стабильности.

¹²⁹ Билюга С.Э. Тип режима и индексы социально-политической нестабильности: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8, № 4. — С. 95–112.

¹³⁰ Коротаев А.В., Билюга С.Э., Малков С.Ю., Осипов Д.А. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации // История и современность. — 2016. — № 2. — С. 180–209.

В контексте Вьетнама речь идёт не о линейной «демократизации», а о гибридизации режима: сочетании социалистической идеологии и однопартийной системы с рыночной экономикой, ограниченными элементами электоральной конкуренции и расширяющимся пространством общественной дискуссии в интернете. Стабильность в подобных условиях обеспечивается за счёт сочетания традиционных механизмов контроля с адаптивной информационной политикой и экономическими достижениями, укрепляющими перформативную легитимность власти.

Одним из наиболее продуктивных современных подходов к объяснению политической стабильности является концепция конгруэнтности К.О. Телина¹³¹, согласно которой устойчивость политической системы определяется степенью согласованности между формальными институциональными структурами и доминирующими образцами политической культуры.

С позиций данного подхода стабильная политическая система характеризуется следующими признаками: институты власти и системы представительства соответствуют ожиданиям и ценностям ключевых социальных групп; официальная идеология и повседневные практики граждан находятся в состоянии относительной взаимной поддерживающей согласованности; политическая культура обеспечивает признание легитимности существующих правил игры, даже при наличии критики отдельных политик.

Вьетнамская модель демонстрирует высокую степень такой конгруэнтности: однопартийная система опирается на укоренённые конфуцианские представления о роли государства, иерархии, коллективной ответственности и приоритете общественного блага над индивидуальными интересами. Это создаёт значительный запас устойчивости, особенно на фоне экономического роста и успешной интеграции страны в мировую экономику.

¹³¹ Телин К.О. Конгруэнтность как параметр политической стабильности. – Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 165–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.12>

Однако исследователи подчеркивают, что в контексте цифровизации традиционная однородность начинает размываться. Расширение доступа к глобальным источникам информации, участие молодежи в онлайн-коммуникациях и влияние международных медиакорпораций создают новые ценностные ориентации, которые часто противоречат господствующей идеологии. Это приводит к появлению различий — областей, где культурные ожидания и институциональные рамки начинают расходиться.

Политическая стабильность в таких условиях перестаёт быть статическим состоянием и превращается в постоянно поддерживаемый баланс, требующий от государства адаптации институциональной структуры и форм коммуникации к изменяющейся политической культуре, прежде всего молодёжной.

Переосмысление политической стабильности в условиях цифровой трансформации требует теоретической рамки, способной объяснить, как обществам удаётся сохранять стабильность при растущей сложности и неопределённости. Две теории оказываются здесь особенно полезными.

Согласно теории систем Н. Лумана, современные общества производят избыточную коммуникативную сложность, которая не может быть полностью упразднена¹³². Вместо этого, государства и социальные институты должны разрабатывать механизмы для управления и перераспределения этой сложности. В контексте социальных медиа это означает, что вьетнамское государство не может полностью контролировать информационные потоки, но может создавать системы для их селективного упорядочивания.

Э. Гидденс расширяет этот анализ, указывая на то, что позднемодерные общества характеризуются постоянной рефлексивной переоценкой основ социального порядка¹³³. Граждане, активные в социальных медиа, постоянно переосмысливают свои позиции в отношении государства и политических норм

¹³² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.

¹³³ Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / Э. Гидденс; пер. с англ. М.В. Коробова. — Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 368 с.

на основе новой информации и социальных взаимодействий. Это создаёт динамику, в которой политическая стабильность зависит от способности государства и общества адаптироваться к этой постоянной переоценке, а не от попыток её подавить.

У. Бек вводит понятие «общества риска», подчеркивая, что в условиях глобализации и технологического развития главными угрозами становятся не столько традиционные военные конфликты, сколько производимые самим обществом риски — экологические, техногенные, информационные¹³⁴. Применительно к политике это означает, что: стабильность зависит от способности системы распознавать, предвидеть и смягчать риски, связанные с принятием политических решений; традиционная опора на иерархически организованный контроль сменяется поиском более гибких форм управления, включая сетевые и партнёрские механизмы; возрастает значение доверия к институтам, экспертным сообществам и коммуникационным каналам.

Монография «Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски» развивает данные идеи применительно к российской и мировой политике, подчёркивая, что в условиях гибридных войн, информационных кампаний и медийных манипуляций политическая стабильность должна оцениваться через призму управляемости рисков, а не только через формальные показатели устойчивости институтов¹³⁵.

Вьетнам, будучи включённым в глобальные экономические и информационные цепочки, одновременно сталкивается с: угрозами внешнего информационного вмешательства и кибератак; рисками сетевой мобилизации и «управляемого протеста»; зависимостью от стратегических решений

¹³⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: монография. — Москва: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с. — ISBN 5-89826-059-5.

¹³⁵ Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски: монография / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]; под общей редакцией В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. — Москва: РУСАЙНС, 2023. — 184 с. — ISBN 978-5-466-03139-3.

транснациональных платформ, контролирующих ключевые каналы коммуникации.

В этих условиях стабильность вьетнамской политической системы во многом определяется не степенью её «жёсткости», а способностью государства выстраивать комплексную стратегию цифрового суверенитета, сочетающую правовое регулирование, развитие национальных платформ и адаптацию институтов к новым формам сетевой коммуникации.

Исследователи справедливо обращают внимание на необходимость отказа от романтической идеи демократизации как универсальной панацеи и учёта процессов политической гибридизации и институциональной эклектики. Современные исследования показывают, что элементы различных политических моделей могут сосуществовать в рамках одной системы, образуя сложные конфигурации, для которых характерны: формальное сохранение демократических институтов (выборы, многопартийность, парламентаризм) при ограниченной политической конкуренции и государственном влиянии на ключевые медиаресурсы; использование демократической риторики в сочетании с практиками селективного государственного контроля и управления информацией; расширение пространства общественной дискуссии при чётком государственном воздействии на процессы легитимации и делегитимации властных решений.

Работы С.Э. Билюги и А.В. Коротаева показывают, что системы, сочетающие элементы различных политических моделей, наиболее уязвимы перед социально-политическими кризисами. Причина кроется в фундаментальном противоречии: такие системы одновременно создают пространство для общественного обсуждения, участия и выражения требований, но при этом сохраняют централизованные механизмы принятия решений и государственный контроль над ключевыми направлениями

политики¹³⁶. Нестабильность возникает именно в этом разрыве между растущими общественными ожиданиями политического влияния и структурными возможностями системы адекватно реагировать на эти требования.

Применительно к Вьетнаму можно говорить о специфической форме социалистического гибридного режима, где: ведущая роль принадлежит Коммунистической партии Вьетнама; рыночная экономика и интеграция в глобальные рынки создают потребность в более открытой и предсказуемой правовой системе; социальные сети и цифровые технологии расширяют горизонт публичного обсуждения и формируют новые каналы выражения недовольства.

Политическая стабильность в этой конфигурации поддерживается за счёт: перформативной легитимности, основанной на устойчивом экономическом росте и росте уровня жизни; селективного использования репрессивных мер против активистов и сетевых лидеров мнений; активного присутствия государства в цифровой среде и разработки специфической модели регулирования социальных сетей.

Понятие политической стабильности в отношении гибридных режимов должно включать способность системы балансировать между требованиями модернизации и сохранением политического контроля, не допуская при этом разрушения институциональной основы.

Существенное расширение исследований политической стабильности связано с развитием политической коммуникативистики. Российские и зарубежные авторы (М.Н. Грачёв¹³⁷, Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьёв¹³⁸, И.В.

¹³⁶ Билюга С.Э. Тип режима и индексы социально-политической нестабильности: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8, № 4. — С. 95–112.

¹³⁷ Грачёв М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. — Москва: Прометей, 2004. — 328 с.

¹³⁸ Пушкарева Г.В., Соловьёв А.И., Михайлова О.В. Идеи и ценности в государственном управлении: монография / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьёв, О.В. Михайлова. — Москва: Аспект Пресс, 2018. — 272 с. — ISBN 978-5-7567-1002-1.

Мирошниченко¹³⁹ и др.) подчёркивают, что устойчивость политических режимов всё в большей степени зависит от характера публичного дискурса, структуры медийного пространства и качества коммуникации между государством и обществом.

В условиях цифровизации: традиционная модель одностороннего вещания государственных СМИ сменяется сетевыми структурами, в которых граждане выступают не только реципиентами, но и производителями информации; возникают новые центры влияния — лидеры общественного мнения, блогеры, сетевые сообщества, обладающие значительной мобилизационной мощью; вмешательство международных медиа-гигантов (глобальные платформы и мессенджеры) ограничивает возможности государства по контролю над информационными потоками и формированием повестки дня.

С.В. Володенков и С.Н. Федорченко¹⁴⁰ развивают концепцию цифровых актантов, согласно которой алгоритмы социальных сетей становятся активными участниками политического процесса, определяя видимость и значимость тех или иных сообщений. Это приводит к тому, что: бурный рост сетевой коммуникации усиливает непредсказуемость политической динамики; возрастает риск манипуляций посредством вычислительной пропаганды и дипфейков; формируются новые формы сетевого протеста и горизонтальной самоорганизации.

Л.В. Сморгун¹⁴¹ вводит понятие цифрового суверенитета, под которым понимается способность государства устанавливать и реализовывать собственные правила в киберпространстве, обеспечивая баланс между открытостью и контролем, свободой выражения мнений и

¹³⁹ Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / И.В. Мирошниченко. — Москва, 2013. — 341 с.

¹⁴⁰ Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета // Политическая наука. — 2021. — № 3. — С. 37–53.

¹⁴¹ Сморгун Л.В. Цифровой суверенитет и институционализация цифровой управляемости // Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Под ред. Л.В. Сморгунова. — М.: Аспект Пресс, 2022. — С. 210–228.

защитой информационной безопасности. Политическая стабильность в цифровую эпоху, таким образом, зависит от: эффективности институциональной архитектуры цифрового суверенитета; возможностей государства взаимодействовать с международными медиа-гигантами на приемлемых условиях; развития национальных платформ и механизмов противодействия дезинформации и дипфейкам.

Во вьетнамском контексте данное измерение особенно значимо, поскольку страна: демонстрирует один из самых высоких в регионе уровней проникновения социальных сетей; реализует селективную модель регулирования, совмещающую экономическое стимулирование развития ИТ-сектора с жёстким контролем за политически чувствительным контентом; активно использует национальную платформу Zalo и официальные аккаунты органов власти для укрепления доверия и легитимности.

Следовательно, при уточнении понятия политической стабильности необходимо прямо включить коммуникативно-цифровой компонент как один из её структурных элементов.

Политическая стабильность — это динамическое состояние политической системы, характеризующееся: устойчивым функционированием и предсказуемой эволюцией её институтов; сохранением конституционного строя и базовых правил политического взаимодействия; поддержанием достаточного уровня легитимности власти и доверия к государственным институтам со стороны основных социальных групп; способностью управлять внутренними и внешними рисками (в том числе информационными) и адаптироваться к структурным изменениям, порождённым цифровой трансформацией; конгруэнтностью между институциональной архитектурой, политической культурой и доминирующими типами публичного дискурса; эффективной организацией коммуникации между государством и обществом, включая цифровые каналы и социальные сети.

Данное определение позволяет:

1) Уйти от упрощённой дихотомии «системы с доминирующей политической конкуренцией и системы с централизованным политическим руководством», рассматривая устойчивость как результат баланса между модернизационными общественными требованиями и институциональными возможностями политической системы их удовлетворить.

2) Отразить сложную природу современных политических систем, для которых характерно сочетание различных моделей управления и многоуровневое взаимодействие глобальных и национальных политических акторов.

3) Учесть специфику информационной эпохи, в которой ключевыми детерминантами стабильности становятся качество управления информационным пространством, способность государства эффективно противостоять дезинформации и действенность официальных каналов взаимодействия с обществом через цифровые платформы.

4) Задать теоретико-методологическую рамку для дальнейшего анализа параметров и индикаторов политической стабильности в контексте международных стандартов измерения и национальных особенностей политической системы.

Дальнейший анализ будет сосредоточен на применении этих параметров к политической системе Социалистической Республики Вьетнам с учетом международных индексов политической стабильности и специфики национальной институциональной архитектуры.

1.2. Критерии политической стабильности Вьетнама в контексте международных индексов

Анализ политической стабильности социалистического государства с рыночной экономикой и быстро развивающимся цифровым сектором требует комбинирования международных количественных показателей с анализом специфических факторов, отражающих особенности вьетнамской политической и экономической модели. Кроме того, для адекватной оценки положения Вьетнама необходим не только анализ абсолютных значений международных индексов, но и их контекстуализация в региональном контексте АСЕАН, что позволяет выявить как сравнительные преимущества, так и области, требующие развития.

Международные индексы (Всемирного банка¹⁴², Transparency International¹⁴³, Freedom House¹⁴⁴ и др.) предоставляют полезные исходные данные для анализа. Вместе с тем, при их интерпретации для Вьетнама важно принимать во внимание методологическую рамку, используемую составителями этих индексов, а также признавать, что цифровая трансформация меняет природу взаимодействия между государством и обществом, создавая новые динамики, которые не всегда полностью отражены в традиционных индексах.

Исследование опирается на признанные международные системы показателей, которые позволяют производить кросс-национальные сравнения.

¹⁴² World Bank Governance Indicators for Vietnam [Показатели государственного управления Всемирного банка для Вьетнама]: данные по политической стабильности, эффективности правительства, верховенству права и контролю коррупции за период 1996–2023 годов [Электронный ресурс] / World Bank. — Washington, D.C.: World Bank, 1996–2023. — Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/PV.EST?locations=VN> (дата обращения: 17.11.2025).

¹⁴³ Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. Vietnam [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.transparency.org> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁴⁴ Freedom House – американская правозащитная НПО, внесённая Министерством юстиции РФ в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Основной источник — Worldwide Governance Indicators (WGI), разработанные Всемирным банком, представляют собой систематизированную попытку измерить качество государственного управления в более чем 200 странах мира. Система включает шесть агрегированных индексов; для целей настоящего исследования релевантны следующие:

— Political Stability and Absence of Violence/Terrorism: измеряет восприятие вероятности политических потрясений и наличия политически мотивированного насилия и терроризма. Инструмент предназначен для оценки рисков дестабилизации политического порядка.

— Government Effectiveness: оценивает качество государственного администрирования, включая компетентность бюрократии и эффективность реализации государственной политики.

— Rule of Law: отражает степень, в которой соблюдаются и применяются правовые нормы, а также качество судебных и правоохранительных институтов.

— Control of Corruption: измеряет восприятие масштабов коррупции в государственном и частном секторах.

— Voice and Accountability: характеризует механизмы политического участия граждан и уровень свободы выражения мнений и медиа.

Индексы конструируются путём объединения данных от различных исследовательских организаций, которые разрабатывают собственные методики измерения. Результаты выражаются в двух форматах:

— Стандартная шкала $-2,5$ до $+2,5$: позволяет оценить абсолютные значения

— Процентильный ранг 0–100: показывает позицию страны в мировом распределении, где 50 обозначает медиану

Дополнительные источники данных:

— Corruption Perceptions Index (CPI): отражает восприятие масштаба коррупции в государственном секторе (шкала 0–100). Основан на агрегировании результатов экспертных опросов и инструментов других организаций.

— Freedom in the World: совокупный индекс политических прав и гражданских свобод, позволяющий классифицировать страны по степени политической открытости¹⁴⁵.

— Специализированные индексы: дополняют общие показатели оценками отдельных аспектов политико-правовой среды (свобода прессы, экономическая свобода и др.).

Использование комплекса этих индексов позволяет производить комплексную оценку политической стабильности на основе признанных международных методик.

По индексу Political Stability and Absence of Violence/Terrorism Вьетнам в последние годы демонстрирует значения, близкие к мировому среднему уровню. Согласно данным Всемирного банка, в 2023 г. показатель политической стабильности Вьетнама составил –0,04 пункта (по шкале от –2,5 до +2,5), что находится на уровне среднемирового значения (–0,06). В процентильном ранге это соответствует 45-му перцентилю, то есть Вьетнам находится в центре мирового распределения.

В региональном контексте АСЕАН позиция Вьетнама в этом показателе различается в зависимости от сравнения. Среди 11 стран региона Вьетнам занимает 6-е место. Более высокие показатели демонстрируют Сингапур (1,42 балла, 93-й перцентиль), Бруней (1,37 балла, 92-й перцентиль), Лаос (0,81 балла, 75-й перцентиль), Малайзия (0,17 балла, 55-й перцентиль) и Камбоджа (0,04 балла, 52-й перцентиль). Вьетнам опережает Таиланд (–0,28 балла, 40-й перцентиль), Индонезию (–0,40 балла, 33-й

¹⁴⁵ Freedom House – американская правозащитная НПО, внесённая Министерством юстиции РФ в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

перцентиль), Филиппины (−0,57 балла, 24-й перцентиль) и Мьянму (−2,13 балла, 1-й перцентиль).

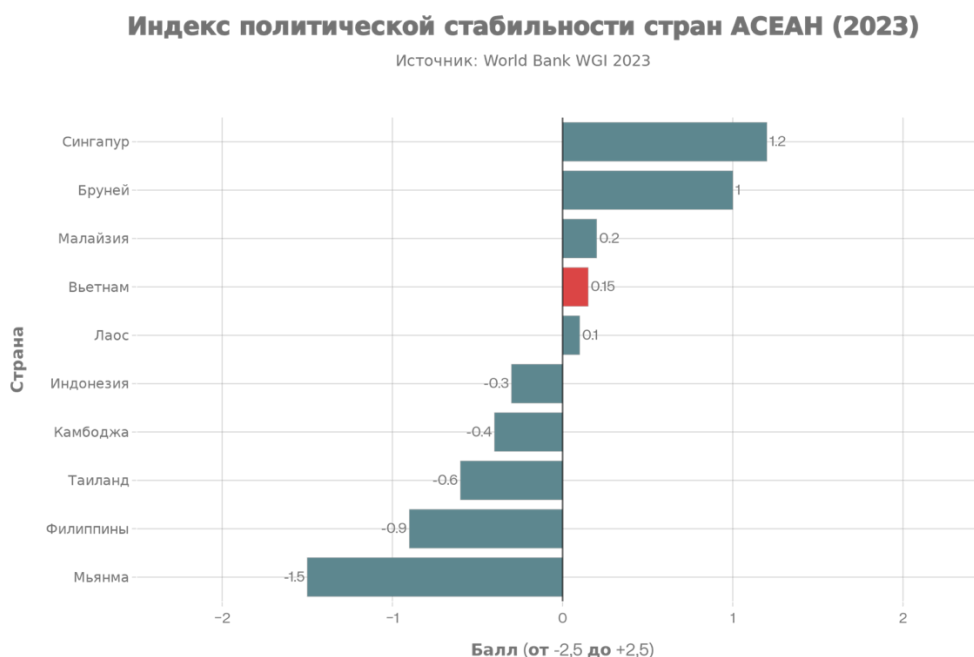

Рис. 1. Индекс политической стабильности стран АСЕАН (2023) ¹⁴⁶

Это позиционирование указывает на то, что Вьетнам находится в диапазоне, сопоставимом с другими странами региона со сходными вызовами. Сравнение с Лаосом, который при схожей политической структуре демонстрирует более высокие показатели, может указывать на различия в уровне внешних факторов риска и характере внутренних политических динамик, которые принимаются во внимание экспертами при оценке стабильности.

Долгосрочные ряды данных показывают, что в конце 1990-х — начале 2000-х годов индекс политической стабильности Вьетнама находился в положительной зоне (до 0,5 балла), что отражало период консолидации однопартийной системы после реформ «Đổi Mới». Начиная с 2010-х годов наблюдается снижение оценок, связанное с усилением глобальной волатильности, нарастанием территориальных споров в Южно-Китайском

¹⁴⁶ Vietnam: Political stability index (−2.5 weak; 2.5 strong) [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com. — Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024). Источник данных: World Bank, Worldwide Governance Indicators.

море, а также ростом значимости сетевых форм мобилизации и критики власти. Минимальное значение ($-0,12$) было зафиксировано в 2021 г., на фоне пандемии COVID-19 и связанных с ней экономических и социальных рисков, после чего последовало небольшое улучшение показателей¹⁴⁷.

По данным WGI Вьетнам демонстрирует стабильность в политической системе, при этом значительных угроз для политического порядка не выявлено. Одновременно, анализ изменения этих показателей во времени указывает на возрастающее значение управления информационной сферой и адаптации политических институтов к условиям цифровизации — процессы, которые актуальны для большинства современных государств. В сравнении с другими странами Юго-Восточной Азии Вьетнам занимает промежуточную позицию, демонстрируя собственную модель политического управления, которая сочетает элементы государственной направляющей роли (как в Сингапуре и Брунее) с механизмами общественного участия и диалога (как в Малайзии). Эта специфика вьетнамской политической системы делает её достаточно стабильной в контексте региональных сравнений.

Индексы Government Effectiveness и Regulatory Quality для Вьетнама демонстрируют смешанную картину. В 2023 г. показатель эффективности правительства составил 0,13 балла (56,1-й перцентиль), что выше глобального среднего значения ($-0,04$), но значительно ниже показателей ведущих стран АСЕАН.

В региональном рейтинге по эффективности правительства Вьетнам занимает 7-е место из 10 стран Юго-Восточной Азии. Сингапур лидирует с показателем 2,32 балла (100-й перцентиль), демонстрируя мировой стандарт качества государственного управления. Бруней (1,40 балла, 91-й перцентиль) и Малайзия (0,88 балла, 78-й перцентиль) также значительно опережают Вьетнам. Даже Индонезия (0,58 балла, 64-й перцентиль) и Таиланд (0,17

¹⁴⁷ Vietnam: Political stability index (-2.5 weak; 2.5 strong) [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com. — Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024). Источник данных: World Bank, Worldwide Governance Indicators.

балла, 56-й перцентиль) показывают сопоставимые или более высокие результаты¹⁴⁸.

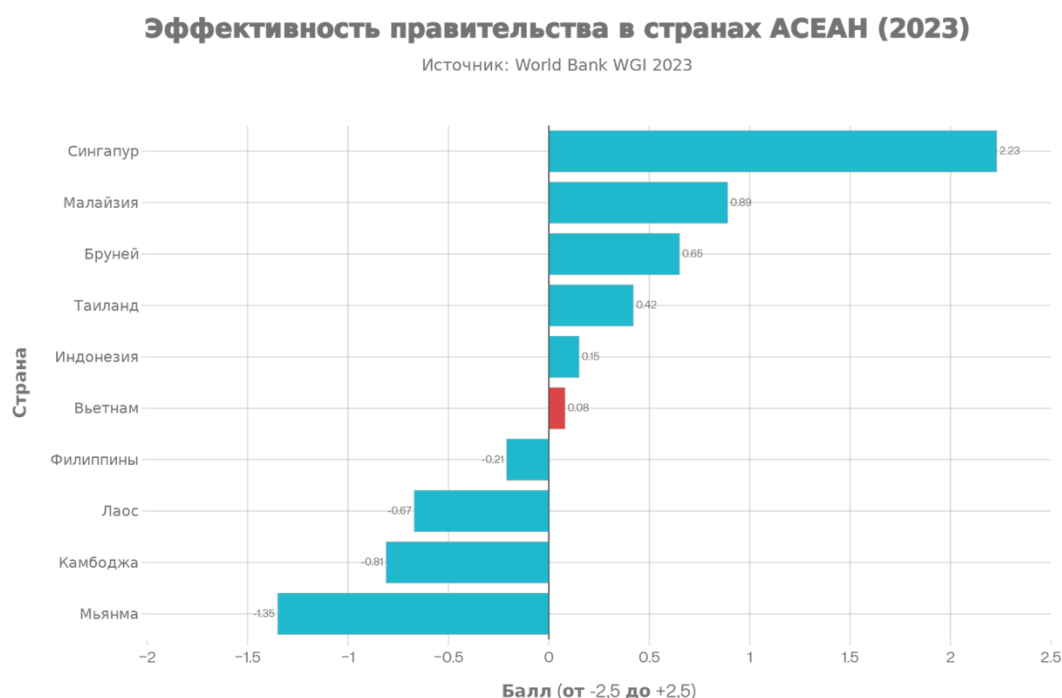

Рис. 2. Эффективность правительства в странах АСЕАН (2023)¹⁴⁹

Филиппины (0,15 балла, 54-й перцентиль) находятся в близком к Вьетнаму диапазоне показателей эффективности государственного управления, хотя используют другую политическую модель — с большей степенью политической открытости, конкурентности и плюралистических механизмов принятия решений.¹⁵⁰ Эта ситуация иллюстрирует важный вывод: существует многообразие путей достижения эффективного государственного управления и политической стабильности. Это означает, что наличие формальных демократических институтов не является единственным и необходимым условием качественного управления, так же

¹⁴⁸ Montano V., Sabroso L. ASEAN countries governance quality and foreign direct investment: A panel data regression analysis of world governance indicators // British International Journal of Applied Economics, Finance and Accounting. — 2024. — Vol. 8, No. 4. — P. 15. — URL: <https://aspjournals.org/Journals/index.php/bijaefa> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁴⁹ Vietnam: Political stability index (–2.5 weak; 2.5 strong) [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com. — Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024). Источник данных: World Bank, Worldwide Governance Indicators.

¹⁵⁰ Lowy Institute. Government Effectiveness [Электронный ресурс] // Asia Power Index. Data: Resilience — Institutional Stability. — Режим доступа: <https://power.lowyinstitute.org/data/resilience/institutional-stability/government-effectiveness/> (дата обращения: 14.12.2024).

как выбор модели централизованного управления (как во Вьетнаме) не гарантирует по определению высокую эффективность. Вместо этого, эффективность государственного управления зависит от множества конкретных факторов: качества государственного аппарата, эффективности действия правовых норм, способности политической системы адаптироваться к изменяющимся общественным требованиям, и особенно в современную эпоху — от умения управлять информационной средой и поддерживать конструктивный диалог между государством и обществом через цифровые каналы.

Анализ показателя «Качество нормативного регулирования» выявляет область, в которой Вьетнам требует управленческого внимания. Индекс составляет $-0,38$ балла (38-й перцентиль в 2023 г.), что ниже среднемирового показателя ($-0,03$)¹⁵¹. В методологических терминах это означает, что способность государственных органов формулировать и имплементировать нормативные акты, стимулирующие развитие предпринимательства, находится ниже глобальной медианы.

Региональное сравнение предоставляет контекст для интерпретации: в Юго-Восточной Азии наблюдается разброс показателей от высоких (Сингапур $+2,00$) до отрицательных (Вьетнам $-0,38$, как и Индонезия/Филиппины $0,00$)¹⁵². Это указывает на то, что различные модели государственного управления в регионе демонстрируют разные уровни развития регуляторной функции государства, что отражает различия в путях экономического развития и институциональной эволюции.

Для анализа политической стабильности это имеет следующее значение: слабая регуляторная среда потенциально способна создавать

¹⁵¹ Pincus J. Institutional Bottlenecks and Viet Nam's Prospects for Growth and Development: Policy Brief [Электронный ресурс] / UNDP Viet Nam. — New York; Hanoi: UNDP, 2023. — Режим доступа: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/202302/POLICY%20BRIEF%20Institutional%20bottlenecks%202023.02.15.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁵² Loh L., Nguyen H. T. Corporate Disclosure on Business Integrity in ASEAN 2024 [Электронный ресурс] / Centre for Governance and Sustainability, NUS Business School. — Singapore: NUS, Dec. 2024. — Режим доступа: https://bschool.nus.edu.sg/cgs/wp-content/uploads/sites/145/2025/01/CGS_Corporate-Disclosure-on-Business-Integrity-in-ASEAN-2024.pdf (дата обращения: 14.12.2024).

предсказуемость и справедливость в условиях ведения бизнеса, что может влиять на доверие предпринимательского сообщества к государству в долгосрочной перспективе¹⁵³. Однако это не означает автоматическую дестабилизацию — многие государства функционируют стабильно при слабых формальных регуляторных институтах, опираясь на иные механизмы управления.

Позитивный тренд виден в показателях восприятия коррупции: Corruption Perceptions Index (CPI) Transparency International составил 41 балл в 2023 г. (83-е место из 180 стран), отражая долгосрочное улучшение с 31 балла в начале 2010-х годов. Этот прирост на 10 пунктов на протяжении десятилетия указывает на то, что государство реально инвестирует в институциональные реформы, направленные на повышение прозрачности и снижение коррупции в системе государственного управления, что является позитивным индикатором направления институциональной трансформации¹⁵⁴.

¹⁵³ Bertelsmann Stiftung. Bertelsmann Stiftung's Transformation Index (BTI) 2024. Vietnam: Country Report [Электронный ресурс]. – Berlin: Bertelsmann Stiftung, 2024. – Режим доступа: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/VNM> (дата обращения: 14.09.2025).

¹⁵⁴ Corruption Perceptions Index 2023: A Bleak Report Card for the Global Fight Against Corruption with Asia Pacific Being No Exception [Электронный ресурс] // Morrison Foerster (MoFo). — Режим доступа: <https://www.mofo.com/resources/insights/240207-corruption-perceptions-index-2023> (дата обращения: 14.12.2024).

Индекс восприятия коррупции (CPI) в странах АСЕАН (2023)

Источник: Transparency International CPI 2023

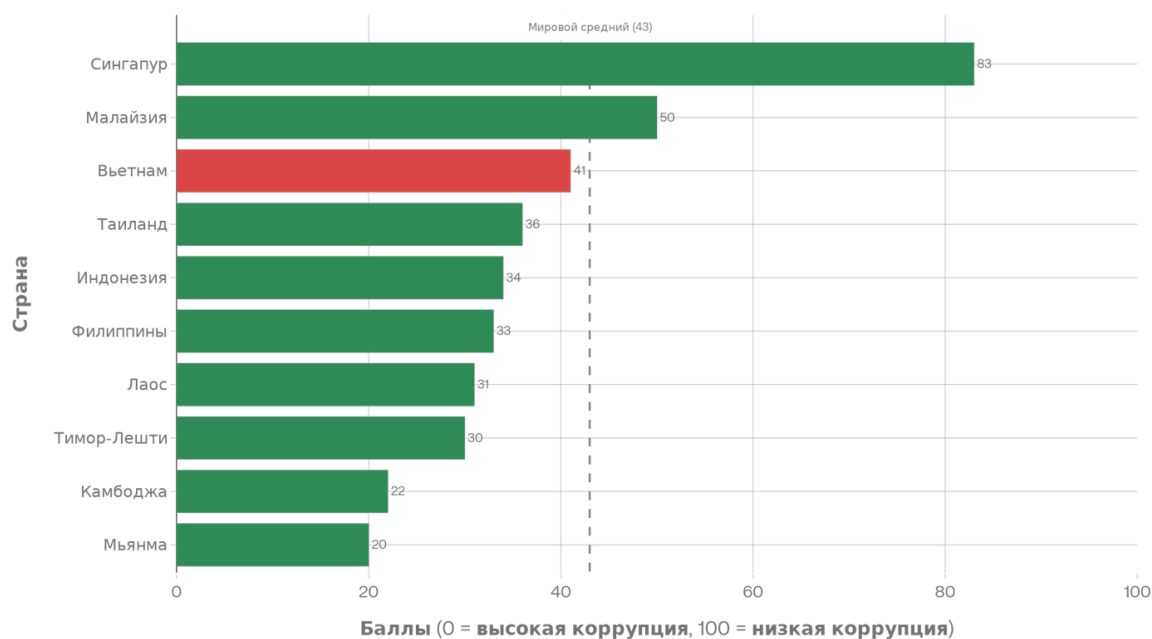

Рис. 3. Индекс восприятия коррупции (CPI) в странах АСЕАН (2023) ¹⁵⁵

По показателям Corruption Perceptions Index (CPI) Вьетнам занимает промежуточную позицию в АСЕАН. Региональные лидеры — Сингапур (83 балла) и Малайзия (50 баллов) — демонстрируют результаты, отражающие различные модели государственного управления и уровни экономического развития. Вьетнам (41 балл) находится в группе стран, где антикоррупционные инициативы государства показывают положительные результаты в сравнении с большинством соседних развивающихся экономик ¹⁵⁶.

Количественное сравнение показывает: Вьетнам опережает Таиланд (35), Индонезию (34), Филиппины (34), Лаос (28), Камбоджу (22) и Мьянму (20). Это указывает на то, что вьетнамская стратегия борьбы с коррупцией достигает определённых результатов в региональном контексте ¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Vietnam: Political stability index (–2.5 weak; 2.5 strong) [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com. — Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024). Источник данных: World Bank, Worldwide Governance Indicators.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Corruption Perceptions Index 2023 [Электронный ресурс] // Transparency International Cambodia. — Режим доступа: <https://www.ticambodia.org/cpi2023/> (дата обращения: 14.12.2024).

Индекс Control of Corruption в системе WGI (−0,42 для Вьетнама в 2023 г.) дополняет эту картину, показывая наличие эффективных механизмов контроля коррупции, хотя и находящихся ниже глобального среднего уровня². Вьетнам находится в этой метрике близко к Индонезии (−0,40), при этом значительно опережая Камбоджу, Лаос и Мьянму.

Значение для политической стабильности: с точки зрения легитимности государства, видимые антикоррупционные кампании, особенно привлечение к ответственности высокопоставленных чиновников, служат важным сигналом для граждан о том, что государство приверженно принципам ответственности и не допускает безнаказанности.

Одновременно, недостаточное искоренение коррупции в нижних звеньях администрации остаётся фактором, способным влиять на общественное доверие, особенно среди групп населения, которые часто сталкиваются с коррупционными практиками в процессе взаимодействия с государственными учреждениями. Этот вопрос приобретает особую актуальность в цифровую эпоху, когда граждане могут быстро обмениваться информацией о коррупционных практиках через социальные сети.

Индексы Rule of Law и Control of Corruption указывают на сложность институциональной динамики: Вьетнам обладает нормативно-правовой системой и формальными процедурами, однако эффективность их применения может варьироваться в зависимости от политического контекста и других факторов. Показатель верховенства права (−0,09 в 2023 г.) находится ниже мирового среднего, что методологически означает наличие вызовов в обеспечении консистентного и беспристрастного применения законодательства¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Bertelsmann Stiftung. Bertelsmann Stiftung's Transformation Index (BTI) 2024. Vietnam: Country Report [Электронный ресурс]. – Berlin: Bertelsmann Stiftung, 2024. – Режим доступа: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/VNM> (дата обращения: 14.09.2025).

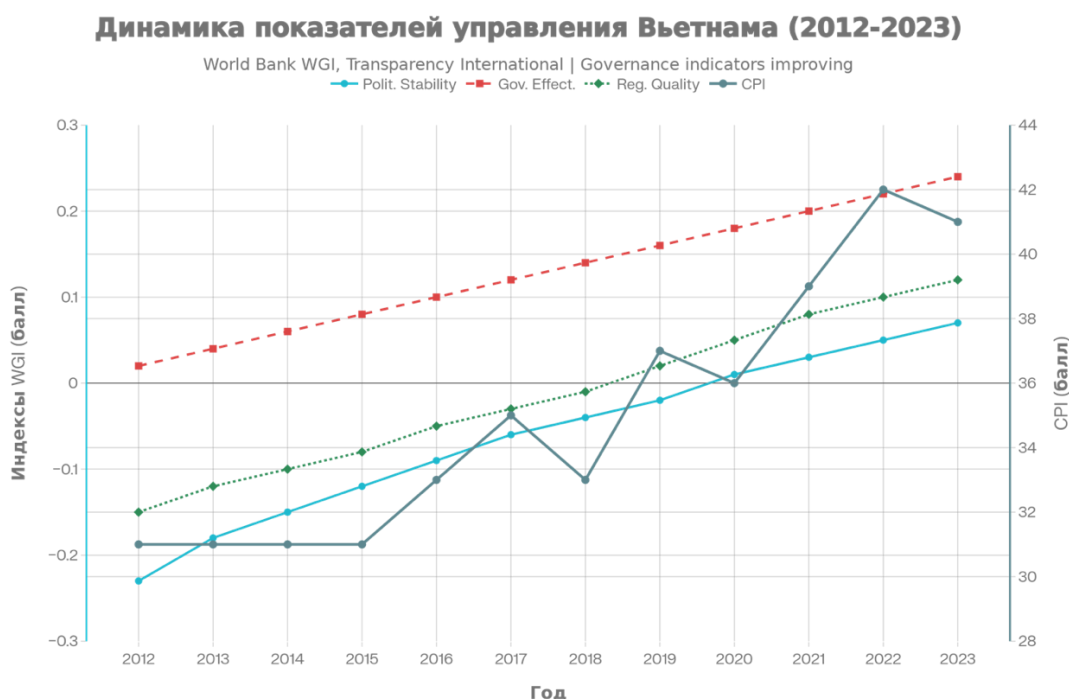

Рис. 4. Динамика показателей управления Вьетнама (2012–2023) ¹⁵⁹

Региональное сравнение показателей верховенства права выявляет разнообразие моделей государственного управления в АСЕАН. Различные страны делают разные выборы в отношении организации судебной системы и защиты прав собственности, отражая свои исторические, культурные и политические традиции. Вьетнам выбрал модель, где судебная система функционирует как компонент централизованного государственного управления, что характерно для стран, постулирующих приоритет политической стабильности и координированного государственного управления экономикой.

Это различие в подходах имеет практическое значение для инвестиционного климата и предсказуемости бизнес-среды, и международные инвесторы учитывают эти факторы при принятии решений о вложении капитала.

¹⁵⁹ Vietnam: Political stability index (–2.5 weak; 2.5 strong) [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com. — Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024). Источник данных: World Bank, Worldwide Governance Indicators.

В условиях цифровой трансформации вопросы справедливости и прозрачности становятся предметом общественного обсуждения в сетевой среде. Граждане обсуждают судебные решения и требуют большей ясности в отношении принципов применения закона, что создаёт как возможность для государства улучшить коммуникацию по этим вопросам и укрепить доверие, так и вызовы, если государство не сумеет эффективно объяснять логику своих решений.

Международные индексы, такие как Freedom House, используют определённый набор критериев для оценки политических систем, критерии эти отражают либеральные демократические стандарты². По этой методике Вьетнам получил оценку 19 из 100 баллов, что указывает на:

— По политическим правам (7 из 40 баллов): Вьетнам функционирует в рамках системы, где Коммунистическая партия Вьетнама играет центральную роль в политическом управлении. Это означает, что в текущей модели отсутствуют конкурентные многопартийные выборы, что отражает исторический выбор в пользу однопартийной системы управления.

— По гражданским свободам (12 из 60 баллов): это указывает на то, что государство применяет определённые механизмы регулирования в отношении средств информации, организованных собраний и деятельности неправительственных организаций. Такой подход отражает государственную стратегию в управлении информационным пространством и предотвращении деятельности, рассматриваемой как потенциально дестабилизирующей.

Эти показатели следует интерпретировать в контексте методологии, используемой индексом, которая отражает определённые стандарты, а не являются универсальным суждением о качестве государственного управления. Различные страны могут достигать эффективного управления и политической стабильности, используя разные модели политической организации.

Стабильность и Эффективность в АСЕАН (2023)

Source: World Bank WGI 2023 | Вьетнам выделен среди стран региона

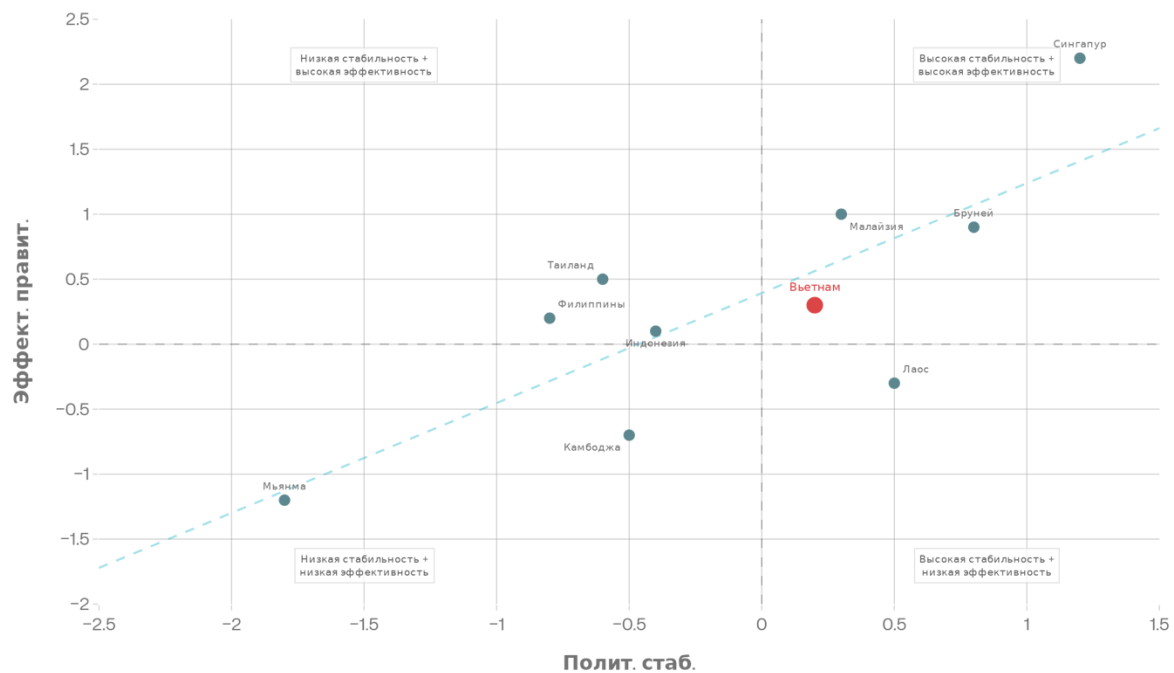

Рис. 5. Динамика показателей управления Вьетнама (2012–2023)¹⁶⁰

Квадрантный анализ позиционирует Вьетнам в категорию со средними показателями политической стабильности и государственной эффективности. В региональном контексте Сингапур и Бруней демонстрируют высокие показатели по обоим параметрам, тогда как Мьянма находится в нижней зоне. Вьетнам занимает промежуточную позицию, сочетая элементы относительной стабильности с вызовами в управлении.

Вьетнам демонстрирует парадоксальную конфигурацию: средний уровень политической стабильности (45-й перцентиль) при значительно ниже среднего уровня показателя «Voice and Accountability». Это указывает на то, что стабильность не зависит в полной мере от формализованного гражданского участия, а достигается через: легитимность результатов: государство обеспечивает экономический рост и социальное развитие, воспринимаемые населением как основание для поддержки политического

¹⁶⁰ Vietnam: Political stability index (–2.5 weak; 2.5 strong) [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com. — Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024). Источник данных: World Bank, Worldwide Governance Indicators.

порядкаж; управление информационной сферой: активное использование различных каналов для коммуникации с населением; управление политическим пространством: применение механизмов регулирования в отношении деятельности, рассматриваемой как несовместимая с политическим порядком.

Вьетнам сочетает высокие показатели социально-экономического развития (рост ВВП, образование, инфраструктура) с однопартийной системой управления. Исследования указывают, что значительная часть населения рассматривает эту конфигурацию как функциональную, находя баланс между экономическими преимуществами и структурными особенностями политической системы. Это согласуется с теориями, объясняющими поддержку граждан через практическую эффективность в решении социально-экономических задач, а не только через идеологические принципы.

Сравнение показателей управления: Вьетнам, среднее АСЕАН и Сингапур

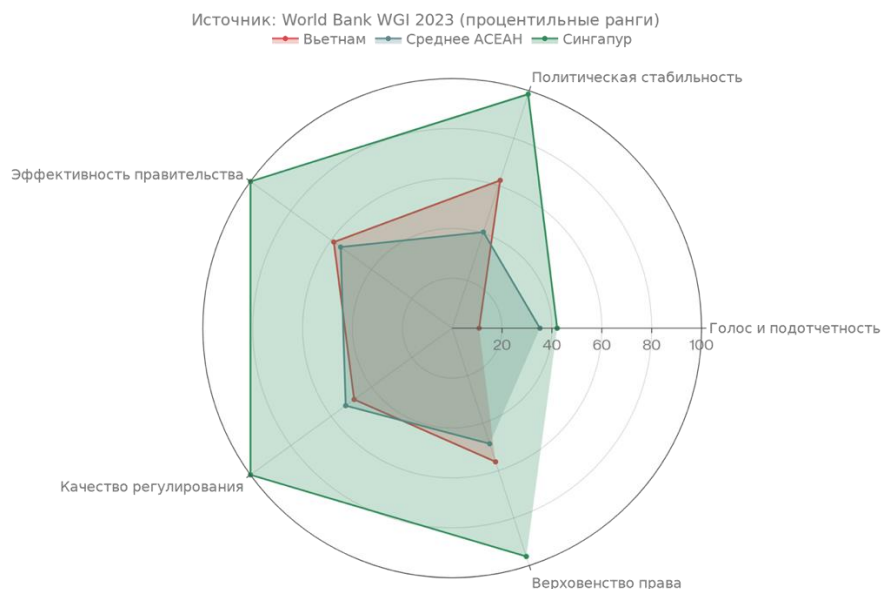

Рис. 6. Сравнение показателей управления: Вьетнам, среднее АСЕАН и Сингапур (2023)

161

¹⁶¹ Vietnam: Political stability index (–2.5 weak; 2.5 strong) [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com. — Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024). Источник данных: World Bank, Worldwide Governance Indicators.

Сравнительные показатели управления стран АСЕАН (2023, перцентили)

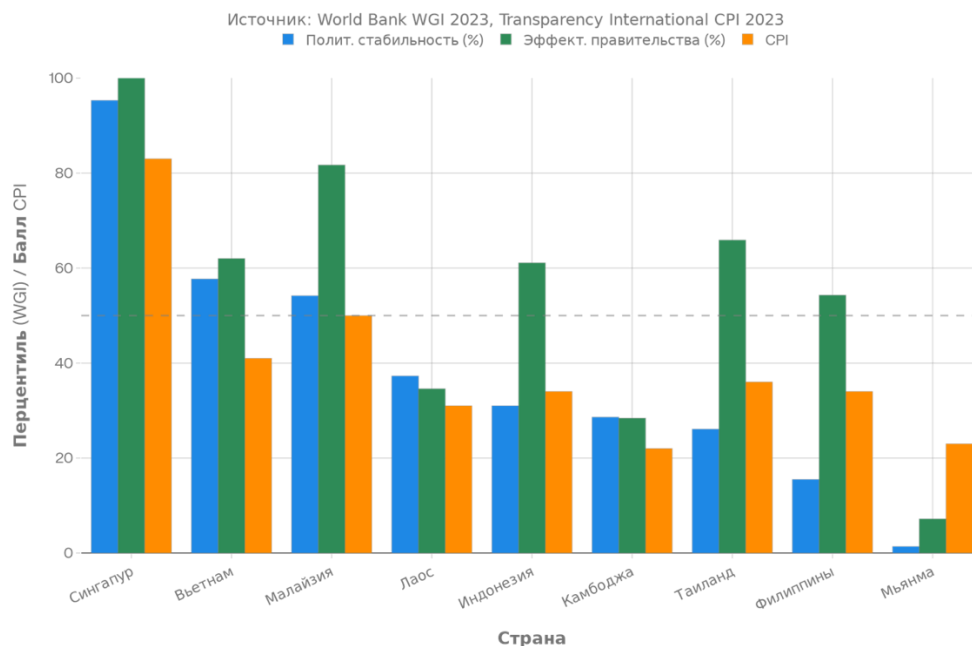

Рис. 7. Сравнительные показатели управления стран АСЕАН (2023) ¹⁶²

Сопоставление данных международных индексов с региональным контекстом позволяет выделить параметры, определяющие политическую стабильность Вьетнама в рамках настоящего исследования:

1) Индекс политической стабильности (WGI). Вьетнам находится в среднем диапазоне мировых значений (45-й перцентиль), занимая 6-е место среди 11 стран Юго-Восточной Азии. Это свидетельствует о низкой вероятности дестабилизирующих политических потрясений. Позиция Вьетнама сопоставима с рядом других стран региона, что указывает на общую региональную динамику.

2) Эффективность правительства и экономическая результативность. Показатель Government Effectiveness (0,13 балла, 56-й перцентиль) является положительным, что вместе с устойчивым экономическим ростом и успешным преодолением пандемии обеспечивает легитимность, основанную на результатах. В региональном сравнении Вьетнам занимает 7-е место, что

¹⁶² Vietnam: Political stability index (-2.5 weak; 2.5 strong) [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com. — Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024). Источник данных: World Bank, Worldwide Governance Indicators.

указывает на потенциал для дальнейшего развития качества государственного администрирования.

3) Качество регулирования. Значение индекса Regulatory Quality (−0,38 балла, 38-й перцентиль) указывает на вызовы в области совершенствования нормативной базы. В сравнении с крупнейшими экономиками АСЕАН это ставит Вьетнам перед задачей улучшения регуляторной среды для обеспечения долгосрочного экономического роста и снижения административных издержек.

4) Коррупция и верховенство права. Положительная динамика CPI (41 балл, рост на 10 пунктов с 2012 г.) отражает реальный прогресс антикоррупционных реформ, выводя Вьетнам на позиции, сопоставимые со средними по региону. Вместе с тем, показатели верховенства права (−0,09 балла) указывают на важность продолжения работы по укреплению правовых институтов и обеспечению их независимости.

5) Права и свободы, голос и подотчётность. Показатели Voice and Accountability (−1,24 балла) и Freedom in the World (19 из 100) отражают институциональную специфику Вьетнама как однопартийного государства. В этом отношении Вьетнам следует модели, отличной от либерально-демократических стандартов, на которых базируются данные индексы. Такая модель имеет свои особенности: с одной стороны, централизованное управление снижает риски политической фрагментации; с другой — требует от государства развития эффективных механизмов обратной связи вне рамок электоральной конкуренции. Государство использует для этого официальные каналы (Национальное собрание, партийные структуры). Важно интерпретировать эти индексы с учётом методологических ограничений при анализе нелиберальных систем.

6) Коммуникативно-цифровое измерение. Для Вьетнама этот фактор является критически важным. Высокий уровень цифровизации и активная государственная политика в информационной сфере формируют уникальную

среду. Политическая стабильность здесь зависит от эффективности мониторинга, наличия каналов цифрового диалога и способности государства оперативно реагировать на информационные вызовы.

Региональный анализ выявляет уникальную конфигурацию факторов стабильности во Вьетнаме. В отличие от Сингапура (опора на эффективность и право) или Индонезии/Филиппин (опора на электоральную демократию), Вьетнам сочетает экономические успехи, идеологическую работу и управление информационным пространством при развивающихся институтах управления.

Интересно, что демократические механизмы в Индонезии и Филиппинах не всегда гарантируют более высокую стабильность (по данным WGI они часто уступают Вьетнаму). Это подтверждает, что стабильность может достигаться различными путями, и вьетнамский путь — через централизованное управление — демонстрирует свою эффективность в обеспечении порядка.

Для объективного анализа необходимо сочетать данные международных индексов с национальными показателями: экономической динамикой, восприятием эффективности институтов, социальными процессами и цифровой активностью. Такой подход позволяет учесть специфику вьетнамской политической системы, где устойчивость обеспечивается сложным взаимодействием экономических, идеологических, институциональных и цифровых факторов. Вьетнам занимает особое место в политическом ландшафте Юго-Восточной Азии, сохраняя достаточный уровень стабильности для избежания острых кризисов, характерных для некоторых соседей.

Выводы к Главе 1

Проведённый в первой главе теоретико-методологический анализ проблемы политической стабильности позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Эволюция теоретических подходов демонстрирует переход от моделей статического равновесия к пониманию политической стабильности как динамического состояния, предполагающего адаптацию системы и управление рисками. Современные концепции общества риска и теория институциональной конгруэнтности показывают, что устойчивость зависит от согласованности между институтами и политической культурой.

Анализ политической стабильности требует различения уровней: стабильность системы, стабильность режима и стабильность отдельных институтов. Для Вьетнама однопартийная система демонстрирует высокую режимную устойчивость, но сталкивается с вызовами институциональной эффективности и трансформацией политической культуры.

Вьетнамская модель имеет гибридный характер, сочетая социалистическую идеологию с рыночной экономикой, глобальной интеграцией и расширением общественной дискуссии в цифровой среде. Гибридные режимы более уязвимы к социально-политической дестабилизации, требуя баланса между модернизацией и политическим контролем.

В условиях цифровизации политическая стабильность всё более зависит от качества политической коммуникации и цифрового суверенитета. Сетевые структуры с новыми центрами влияния создают риски дестабилизации, требуя адаптивного управления информационным пространством.

Региональный анализ показателей WGI свидетельствует о среднем положении Вьетнама в Юго-Восточной Азии: 6-е место по политической стабильности (45-й перцентиль), 7-е по эффективности правительства (56-й перцентиль) среди стран АСЕАН.

Структурным ограничением является низкий индекс качества регулирования (−0,38 балла, 38-й перцентиль). Одновременно Вьетнам

демонстрирует прогресс в борьбе с коррупцией (41 балл CPI, +10 пунктов с 2012 г.), опережая большинство крупных стран АСЕАН.

Низкие показатели политических прав и гражданских свобод (Voice and Accountability –1,24, Freedom in the World 19/100) отражают конституционную специфику однопартийной системы. Это исключает открытую политическую конкуренцию, но затрудняет адаптацию к структурным сдвигам в общественных интересах, особенно у молодёжи.

Международные индексы основаны на либерально-демократических стандартах и требуют критической интерпретации применительно к однопартийным системам. Адекватная оценка стабильности предполагает дополнение количественных показателей качественным анализом национальной специфики и коммуникативно-цифровых факторов.

Политическая стабильность Вьетнама характеризуется устойчивым функционированием институтов; сохранением конституционного строя; перформативной легитимностью, основанной на экономических достижениях; способностью управлять рисками; конгруэнтностью между институтами и политической культурой; эффективной коммуникацией государства и общества через традиционные и цифровые каналы.

Вьетнам занимает особое положение в системе политических режимов Юго-Восточной Азии. По показателям эффективности государственного управления Вьетнам занимает промежуточное положение в региональной иерархии, уступая системам Сингапура и Брунея, которые установили исключительно высокие стандарты качества управления, но демонстрируя при этом позитивную динамику в развитии государственных функций. В отношении политических и гражданских свобод Вьетнам демонстрирует иную конфигурацию институтов в сравнении с многопартийными демократическими системами Индонезии и Филиппин, отражающую конституционные особенности однопартийного социалистического государства. Такое дистинктивное положение в региональной системе

координат содержит как возможности для адаптивного развития политической системы в ответ на изменяющиеся социальные запросы, так и потенциальные точки напряжения, требующие постоянного мониторинга и управления.

Перспективы долгосрочной стабильности зависят от способности системы использовать цифровые технологии для укрепления легитимности власти, повышения качества управления и создания функциональных каналов взаимодействия с обществом. Данный вопрос предполагает необходимость детального анализа роли социальных сетей в политических процессах, что является предметом второй главы диссертации.

Таким образом, разработанные в первой главе теоретико-методологические основания позволяют перейти к конкретному анализу социальных сетей как фактора политической стабильности Вьетнама с учётом глобальных тенденций цифровизации политики и национальной специфики вьетнамской модели гибридного режима.

ГЛАВА 2. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

2.1. Модели и инструментарий воздействия социальных сетей на политическую стабильность

Цифровая трансформация политического пространства создала качественно новую коммуникационную среду, в которой социальные сети выступают не просто техническими инструментами передачи информации, но активными участниками политических процессов, формирующими общественное мнение, мобилизующими граждан и влияющими на легитимность власти. Воздействие социальных сетей на политическую стабильность происходит через сложную систему механизмов, которые не могут быть полностью поняты только через призму классических теорий политической коммуникации, разработанных в эпоху господства традиционных массмедиа.

Как справедливо подчёркивает Н. Луман, современные общества характеризуются коммуникативно производимой сложностью, которую нельзя устранить, но можно перераспределять и управлять ею¹⁶³. В условиях однопартийной политической системы Вьетнама социальные сети функционируют в пространстве повышенной неопределённости, создаваемой противоречивыми импульсами глобальных платформ и государственной регулирующей активности. Отношения государства и общества в условиях интенсификации сетевой коммуникации обладают известной волатильностью и непредсказуемостью, что требует постоянной адаптации механизмов обеспечения политической стабильности к изменяющейся информационной среде.

Особую актуальность этот вопрос приобретает в контексте международных отношений, когда в медиапространстве сопредельных

¹⁶³ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.

государств могут появляться негативные публикации, направленные на формирование враждебных настроений и провоцирование социальной напряженности через систематические информационные вбросы и провокации¹⁶⁴.

Исследование воздействия социальных сетей на политическую стабильность требует интеграции нескольких теоретических подходов и методологических стратегий. Это необходимо для того, чтобы: во-первых, выявить эндогенные факторы влияния, корнящиеся в структуре социалистического государства и особенностях его информационной политики; во-вторых, определить экзогенные факторы, связанные с деятельностью международных медиа-гигантов и геополитическими конфликтами в информационной сфере; в-третьих, разделить универсальные механизмы влияния социальных сетей на стабильность (применимые для любых политических систем) от специфических факторов, характерных именно для вьетнамского контекста гибридного социалистического режима.

Как отмечает А.И. Соловьёв, в условиях цифровизации приоритеты власти и населения изменяются под влиянием международных медиа-гигантов, создавая новые зоны конфликта и согласования интересов. Это особенно актуально для Вьетнама, где формируется специфическая модель управления социальными медиа, балансирующая между защитой информационного суверенитета и интеграцией в глобальное цифровое пространство¹⁶⁵.

Политическая система Социалистической Республики Вьетнам основана на принципе однопартийного управления, при котором ведущая роль принадлежит Коммунистической партии Вьетнама (КПВ). Конституционно закреплённая монополия КПВ на политическую власть определяет особенности государственного управления и механизмы

¹⁶⁴ Давыдов В. Н., Хуссейн Г. А. Вариативная матрица угроз: информационно-критериальный подход // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 4(22). – С. 31–45.

¹⁶⁵ Пушкарева Г. В., Соловьёв А. И., Михайлова О. В. Идеи и ценности в государственном управлении: монография. — Москва: Аспект Пресс, 2018. — 272 с. — ISBN 978-5-7567-1002-1.

принятия ключевых решений в стране¹⁶⁶. Избирательная система функционирует в рамках установленной политической модели, предусматривая проведение выборов на различных уровнях государственного управления¹⁶⁷. Обновление высшего партийного руководства происходит в рамках съездов КПВ, проводимых с пятилетней периодичностью, что обеспечивает преемственность политического курса и стабильность системы государственного управления.

Деятельность средств массовой информации во Вьетнаме регулируется принципами, установленными Коммунистической партией Вьетнама и конкретизированными законодательными актами Министерства информации и коммуникаций (МИС)¹⁶⁸. В условиях цифровой трансформации особое внимание уделяется развитию онлайн-медиа и социальных сетей, где более 75% населения страны являются активными пользователями интернета¹⁶⁹.

По состоянию на начало 2025 года медиаландшафт Вьетнама продолжает быстро трансформироваться под влиянием масштабной цифровизации и реализации национальной стратегии цифровой трансформации. Согласно данным DataReportal, во Вьетнаме насчитывается 76,2 млн активных пользователей социальных сетей, что составляет 75,2% населения страны. Уровень проникновения интернета достиг 78,8% (79,8 млн пользователей), а количество мобильных подключений превышает 127 млн, что эквивалентно 126% населения¹⁷⁰. Facebook сохраняет лидерство среди платформ: в начале 2025 года аудитория Facebook в стране достигла 76,2 млн

¹⁶⁶ Нгуен К. Х. Совершенствование государственного управления в целях ускорения экономического роста Вьетнама // Вьетнамские исследования. – 2018. – № 2. – С. 25–35.

¹⁶⁷ Bertelsmann Stiftung. Bertelsmann Stiftung's Transformation Index (BTI) 2024. Vietnam: Country Report [Электронный ресурс]. – Berlin: Bertelsmann Stiftung, 2024. – Режим доступа: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/VNM> (дата обращения: 14.09.2025).

¹⁶⁸ Чан Т. Т. Х. Медиаменеджмент современного Вьетнама : специальность 10.01.10 «Журналистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. Т. Х. Чан ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2017. – 165 с.

¹⁶⁹ Нгуен В.З. Оппонирующая роль прессы и общественное мнение в средствах массовой информации Вьетнама // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 94–118.

¹⁷⁰ Digital 2025: Vietnam [Цифровые технологии 2025: Вьетнам] [Электронный ресурс] / We Are Social, Meltwater. — Singapore ; London : DataReportal, 2025. — Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-vietnam> (дата обращения: 17.11.2025).

пользователей, а Instagram — 10,6 млн. Платформа X (бывший Twitter) охватывает 6,29 млн пользователей (6,2% населения)¹⁷¹.

Мультимедийность, конвергенция и развитие искусственного интеллекта становятся ключевыми трендами, определяющими динамику вьетнамской медиасферы. В 2024 году Meta официально запустила в стране интеллектуального ассистента Meta AI¹⁷², а бизнес-мессенджинг и стриминговые сервисы продолжают расти: 88% пользователей Facebook¹⁷³ во Вьетнаме участвуют в livestream-трансляциях, а 76% совершают покупки на их основе. Ведущие медиаактивы страны (VnExpress, Zing, Tuổi Trẻ, Thanh Niên, Lao Dong) активно осваивают новые цифровые форматы и платформы, включая TikTok, где Nhân Dân — официальный орган Компартии — уже собрал более 530 тыс. подписчиков и 5 млн лайков¹⁷⁴.

Государственная политика в сфере медиа нацелена на ускорение цифровой трансформации, развитие онлайн-журналистики, повышение качества контента и консолидацию рынка. В октябре 2024 года был утверждён Стратегический план развития цифровой инфраструктуры до 2025 года, предусматривающий расширение широкополосного доступа, внедрение платформ цифровой идентификации, электронных подписей и платёжных сервисов. По результатам национального индекса цифровой зрелости, доля медиаорганизаций с низкими цифровыми показателями снизилась на 24,35% за год, а 36,17% агентств сообщили о росте доходов благодаря цифровым инициативам. Правительство продолжает курс на консолидацию

¹⁷¹ Penetration rate of leading social media apps in Vietnam Q2 2024 [Электронный ресурс] / Statista Research Department. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/941843/vietnam-leading-social-media-platforms/> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁷² Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ The Press Plan of 2025 and The Rise of Digital Authoritarianism in Vietnam [Электронный ресурс] // Vietnam Media Project: [сайт]. – Режим доступа: <https://vietnammediaproject.com/press-plan-2025/> (дата обращения: 12.10.2025).

региональных изданий, оптимизацию контента и внедрение инструментов мониторинга и управления цифровой средой¹⁷⁵.

Аудитория средств массовой информации во Вьетнаме характеризуется пересечением различных возрастных и социальных групп. По данным исследования международной компании Kantar Media, проведенного в 2018 году, от 30% до 50% читателей получают информацию через вторичные каналы распространения, читая материалы, переданные другими людьми¹⁷⁶.

Традиционные медиа во Вьетнаме (печатные издания, телевидение и радио) сохраняют широкий охват аудитории благодаря высокому уровню грамотности населения, развитой системе государственного распространения печатной продукции и доступности теле- и радиовещания. Согласно исследованиям Kantar Media, телевидение остается лидером среди средств массовой информации с охватом 94% населения. Печатные СМИ охватывают значительную часть аудитории: газеты читают 30% населения, журналы – 36%, в то время как радио привлекает 23% слушателей¹⁷⁷.

По данным на начало 2025 года, количество интернет-пользователей достигло 79,8 млн человек, что составляет 78,8% населения страны. При этом 76,2 млн вьетнамцев (75,2% населения) активно используют социальные сети¹⁷⁸.

Согласно отчету Decision Lab за четвертый квартал 2024 года, Facebook остается наиболее популярной социальной платформой с охватом 94% пользователей, за ним следуют Zalo (93%) и YouTube (90%). В сегменте

¹⁷⁵ Gov't approves digital infrastructure strategy to 2025 [Электронный ресурс] // Vietnam Plus : [сайт]. – Режим доступа: <https://en.vietnamplus.vn/govt-approves-digital-infrastructure-strategy-to-2025-post303672.vnp> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁷⁶ Kantar Media: [сайт]. – Режим доступа: <https://www.kantarmedia.com/> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁷⁷ Там же

¹⁷⁸ Digital 2025: Vietnam [Цифровые технологии 2025: Вьетнам] [Электронный ресурс] / We Are Social, Meltwater. — Singapore ; London : DataReportal, 2025. — Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-vietnam> (дата обращения: 17.11.2025).

мессенджеров лидирует локальный сервис Zalo (87%), опережая Facebook Messenger (58%) и Instagram (15%)¹⁷⁹.

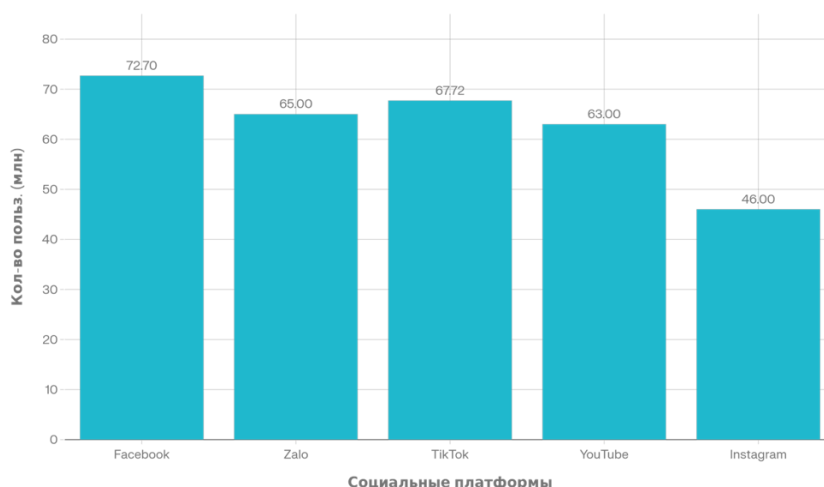

Рис. 8. Использование социальных сетей во Вьетнаме (2024)

В сфере онлайн-развлечений YouTube сохраняет лидирующие позиции с показателем 90% пользователей, существенно опережая Netflix (25%) и TikTok (19%). Важной тенденцией стал рост популярности онлайн-игр: 58% респондентов регулярно играют в мобильные игры¹⁸⁰.

Facebook¹⁸¹ остается ведущей социальной платформой во Вьетнаме, достигнув показателя в 76,2 млн пользователей к началу 2025 года, что составляет около 75,2% населения страны¹⁸². Гендерное распределение пользователей практически равное: 50,84% женщин и 49,16% мужчин¹⁸³.

По данным отчета Decision Lab за второй квартал 2024 года, тройку самых популярных социальных платформ во Вьетнаме составляют Facebook¹⁸⁴, Zalo и YouTube¹⁸⁵. При этом наблюдается интересная динамика:

¹⁷⁹ Vietnam Social Media Landscape 2024 Q4 Report [Электронный ресурс] / Decision Lab. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q4> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁸² Facebook Statistics in Vietnam: Latest Updates For Marketers [Электронный ресурс] / Leading Digital Marketing Agency. – Ho Chi Minh: Leading Digital Marketing Agency, 2025. – Режим доступа: <https://leading.vn/en/blogs/social/facebook-statistics-in-vietnam/> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Vietnam Social Media Landscape 2024 Q2 Report / Decision Lab. – Текст: электронный // Decision Lab: [сайт]. – URL: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q2> (дата обращения: 26.08.2024).

хотя Facebook сохраняет лидирующую позицию, его популярность несколько снизилась, особенно среди поколений X и Z¹⁸⁶.

Национальная платформа Zalo укрепляет свои позиции как основной инструмент коммуникации во Вьетнаме. С более чем 100 миллионами пользователей по всему миру¹⁸⁷, Zalo является предпочтительным приложением для общения с близкими, особенно среди старшего поколения. Платформа демонстрирует стабильный рост популярности, увеличив свою пользовательскую базу на 15% в годовом исчислении¹⁸⁸.

Важной тенденцией 2024 года становится рост популярности TikTok, достигшего рекордного уровня проникновения в 68% во втором квартале¹⁸⁹. Это единственная платформа среди топ-5 социальных сетей, показывающая устойчивый рост популярности среди всех возрастных групп¹⁹⁰.

YouTube и Facebook занимают лидирующие позиции среди интернет-ресурсов во Вьетнаме, обеспечивая платформу для международного информационного обмена и социального взаимодействия. По данным Decision Lab за 2024 год, YouTube охватывает 93% интернет-пользователей страны, в то время как Facebook остается наиболее популярной социальной сетью с показателем проникновения более 94%¹⁹¹.

Эти международные платформы функционируют в соответствии с собственными глобальными установками модерации контента, что создает определённые вызовы для национального регулирования информационного пространства. В результате они становятся значимыми площадками

¹⁸⁶ The Connected Consumer Q1 2024: Vietnam Social Media Landscape Report [Электронный ресурс] / Decision Lab, Mobile Marketing Association Vietnam. – Ho Chi Minh: Decision Lab, 2024. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/blog/whats-hot-and-whats-not-social-media-preferences-of-vietnamese-users-in-q1-2024> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁸⁷ Penetration rate of leading social media apps in Vietnam Q2 2024 [Электронный ресурс] / Statista Research Department. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/941843/vietnam-leading-social-media-platforms/> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ The Connected Consumer Q2 2024: Vietnam Social Media Landscape Report [Электронный ресурс] / Decision Lab, Mobile Marketing Association Vietnam. – Ho Chi Minh: Decision Lab, 2024. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q2> (дата обращения: 14.09.2025).

формирования общественного мнения, оказывающими существенное влияние на социально-политические процессы в стране. При этом возникает необходимость баланса между обеспечением свободы информационного обмена и противодействием распространению недостоверной информации.

В век глобализации и проникновения западной культуры все чаще встаёт вопрос о влиянии СМИ на политическую стабильность страны. Проблематика политической стабильности как антитезы дестабилизации достаточно подробно рассмотрена в монографических исследованиях последних лет.

Трансформация линейной модели политической коммуникации

Классическая модель коммуникации, предложенная Г. Лассвеллом¹⁹² в 1946 году, остаётся релевантной для анализа социальных сетей, несмотря на радикальные изменения коммуникационной среды. Модель Г. Лассвелла задаёт базовую структуру анализа через пять взаимосвязанных элементов: кто (коммуникатор), что говорит (содержание сообщения), по какому каналу (средство передачи), кому (целевая аудитория) и с каким эффектом (результат воздействия). Однако в цифровой среде каждый из этих элементов претерпевает существенную трансформацию, что требует переосмысления классической модели.

В контексте социальных сетей Вьетнама позиция коммуникатора перестаёт быть монополией традиционных институтов политической власти или государственных СМИ. Коммуникаторами становятся множественные субъекты: официальные государственные аккаунты (по данным Министерства информации и коммуникаций СРВ, к 2024 году в стране функционировало 17 200 официальных аккаунтов Zalo ОА государственных органов и около 6 000 официальных аккаунтов в Facebook и YouTube)¹⁹³;

¹⁹² Lasswell H. D. Propaganda, Communication and Public Order: monograph. – Princeton: Princeton University Press, 1946. – 234 p.

¹⁹³ Vietnam Plus. Zalo used by 85% of Vietnamese, surpassing global apps [Электронный ресурс] // Vietnam News Agency. – Режим доступа: <https://vietnamnet.vn/en/zalo-used-by-85-of-vietnamese-surpassing-global-apps-2406688.html> (дата обращения: 14.09.2025).

лидеры общественного мнения и блогеры, которых Е. Кац и П. Лазарсфельд определяют как посредников между массмедиа и широкой аудиторией; алгоритмы социальных платформ, которые С.В. Володенков и С.Н. Федорченко концептуализируют как «цифровых агентов» — активных участников политического процесса, обладающих субъектностью в определении видимости и значимости политической информации; международные медиа-корпорации (Meta¹⁹⁴, ByteDance, Google), чей контроль над технологической инфраструктурой и алгоритмами влияет на структуру информационных потоков.

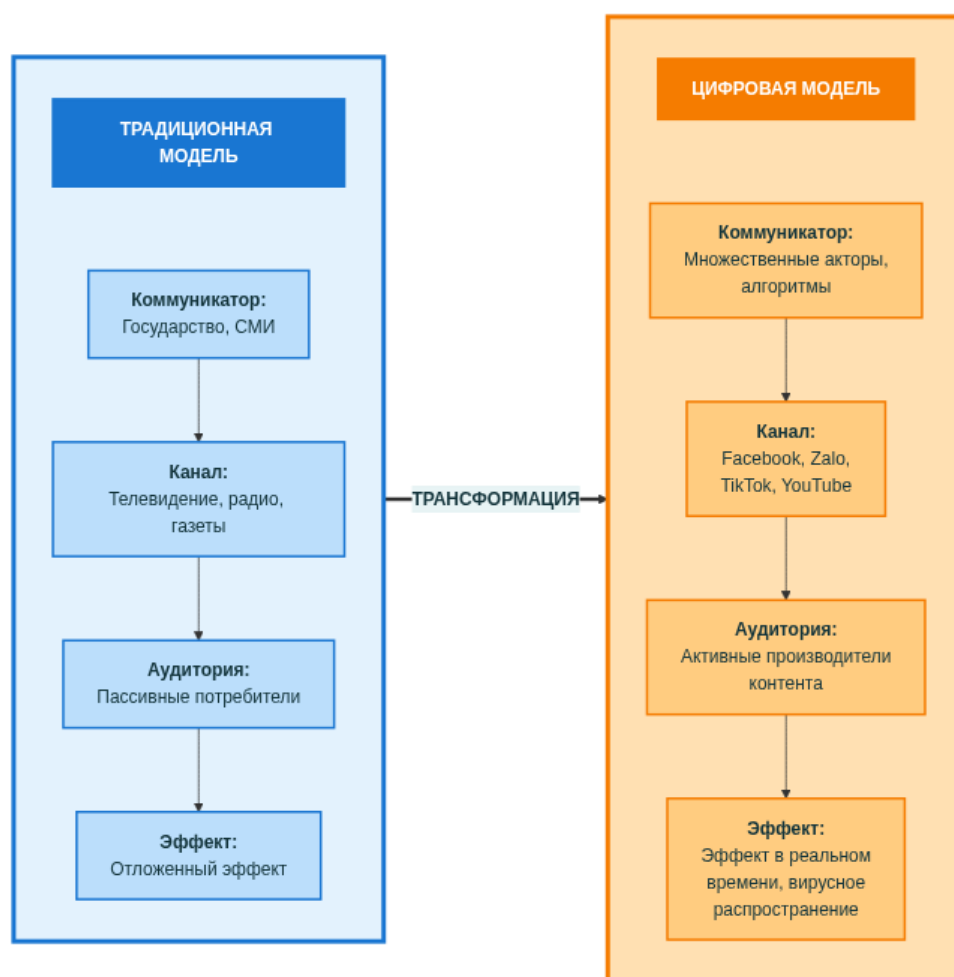

Рис. 9. Трансформация модели Г. Лассвелла

¹⁹⁴ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Содержание политического сообщения в социальных сетях характеризуется принципиально иными качествами по сравнению с традиционными массмедиа. М.Н. Грачёв подчёркивает, что политическая коммуникация в цифровой среде отличается фрагментарностью, множественностью нарративов и интерактивностью¹⁹⁵. Сообщение в социальных сетях не является законченным продуктом, транслируемым от источника к получателю — оно постоянно трансформируется через комментарии, репосты, мемификацию и реинтерпретацию. Как отмечает Г.В. Пушкарева, в условиях сетевой коммуникации получатель одновременно является потенциальным продуцентом контента, что создаёт эффект «многоголосия» политического дискурса¹⁹⁶.

Каналы передачи в цифровую эпоху представлены сложной экосистемой глобальных и национальных платформ. Во Вьетнаме эта экосистема включает глобальные платформы с доминирующими позициями (Facebook¹⁹⁷ использует 72,7 млн человек, или 73,3% населения страны; TikTok — 67,72 млн пользователей, или 55,6% взрослого населения; YouTube охватывает 65% активных интернет-пользователей); национальную платформу Zalo, разработанную вьетнамской компанией VNG Corporation, которая к 2024 году насчитывала 65 млн активных пользователей и обрабатывала около 1,7 млрд сообщений ежедневно; закрытые мессенджеры и групповые чаты, где государственный мониторинг значительно затруднён; гибридные каналы, в которых официальная государственная информация распространяется через неофициальные сетевые группы и личные контакты.

Л.В. Сморгунов отмечает, что выбор канала коммуникации определяется не только техническими возможностями, но и политическими соображениями: государство стремится контролировать национальные

¹⁹⁵ Грачёв М. Н. Политическая коммуникация в цифровой среде: учебное пособие. — Москва: Аспект Пресс, 2022. — 184 с.

¹⁹⁶ Пушкарева Г. В. Сетевое взаимодействие власти и общества: монография. — Москва: Аспект Пресс, 2020. — 320 с.

¹⁹⁷ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

платформы (Zalo), одновременно взаимодействуя с международными корпорациями для обеспечения присутствия в глобальных сетях¹⁹⁸.

Целевая аудитория социальных сетей во Вьетнаме характеризуется специфической структурой. По данным исследования Digital 2024: Vietnam, проведённого We Are Social и Meltwater, основными пользователями социальных сетей являются молодёжь и представители среднего класса в возрасте 18–39 лет, составляющие около 67% всех активных пользователей. Эта аудитория отличается от традиционных потребителей государственных СМИ: она более образованна, экономически активна, владеет несколькими языками и имеет доступ к альтернативным источникам информации. Географически пользователи концентрируются в крупных городах (Ханой, Хошимин, Дананг), где уровень проникновения интернета превышает 95%, в то время как в сельских районах этот показатель составляет около 60%¹⁹⁹.

Эффект воздействия политической коммуникации в социальных сетях является многоуровневым и не может быть сведён к простому изменению установок или поведения индивидов. А.В. Коротаев и С.Э. Билюга выделяют три уровня воздействия: микроуровень (формирование индивидуальных политических предпочтений, изменение уровня доверия к власти); мезоуровень (мобилизация коллективного действия, формирование сетевых сообществ с общими политическими интересами); макроуровень (влияние на легитимность политического режима, воздействие на системную стабильность через накопление критических точек социального напряжения)²⁰⁰.

В монографии «Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски» подчёркивается, что в условиях цифровизации эффект воздействия

¹⁹⁸ Сморгун Л.В. Политика в сети: трансверсальная коммуникация и сетевая власть // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2025. – № 3. – С. 417–429.

¹⁹⁹ Нгуен В.З. Оппонирующая роль прессы и общественное мнение в средствах массовой информации Вьетнама // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 94–118.

²⁰⁰ Слинко Е.В., Коротаев А.В., Шульгин С.Г., Билюга С.Э. Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного межстранового анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. — 2016. — № 3 (82). — С. 31–51.

социальных сетей на политическую стабильность определяется не столько содержанием отдельных сообщений, сколько структурными характеристиками информационного пространства: степенью централизации или децентрализации информационных потоков; наличием или отсутствием механизмов проверки информации; способностью государства оперативно реагировать на возникающие информационные кризисы²⁰¹.

Модель двухступенчатого потока информации в условиях цифровизации

Модель двухступенчатого потока информации, разработанная П. Лазарсфельдом и Э. Кацем в 1940–1950-е годы, получает новое звучание в эпоху социальных сетей, однако с существенными модификациями²⁰². Классическая модель предполагала, что информация движется от массмедиа к «лидерам мнений» (opinion leaders) — наиболее активным и информированным членам сообщества, которые затем интерпретируют и транслируют её менее активной части населения. Эта двухступенчатая структура смягчала прямое воздействие медиа на аудиторию и подчёркивала роль межличностной коммуникации в формировании политических установок.

В цифровой среде структура информационных потоков усложняется. И.В. Мирошниченко, исследуя роль социальных сетей в российской публичной политике, показывает, что традиционная двухступенчатая модель трансформируется в многоуровневую сетевую структуру, где информация движется одновременно по множественным каналам, а роль лидеров мнений становится более дифференцированной²⁰³.

²⁰¹ Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски: монография / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]; под общей редакцией В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. — Москва: РУСАЙНС, 2023. — 184 с. — ISBN 978-5-466-03139-3.

²⁰² Кац Э., Лазарсфельд П. Личное влияние: очерки о двухступенчатом потоке информации / Э. Кац, П. Лазарсфельд. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962. — 312 с.

²⁰³ Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / И.В. Мирошниченко. — Москва, 2013. — 341 с.

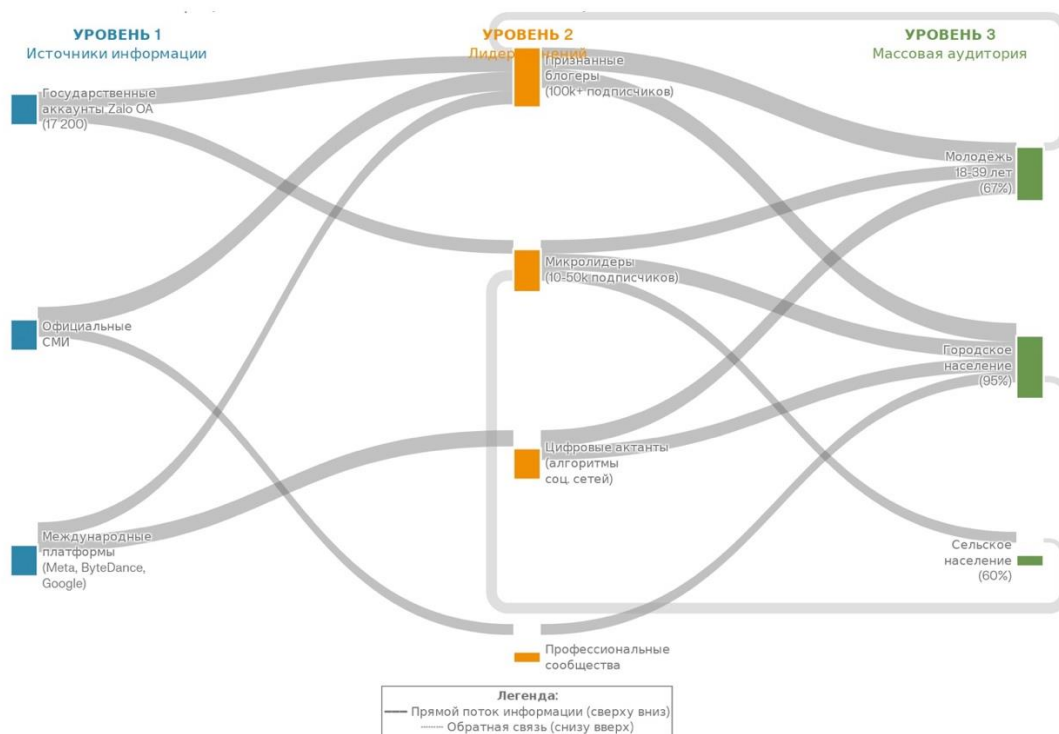

Рис. 10. Модель двухступенчатого потока информации в цифровой среде Вьетнама

Первый уровень информационного потока во Вьетнаме остаётся преимущественно под контролем государства или государственно аффилированных акторов. Официальные аккаунты органов власти в социальных сетях (Zalo OA, Facebook²⁰⁴, YouTube) функционируют как первичные источники политической информации, транслирующие решения Коммунистической партии Вьетнама, Национального собрания и правительства. Согласно данным Министерства информации и коммуникаций, к концу 2024 года 17 200 государственных органов всех уровней имели официальные аккаунты в Zalo OA, через которые осуществлялась прямая коммуникация с гражданами²⁰⁵. Эти аккаунты выполняют функции, аналогичные традиционным государственным СМИ, но с добавлением интерактивных элементов: граждане могут задавать вопросы, оставлять комментарии и получать ответы в режиме реального времени.

²⁰⁴ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

²⁰⁵ Vietnam Plus. Zalo used by 85% of Vietnamese, surpassing global apps [Электронный ресурс] // Vietnam News Agency. – Режим доступа: <https://vietnamnet.vn/en/zalo-used-by-85-of-vietnamese-surpassing-global-apps-2406688.html> (дата обращения: 14.09.2025).

Рис. 11. Динамика роста официальных государственных аккаунтов (2020-2024)²⁰⁶

Второй уровень становится пространством интенсивной конкуренции между различными типами лидеров мнений. О.М. Михайленок выделяет несколько категорий таких лидеров в российском контексте, которые с определёнными модификациями применимы и к вьетнамской ситуации: признанные блогеры и медиа-личности с массовой аудиторией (от сотен тысяч до миллионов подписчиков), которые интерпретируют политические события и государственную политику для широкой публики; неформальные лидеры мнений в профессиональных и территориальных сообществах (учителя, врачи, местные чиновники), которые обладают авторитетом в своих группах и ретранслируют информацию через групповые чаты в Zalo и Facebook²⁰⁷; микроблогеры с относительно небольшой, но активной аудиторией (10–50 тысяч подписчиков), которые специализируются на

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

определённых темах (экология, местное самоуправление, образование) и формируют мнение в своих нишах²⁰⁸.

Принципиально новым элементом цифровой коммуникации становятся алгоритмические лидеры мнений — посты и контент, которые платформы искусственно выделяют и продвигают на основе показателей вовлечённости (likes, comments, shares). С.В. Володенков и С.Н. Федорченко отмечают, что алгоритмы социальных сетей функционируют как «цифровые актанты», обладающие собственной логикой отбора и приоритизации контента, которая не всегда совпадает с интересами государства или отдельных политических акторов²⁰⁹. Во Вьетнаме это создаёт ситуацию, при которой государство может контролировать содержание официальных аккаунтов, но не может полностью контролировать их видимость в новостных лентах пользователей, поскольку алгоритмы Facebook²¹⁰, TikTok и YouTube определяются корпорациями, находящимися за пределами юрисдикции вьетнамского законодательства.

Третий уровень информационного потока, который не учитывался в классической модели Каца и Лазарсфельда, связан с горизонтальной циркуляцией информации между рядовыми пользователями²¹¹. И.А. Быков подчёркивает, что в сетевой коммуникации любой пользователь может стать временным центром распространения информации, если его пост получит вирусное распространение²¹². Это создаёт эффект «маятника информации», при котором критическое сообщение, опубликованное рядовым

²⁰⁸ Михайленок О. М. Лидеры мнений в современной политической коммуникации // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 4. — С. 8–23; Vietnam Social Media Landscape 2024 Q4 Report [Электронный ресурс] / Decision Lab. — Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q4> (дата обращения: 14.12.2025); Digital 2024: Vietnam [Электронный ресурс] // DataReportal: [сайт]. — Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-vietnam> (дата обращения: 16.08.2025).

²⁰⁹ Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Политическая наука. — 2024. — № 2. — С. 37–53.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Кац Э., Лазарсфельд П. Личное влияние: очерки о двухступенчатом потоке информации. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962. — 312 с.

²¹² Быков И. А. Горизонтальная циркуляция информации в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2022. — № 3. — С. 45–67. Эффект «маятника информации» описывает непредсказуемую динамику распространения и трансформации контента в сетевой среде.

пользователем, может вызвать государственный ответ, который, в свою очередь, генерирует новую волну обсуждений и критики.

Специфика вьетнамского контекста заключается в том, что государство активно стремится занять позицию главного лидера мнений, трансформируя официальные аккаунты в якорные точки информационного потока. Программа «Zalo OA для государственных органов», запущенная в 2020 году, направлена на создание прямого канала коммуникации между государством и гражданами, минуя традиционных посредников. К 2024 году через Zalo OA ежедневно проходило около 1,7 млрд сообщений, значительная часть которых представляла собой коммуникацию государственных органов с населением по вопросам административных услуг, социальной поддержки и оперативного информирования о чрезвычайных ситуациях²¹³.

Однако, как отмечает Т. Нгуен в исследовании политики интернет-управления Вьетнама, эта стратегия сталкивается с парадоксом: чем активнее государство присутствует в социальных сетях, тем более оно становится уязвимым перед критикой, поскольку цифровая среда предполагает возможность двусторонней коммуникации и немедленной реакции аудитории. Комментарии под постами официальных аккаунтов часто содержат критические высказывания, вопросы о коррупции и требования большей прозрачности, что создаёт сложности для поддержания контролируемого дискурса²¹⁴.

Фрейминг политической реальности в социальных сетях

Концепция фрейминга, разработанная Эрвином Гоффманом и развитая в политической коммуникации Робертом Энтманом, описывает процесс конструирования смыслов через интерпретационные схемы или «рамки»

²¹³ Vietnam Plus. Zalo used by 85% of Vietnamese, surpassing global apps [Электронный ресурс] // Vietnam News Agency. – Режим доступа: <https://vietnamnet.vn/en/zalo-used-by-85-of-vietnamese-surpassing-global-apps-2406688.html> (дата обращения: 14.09.2025).

²¹⁴ Нгуен Т. Политика интернет-управления во Вьетнаме // Вьетнамские исследования. – 2023. – № 3. – С. 45–58.

(frames), которые определяют, какие аспекты реальности становятся заметными и значимыми²¹⁵. В политическом контексте фрейминг позволяет акторам представлять события и проблемы в выгодном для них свете, акцентируя одни аспекты и затушёвывая другие.

Г.В. Пушкарева и А.И. Соловьёв подчёркивают, что в условиях цифровизации борьба за доминирующий фрейм становится ключевым элементом политической конкуренции, поскольку социальные сети предоставляют технические инструменты для быстрого распространения альтернативных интерпретаций²¹⁶. Во Вьетнаме эта борьба приобретает особую остроту, поскольку государство стремится поддерживать единый нарратив, в то время как цифровая среда создаёт возможности для появления альтернативных голосов.

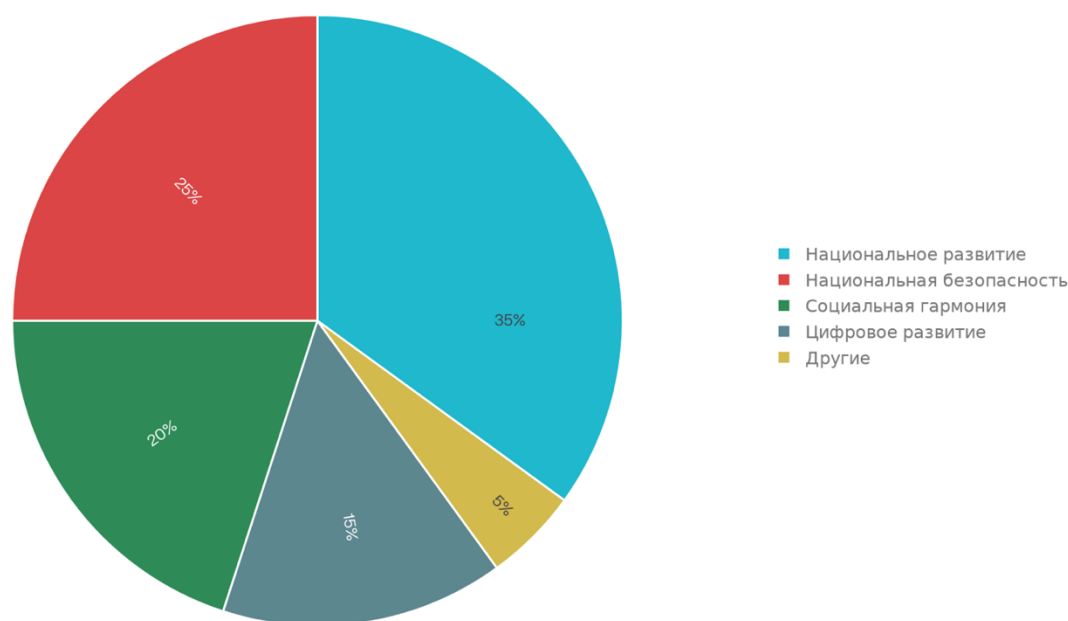

Рис. 12. Структура государственных фреймов

Государственные фреймы политической коммуникации во Вьетнаме структурированы вокруг нескольких устойчивых нарративов. Фрейм

²¹⁵ Гоффман Э. Рамки восприятия бытовой жизни / Э. Гоффман; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2018. – 320 с.; Энтман Р. М. Фрейминг: в смысловой борьбе за власть // Политическая коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 5–23.

²¹⁶ Пушкарева Г. В., Соловьёв А. И. Идеи и ценности в государственном управлении в условиях цифровизации // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 92. – С. 245–268.

национального развития и модернизации акцентирует экономические достижения страны, рост ВВП (в среднем 6–7% в год в 2015–2023 годах), успешную интеграцию в мировую экономику и улучшение уровня жизни населения. Официальные аккаунты государственных органов регулярно публикуют статистические данные о строительстве инфраструктуры, привлечении иностранных инвестиций и развитии высокотехнологичных секторов. Этот фрейм направлен на укрепление перформативной легитимности режима — легитимности, основанной на эффективности и результатах деятельности власти.

Фрейм национальной безопасности и территориальной целостности подчёркивает внешние угрозы (в первую очередь территориальные споры в Южно-Китайском море) и необходимость национального единства перед лицом этих угроз. В социальных сетях этот фрейм реализуется через публикацию материалов о военных учениях, дипломатических усилиях по защите суверенитета и исторических обоснований вьетнамских территориальных претензий. Как отмечает Т.Т. Ты, использование фрейма внешней угрозы позволяет государству мобилизовать патриотические чувства и легитимировать ограничения в информационной сфере как необходимые меры защиты национальных интересов²¹⁷.

Фрейм социальной гармонии и традиционных ценностей акцентирует коллективистские нормы, уважение к иерархии и приоритет общественного блага над индивидуальными интересами. Этот фрейм опирается на конфуцианское культурное наследие и подчёркивает роль Коммунистической партии Вьетнама как гаранта стабильности и порядка. В социальных сетях государственные аккаунты регулярно публикуют материалы о традиционных праздниках, семейных ценностях и волонтёрских инициативах, представляя их как проявление единства народа и партии.

²¹⁷ Ты Т. Т. Политика национальной безопасности Вьетнама в условиях региональных угроз // Вьетнамские исследования. – 2023. – № 2. – С. 78–95.

Фрейм цифрового развития и инноваций представляет Вьетнам как страну, активно внедряющую новые технологии в государственное управление и экономику. Официальные аккаунты демонстрируют примеры успешной цифровизации административных услуг, развития электронного правительства и поддержки стартап-экосистемы. Этот фрейм особенно активно используется для взаимодействия с молодёжной аудиторией, для которой технологическая современность является важным критерием оценки эффективности власти.

Однако социальные сети создают пространство для появления альтернативных фреймов, которые конкурируют с государственными нарративами. Фрейм критики коррупции и неэффективности акцентирует случаи злоупотреблений чиновников, бюрократические барьеры и несправедливое распределение ресурсов. Несмотря на активные усилия государства по борьбе с коррупцией (согласно данным Transparency International, индекс восприятия коррупции Вьетнама вырос с 31 балла в 2012 году до 41 балла в 2023 году)²¹⁸, эта тема остаётся одной из наиболее обсуждаемых в социальных сетях. Пользователи делятся личными историями взяточничества, публикуют видеосвидетельства коррупционных действий и требуют большей прозрачности в работе государственных органов.

Фрейм прав человека и индивидуальных свобод, продвигаемый главным образом активистами и диссидентами, противопоставляет коллективистским нормам идею индивидуальной автономии и необходимости защиты гражданских прав. Этот фрейм находит отклик среди части образованной молодёжи и представителей творческих профессий, однако остаётся маргинальным в масштабах всего общества из-за активной государственной контрпропаганды и культурной укоренённости коллективистских ценностей.

²¹⁸ Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. Vietnam [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.transparency.org> (дата обращения: 01.12.2024).

Фрейм экологической справедливости акцентирует негативные последствия быстрого экономического развития: загрязнение воздуха и воды, вырубку лесов, экологические катастрофы (например, массовая гибель рыбы у побережья Центрального Вьетнама в 2016 году, вызванная деятельностью сталелитейного завода Formosa)²¹⁹. Экологические активисты используют социальные сети для мобилизации протестов и привлечения внимания к проблемам, которые игнорируются государственными СМИ.

Особенностью социальных сетей является техническая возможность быстрого переключения между фреймами. Один и тот же материал, изначально представленный государством в фрейме успеха и развития, может быть переинтерпретирован пользователями в фрейм критики через добавление комментария, создание мема или контекстуализацию в иной нарратив. Е.Б. Шестопа́л отмечает, что в условиях высокой информационной насыщенности восприятие политических событий становится всё более зависимым от доминирующего фрейма в конкретном сетевом сообществе, что усиливает эффект «эхо-камер» и поляризацию²²⁰.

Концепция цифровых актантов и алгоритмическая субъектность

Одним из наиболее важных теоретических достижений в области исследования цифровой политической коммуникации является концепция цифровых актантов, разработанная С.В. Володенковым и С.Н. Федорченко. Согласно этой концепции, алгоритмы социальных платформ следует рассматривать не просто как технические средства передачи информации, но как активных участников политического процесса, обладающих собственной

²¹⁹ Чан В.Л. Экологические катастрофы и общественные протесты во Вьетнаме (2016–2023) // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3(100). – С. 497–500.

²²⁰ Шестопа́л Е.Б. Политическая психология в современной России // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 132–146. Анализ эффекта фильтрующего пузыря и поляризации в условиях социальных медиа.

логикой действия и способностью влиять на структуру информационных потоков²²¹.

Традиционный подход к анализу политической коммуникации предполагал наличие активных субъектов (политиков, журналистов, граждан) и пассивных технических средств (телевидение, радио, печатные СМИ). В этой парадигме технология рассматривалась как нейтральный инструмент, который используется различными акторами для достижения своих целей. Однако, как отмечают Володенков и Федорченко, в цифровой среде эта дихотомия утрачивает свою аналитическую ценность: алгоритмы социальных сетей активно влияют на то, какая информация становится видимой, а какая остаётся незамеченной; какие политические нарративы получают широкое распространение, а какие маргинализируются; какие сообщества формируются и усиливаются, а какие фрагментируются²²².

Механизм действия цифровых актантов основан на нескольких принципах. Алгоритмы определяют видимость контента на основе показателей вовлечённости (engagement) — количества лайков, комментариев, репостов и времени просмотра. Контент, который вызывает высокую вовлечённость, автоматически продвигается в новостных лентах пользователей, в то время как контент с низкой вовлечённостью остаётся незамеченным, даже если он исходит от официального государственного аккаунта. Это создаёт ситуацию, при которой эмоционально окрашенный контент (в том числе критический и скандальный) получает преимущество перед официальными информационными сообщениями.

Алгоритмы создают эффект «фильтрующего пузыря» (filter bubble), концептуализированный Эли Паризером, при котором пользователь видит преимущественно контент, похожий на тот, с которым он уже

²²¹ Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 37–53.

²²² Там же.

взаимодействовал²²³. Это приводит к фрагментации информационного пространства: сторонники государственной политики получают в свои ленты материалы, укрепляющие их позицию, в то время как критики видят преимущественно критический контент. Результатом становится усиление поляризации и снижение возможности для конструктивного диалога между различными группами.

Алгоритмы могут быть манипулированы через использование ботов, координированных кампаний и платной рекламы. Филипп Говард ввёл термин «вычислительная пропаганда» (*computational propaganda*) для описания использования алгоритмов, автоматизированных аккаунтов и больших данных для манипулирования политическим дискурсом²²⁴. В контексте Вьетнама это означает, что как государство, так и его критики могут использовать автоматизированные инструменты для усиления своих сообщений, создания иллюзии массовой поддержки или, напротив, массовой критики определённых политических решений.

Для Вьетнама субъектность цифровых актантов создаёт несколько вызовов для политической стабильности. Во-первых, государственный контроль над алгоритмами глобальных платформ (Facebook, YouTube, TikTok) практически невозможен, поскольку эти платформы управляются корпорациями, находящимися за пределами юрисдикции вьетнамского законодательства. Хотя Закон о кибербезопасности № 24/2018/QH14 требует от иностранных платформ размещать серверы на территории Вьетнама и предоставлять данные по запросу государственных органов²²⁵, корпорации сохраняют контроль над алгоритмами, определяющими видимость контента.

Во-вторых, Zalo, являющийся национальной платформой, позволяет государству в большей степени влиять на алгоритмизацию контента и

²²³ Паризер Э. Фильтрующие пузыри: как интернет скрывает от нас весь мир / Э. Паризер; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2015. – 256 с.

²²⁴ Говард Ф. Н. Вычислительная пропаганда: политические боты, тролли и фальшивые новости / Ф. Н. Говард; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. – 288 с.

²²⁵ Luật An ninh mạng [Закон о кибербезопасности] / Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. — Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia Sự thật, 2018.

приоритизацию официальных сообщений. Однако это создаёт риск потери конкурентоспособности перед международными платформами, если пользователи начнут воспринимать Zalo как чрезмерно контролируемый государством инструмент. Л.В. Сморгунов отмечает, что балансирование между государственным контролем и сохранением привлекательности платформы для пользователей является одной из ключевых проблем в реализации стратегии цифрового суверенитета²²⁶.

В-третьих, китайская платформа TikTok, чрезвычайно популярная среди вьетнамской молодёжи (67,72 млн пользователей, или 55,6% взрослого населения), имеет собственные политические интересы и может использоваться правительством Китая как инструмент мягкой силы или информационного влияния²²⁷. Хотя официальных данных о вмешательстве китайских органов в работу TikTok во Вьетнаме нет, сама возможность такого вмешательства создаёт структурную уязвимость для вьетнамского информационного суверенитета.

В-четвёртых, отсутствие прозрачности в функционировании алгоритмов создаёт постоянный источник неопределённости в политическом процессе. Государственные органы не могут точно предсказать, какой контент получит вирусное распространение, а какой останется незамеченным, что затрудняет стратегическое планирование коммуникационных кампаний и оперативное реагирование на информационные кризисы.

Модель коннективного действия и сетевая политическая мобилизация

У. Лэнс Беннетт и Александра Сегерберг разработали концепцию «коннективного действия» (connective action), которая объясняет, каким образом социальные сети позволяют координировать массовые политические

²²⁶ Сморгунов Л.В. Политика в сети: трансверсальная коммуникация и сетевая власть // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2025. – № 3. – С. 417–429.

²²⁷ The Connected Consumer Q2 2024: Vietnam Social Media Landscape Report [Электронный ресурс] / Decision Lab, Mobile Marketing Association Vietnam. – Ho Chi Minh: Decision Lab, 2024. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q2> (дата обращения: 14.09.2025).

действия без традиционной организационной инфраструктуры, характерной для классического коллективного действия²²⁸. Эта модель имеет критическое значение для понимания потенциальных рисков дестабилизации, создаваемых социальными сетями.

Классическое коллективное действие, концептуализированное М. Олсоном, предполагало наличие организованной структуры (политические партии, профсоюзы, общественные организации); единого идеологического сообщения, объединяющего участников; иерархической системы командования и координации; долгосрочных целей и стратегического планирования; значительных ресурсов для преодоления проблемы «безбилетника» (free-rider problem)²²⁹.

Коннективное действие в социальных сетях функционирует иначе. Мотивация участников является персонализированной: люди присоединяются к протесту или кампании из различных соображений, не обязательно разделяя единую идеологию или долгосрочную политическую программу. Структура мобилизации горизонтальна и децентрализована: отсутствует чёткий центр управления, а координация происходит через взаимодействие множества узлов сети. Идеологические связи являются слабыми: участники могут объединяться вокруг конкретной проблемы (например, экологическая катастрофа или коррупционный скандал), не имея общего видения политического будущего. Мобилизация происходит с высокой скоростью, но также быстро затухает после достижения локальной цели или исчезновения информационного повода.

М. Кастельс в работе «Сети возмущения и надежды» показал, что социальные сети становятся платформой для политических движений, которые выходят за рамки традиционных партийных структур и создают

²²⁸ Беннетт У.Л., Сегерберг А. Коннективное действие в сетевой эпохе / У.Л. Беннетт, А. Сегерберг; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. – 320 с.

²²⁹ Олсон М. Логика коллективного действия: общественные блага и теория групп / М. Олсон; пер. с англ. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1995. – 280 с.

новые формы политического участия²³⁰. Зейнеп Туфекчи, анализируя современные протестные движения (Арабская весна, Occupy Wall Street, протесты Gezi Park в Турции), выявила парадокс: социальные сети позволяют быстро мобилизовать массы людей, но созданные таким образом движения часто оказываются неспособными к устойчивому политическому воздействию из-за отсутствия организационного потенциала и стратегического планирования²³¹.

Для Вьетнама концепция коннективного действия имеет особое значение. Во-первых, однопартийная система исключает легальные возможности для создания независимых политических организаций, которые могли бы организовывать традиционное коллективное действие. Постановление об ассоциациях требует регистрации всех общественных организаций и устанавливает жёсткий контроль над их деятельностью²³². В этих условиях социальные сети становятся единственным доступным пространством для выражения коллективного недовольства и координации протестных действий.

Во-вторых, вьетнамское общество имеет опыт успешных кампаний коннективного действия, которые заставили государство изменить политику. В 2016 году массовая гибель рыбы у побережья Центрального Вьетнама, вызванная деятельностью тайваньского сталелитейного завода Formosa, спровоцировала широкомасштабные протесты, координируемые через Facebook и Zalo. Десятки тысяч людей вышли на улицы в нескольких провинциях, требуя закрытия завода и компенсации ущерба. Государство было вынуждено оштрафовать компанию на 500 млн долларов и обязать её

²³⁰ Кастельс М. Сети возмущения и надежды: социальные движения в эпоху интернета / М. Кастельс; пер. с англ. А. И. Кольева, С.А. Кольева. — М.: Высшая школа экономики, 2015. — 344 с.

²³¹ Туфекчи З. Твиттер и бунтовщики: власть и уязвимость в цифровую эпоху / З. Туфекчи; пер. с англ. — Москва: Издательство Института Гайдара, 2018. — 384 с.

²³² Quy định về tổ chức, hoạt động và quản lý hội: Nghị định số 45/2010/NĐ-CP Chính phủ Cộng hòa Xã hội chủ nghĩa Việt Nam [Электронный ресурс] : принято 21 апреля 2010 г., введено в действие 1 июля 2010 г. — Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=94264> (дата обращения: 14.09.2025).

провести экологическую реабилитацию²³³. Этот случай продемонстрировал, что социальные сети функционируют как инструмент горизонтальной координации и распространения информации, способный быстро объединять людей вокруг общих интересов, несмотря на наличие государственных механизмов регулирования информационного пространства.

В-третьих, государство осознаёт риски коннективного действия и разрабатывает стратегии превентивного контроля. Киберотряд 47 (Force 47), созданный при Министерстве обороны, осуществляет мониторинг социальных сетей для выявления попыток организации несанкционированных протестов²³⁴. Постановление № 53/2022/ND-CP устанавливает ответственность администраторов групп в социальных сетях за контент, публикуемый участниками, что создаёт стимулы для самоцензуры и ограничивает пространство для организации протестных кампаний²³⁵.

В-четвёртых, государство пытается канализировать потенциал коннективного действия в управляемые формы. Программа «Zalo OA для государственных органов» включает механизмы для подачи жалоб и петиций, позволяя гражданам выражать недовольство в контролируемом формате. Согласно данным Министерства информации и коммуникаций, за 2023 год через официальные аккаунты Zalo OA было подано более 2 млн обращений граждан, значительная часть которых касалась проблем в работе местных органов власти²³⁶. Эта система позволяет государству получать информацию о накапливающемся недовольстве и реагировать на него до того, как оно перерастёт в открытые протесты.

²³³ Чан В.Л. Экологические катастрофы и общественные протесты во Вьетнаме (2016–2023) // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3(100). – С. 497–500.

²³⁴ Hơn 10.000 người trong 'Lực lượng 47' đấu tranh trên mạng [Электронный ресурс] // Tuổi Trẻ Online. – 25 декабря 2017 г. – Режим доступа: <https://tuoitre.vn/hon-10-000-nguoi-trong-luc-luong-47-dau-tranh-tren-mang-20171225150602912.htm> (дата обращения: 14.09.2025).

²³⁵ Luật An ninh mạng (Hướng dẫn): Nghị định số 53/2022/NĐ-CP Chính phủ Cộng hòa Xã hội chủ nghĩa Việt Nam [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Cong-nghe-thong-tin/Nghi-dinh-53-2022-ND-CP-huong-dan-Luat-An-ninh-mang-398695.aspx> (дата обращения: 14.09.2025).

²³⁶ Vietnam Plus. Zalo used by 85% of Vietnamese, surpassing global apps [Электронный ресурс] // Vietnam News Agency. – Режим доступа: <https://vietnamnet.vn/en/zalo-used-by-85-of-vietnamese-surpassing-global-apps-2406688.html> (дата обращения: 14.09.2025).

Однако риск коннективного действия остаётся структурным вызовом для политической стабильности Вьетнама. Быстрая урбанизация, рост среднего класса и расширение доступа к социальным сетям создают условия для возникновения новых волн сетевой мобилизации по поводу коррупции, экологических проблем, несправедливости в распределении ресурсов. Как отмечается в монографии «Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски», способность государства управлять этими рисками определяется не столько репрессивными мерами, сколько эффективностью государственных институтов, качеством коммуникации с обществом и готовностью к диалогу по острым вопросам²³⁷.

Анализ моделей и инструментария воздействия социальных сетей на политическую стабильность демонстрирует, что цифровая трансформация коммуникационной среды создала качественно новую конфигурацию политических процессов, которая не может быть полностью понята через призму классических теорий политической коммуникации. Трансформация модели Лассвелла, эволюция двухступенчатого потока информации, механизмы фрейминга и концепция цифровых актантов раскрывают сложность современного информационного пространства, в котором государство больше не является монопольным источником политической информации, а социальные сети функционируют как активные участники политических процессов, воздействующие на общественное сознание через алгоритмические механизмы.

Специфика вьетнамской ситуации заключается в том, что государство Социалистической Республики Вьетнам попытается балансировать между несколькими противоречивыми целями: защитой информационного суверенитета и интеграцией в глобальное цифровое пространство; государственным контролем над информационными потоками и сохранением привлекательности отечественных платформ; подавлением явно политически

²³⁷ Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски: монография / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]; под общей редакцией В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. – Москва: РУСАЙНС, 2023. – 184 с. – ISBN 978-5-466-03139-3.

чувствительного контента и развитием конструктивного диалога с гражданским обществом. Этот баланс остаётся хрупким и требует постоянной адаптации к изменяющимся технологическим и социальным условиям.

Универсальные механизмы воздействия социальных сетей — эхо-камеры, информационные каскады, вычислительная пропаганда, коннективное действие — создают одновременно возможности для укрепления политической стабильности (через расширение каналов государственной коммуникации, выявление локальных дисфункций, канализацию недовольства в управляемые формы) и риски её подрыва (через формирование альтернативных информационных реальностей, мобилизацию протестного потенциала, распространение дезинформации). Эффективность государственного управления этими механизмами определяется не столько репрессивной способностью системы, сколько её адаптивностью, способностью к диалогу и готовностью к инновационным подходам в сфере цифровой политической коммуникации.

Развитие инструментария государственного воздействия на политические процессы через социальные сети — официальных государственных аккаунтов, систем мониторинга и удаления политически чувствительного контента, работы с лидерами мнений — демонстрирует, что государство осознаёт критическую роль социальных сетей в современных политических процессах и стремится активно участвовать в формировании информационного пространства. Однако эта активность в цифровой среде создаёт новые вызовы: процессы адаптации механизмов государственного управления информационной сферой требуют баланса между обеспечением безопасности и поддержанием общественного доверия к государственным институтам. Кроме того, зависимость национального информационного пространства от глобальных технологических платформ создаёт потенциальные уязвимости для защиты информационного суверенитета.

Таким образом, социальные сети представляют собой не просто инструменты трансляции информации, но сложные социотехнические системы, в которых политический смысл производится через взаимодействие множественных акторов (государство, международные корпорации, лидеры мнений, граждане) и алгоритмических механизмов, находящихся за пределами полного контроля любого из этих акторов. Понимание этой сложности критически важно для анализа специфики влияния социальных сетей на политическую стабильность Социалистической Республики Вьетнам и разработки адекватных стратегий управления рисками в цифровом пространстве.

2.2. Специфика влияния социальных сетей на политическую стабильность

Социальные сети генерируют информационный поток на платформах, технологических сервисах, которые позволяют пользователям создавать, обмениваться, обсуждать и изменять контент, создавать партнёрские сети и взаимодействовать по широкому спектру политических вопросов.

Алгоритмы позволяют платформам социальных сетей создавать активные сообщества в различных формах (форумы, группы, общественные объединения), привлекающие миллионы участников, не ограниченных географией и социальным составом.

Быстрый доступ к отдельным пользователям создаёт множество возможностей и преимуществ в передаче, приеме, совместном использовании информации и знаний; служить разнообразным потребностям сообщества – заводить друзей, развлекаться, вести бизнес, выражать мнения, высказывать социальную критику. В то же время платформы несут известные риски, способные обострять разногласия, разжигая ненависть в социальных сообществах, особенно в полиэтничных.

Социальные медиа внесли значительные изменения в коммуникационные привычки людей. Современные социальные сети – это пространства с множеством информационных потоков, распространяющих сообщения от одного пользователя к другому в масштабах, которые самим участникам порой сложно представить.²³⁸ Ещё сложнее анализировать социализационное влияние сетей на политические процессы, рассматривать коммуникации как фактор конструирования потребительских практик, фокусироваться на гендерных репрезентациях в «оболочке» социальных медиа. Для оценки политической стабильности прежде всего важны

²³⁸ Давыдов В.Н. Социальные сети как вызов политической стабильности Вьетнама / В.Н. Давыдов, Т. А. Нгуен, А.Л. Зоткина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 438–455. – DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-4-438-455.

взаимосвязи между поведением пользователей социальных медиа онлайн и их политическим участием офлайн. С использованием конвенционных и неконвенционных форм политического участия, социальные медиа выступают средством реализации инновационных форм политического участия. Имеются в виду возможности политического участия, которые предоставляют пользователям социальные медиа. Речь идёт о существенном обогащении структуры политических возможностей такими формами политического участия, как: возможность коммуникации с электронными представительствами органов власти (например, в форме петиций), включая возможность граждан инициировать темы и содержание таких обращений, а также получать массовую поддержку со стороны других пользователей социальных медиа; открытость государственных реестров и другой документации. Например, данные о государственных закупках, реестре прав собственности на недвижимость, детализированные данные голосования избирателей на каждом избирательном участке и др., с которыми граждане могут ознакомиться онлайн и осуществлять таким образом гражданский контроль за деятельностью органов власти; возможность присоединяться к представленным в среде социальных медиа общественным организациям, политическим партиям, общественно-политическим движениям, инициативам, отдельным коллективным действиям, инициировать такие движения, инициативы и коллективные действия; возможность распространять в «оболочке» социальных медиа критические или положительные оценки деятельности политических субъектов и таким образом влиять на деятельность этих субъектов.

Механизмы политической стабильности многочисленны, и для определённых социокультурных контекстов различаются довольно существенно. Под механизмом массовой социальной стабильности подразумевается устойчивое сочетание элементов социальной реальности, которое актуализируется в повторяющейся и предполагаемой форме и влечёт за собой интенсификацию процессов социального взаимодействия и

структурообразования, позволяет формирование субъектов социальной деятельности и приводит к коллективному социальному действию.

Система таких механизмов включает как технологизированные, так и нетехнологизированные элементы социальной реальности. В научной литературе под механизмами политической стабильности в политической коммуникации понимается следующее: причастность к неформальным группам с нефиксированным и ситуативным членством (например, группа в социальной сети); причастность к более устойчивым неформальным группам, соединённым связями личного знакомства и доверия; причастность к группам, объединённым этнокультурной общностью (эта тема описана в литературе с использованием термина «этническая мобилизация»); причастность к формализованным негосударственным группам, соединённым фиксированным членством, статусными позициями, субординацией (например, к политическим партиям, профсоюзам и др.); причастность к формализованным группам, которые представляют государственные органы.

Со временем в научном дискурсе появляется интерпретация медиа как мобилизационного механизма. Здесь речь уже не о принадлежности к тем или иным группам, а о потреблении определенного информационного продукта как основной канал воздействия политического механизма.

Появление новейших информационно-коммуникационных технологий только придаёт актуальность этой перспективе. Отметим, что социальные сети в большей степени, чем традиционные медиа, обладают мобилизационным потенциалом, поскольку: имеют значительно более выраженное коммуникационное измерение по сравнению с традиционными медиа; влияют на пользователей как через канал информационного воздействия, так и через принадлежность к определённой сети.

Общей методологической позицией исследования всех упомянутых мобилизационных механизмов является то, что индивида к политическому

участию подталкивает коллективное действие. Речь не идёт ни в коем случае, что только эти механизмы обеспечения политической стабильности могут объяснять политическое участие индивида или его отказ от политического участия. Среди исследователей существует согласие на то, что в каждом случае следует говорить о системе дестабилизационных политических механизмов. В этой системе вклад одних дестабилизационных механизмов в политическую систему может быть более весомым, чем вклад других.

Перспективным (и даже необходимым для системного исследования механизмов политической дестабилизации) является использование методов математического моделирования, которые позволили бы зафиксировать влияние отдельных механизмов и определить их иерархию.

В рамках данного текста мы сконцентрировались на исследовании социальных медиа как механизме политической мобилизации, введя в дальнейший анализ такие переменные, как интерес респондентов к общественно-политической проблематике; степень готовности респондентов приобщаться к тем или иным формам политического участия; опыт приобщения респондентов к тем или иным формам политического участия во время акций протеста в период 2008 – 2018 годов; распространение респондентами информации по общественно-политической проблематике в социальных медиа; их участие респондентов в политической деятельности. Для верификации тезиса о мобилизационном влиянии социальных медиа автор сравнивает особенности политического участия пользователей социальных медиа.

В последние десятилетия возникли информационно-коммуникационные механизмы политической мобилизации, выросли коммуникационные возможности этих технологий, отличающиеся интерактивностью, зависящие от каждого пользователя.²³⁹

²³⁹ Глищинская Е. А. Репутация политика: управление негативом в социальных сетях / Е. А. Глищинская // Профессионал года 2021: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 61–66.

Современные исследования политической коммуникации тесно связаны с развитием новых форм взаимодействия и координации коллективных действий в обществе. При этом недостаточно изученным остается информационно-коммуникационный механизм протестной мобилизации через социальные медиа. Данная проблематика относится к области социологии Интернета – активно развивающемуся направлению социологической науки.

В этом контексте О.Г. Щенина²⁴⁰ подчеркивает, что в современном обществе ключевым фактором социальной дифференциации становится не собственность, а уровень информированности и доступа к знаниям. Традиционное разделение на «имущих» и «неимущих» трансформируется: привилегированный слой теперь формируют информированные граждане, в то время как неинформированные становятся новой категорией социально уязвимых групп.

С появлением глобальной компьютерной сети коммуникация между индивидами приобрела новые качественные параметры. Это способствовало расширению социальных связей, что представляет научный интерес в контексте управления информационными процессами.

Российская исследовательница Е. Путилова определяет веб-среду как: «совокупность технических, функциональных, информационных, социальных, экономических, юридических компонентов, обеспечивающих существование, формирование и деятельность индивидуальных и групповых пользователей, то есть составляющих аудиторию интернета²⁴¹. Интернет-среда стала сферой социального взаимодействия, в процессе которого формируются новые политические субъекты. А кроме этого, происходит

²⁴⁰ Щенина О.Г. Человек политический в сетях коммуникаций: теоретические и прикладные аспекты гражданского участия / О. Г. Щенина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 5. – С. 155–166.

²⁴¹ Путилова, Е.А. Интернет как фактор формирования информационного общества: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Путилова Елена Александровна; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2004. – 39 с.

координация одноразовых коллективных действий, оформляются длительные и устойчивые образования – такие как общественные организации и политические партии.²⁴²

Более приближенный взгляд на корпус исследований, посвящённых Интернет-технологиям, выявляет следующие тематические блоки:

1) Теоретические основы для изучения интернет-технологий. В релевантном к нашему исследованию контексте целесообразно упомянуть осмысление электронной демократии и электронного управления;

2) Блок исследований сетевых сообществ и субкультур. Социальные медиа могут выступать мобилизационным механизмом и в социокультурном, а не только в политическом измерении. Средствами социальных медиа могут распространяться образцы потребления, ценностные и нормативные образцы, языковые практики, являющиеся важными элементами субкультуры;

3) Проблема безопасности (в частности, проблемы экстремизма) в Интернете. Относительно социальных медиа указанный аспект актуализировался с распространением явления международного терроризма и использованием злоумышленниками современных информационно-коммуникационных технологий для привлечения средств, пропаганды своих идей, рекрутирования сторонников, сбора информации;

4) Характерные черты пользователей интернета и формируемых ими социальных групп, в частности в измерении социальной структуры и социальной стратификации (с особым вниманием к явлению информационной бедности). В контексте исследования представляет интерес содержание взаимосвязи возраста, уровня образования, гендерной идентичности, уровня материального обеспечения пользователей социальных медиа с их поведением в общественно-политической сфере;

²⁴² Питерова А.Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции / А.Ю. Питерова // Наука. Общество. Государство. – 2015. – Т. 3, № 4(12). – С. 97–105.

5) Проблема взаимодействия, «синхронности» и «конгруэнтности» двух измерений реальности – объективной и виртуальной с особым вниманием к возможным искажениям объективной действительности средствами интернет, создание альтернативной реальности – симулякров (Ж. Бодрийяр и др.) и деградации публичного дискурса, когда происходит подмена актуальных политических проблем. Мониторинг социальных сетей свидетельствует, что лишь небольшой сегмент аудитории охвачен аналитическими материалами, тогда как объём банальных, сенсационно-развлекательных материалов захлестывает социальные сети.

В своих исследованиях Н .А. Рябченко формулирует фундаментальную проблему социологического анализа интернет-технологий, которая заключается в определении оптимальных способов использования новых технологических возможностей, выборе адекватных социальных моделей, поддерживаемых современной информационно-коммуникационной средой, и формировании образа жизни, соответствующего новому социально-технологическому пространству. При этом исследователь подчеркивает взаимосвязь между технологическим развитием и социальными трансформациями, указывая на необходимость осознанного подхода к интеграции цифровых технологий в общественную жизнь²⁴³.

Возможна и другая систематизация предметного поля политической коммуникации Интернета – в соответствии с тем, на каком уровне (личностном, групповом или социетальном) концентрируется исследование. Так, проблематика, касающаяся индивида (и пересекающаяся с социологией личности), в рамках политики затрагивает такие проблемы, как равенство и неравенство (ощущение относительной депривации и деривация абсолютно в информационном измерении), влияние Интернет-технологий на качество жизни человека и степень его вовлечённость в социальные взаимодействия и сообщества в объективной (а не виртуальной) реальности. На уровне группы

²⁴³ Рябченко Н.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды / Н.А. Рябченко // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 92–106.

возникает проблематика роли Интернет-технологий (и социальных медиа в частности) в привлечении индивида к политическому участию и в целом к более «масштабным» формам социальности (приобретение индивидом групповых идентичностей, солидарностей и аффилиации). Интересным аспектом этого фокуса исследований является трансформация социального капитала в эпоху Интернет-технологий и социальных медиа: с одной стороны Интернет связан с высокоиндивидуализированным времяпрепровождением (индивид находится фактически в одиночестве и является автономным настолько, насколько это возможно), а с другой – Интернет и социальные медиа предоставляют беспрецедентные возможности для создания сообществ разного рода, агрегации и артикуляции общих интересов и наконец коллективного действия.

На социетальном уровне проблематика, касающаяся социологии Интернета и социальных медиа, поднимает вопросы противоречий интересов национального государства (которое заинтересовано в лояльности граждан и единой национальной и гражданской идентичности) и кросснациональных, кроссцивилизационных сообществ, идентичностей и солидарностей, создаваемых в Интернете.

Особое значение приобретает концепция «электронной демократии» как высокотехнологичной политической системы, характеризующейся возрастающим участием граждан в принятии политических решений, интерактивностью политического процесса, расширением возможностей коммуникации между гражданами и политиками, беспрецедентным доступом к информации и повышенной подотчетностью политических институтов в режиме реального времени.

С. Барматова²⁴⁴ подчеркивает, что Интернет способствует формированию и реализации новых форм политического взаимодействия,

²⁴⁴ Барматова С.П. Информационно-коммуникативное пространство политики как предмет теоретико-социологической рефлексии: специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии»:

включая электронную демократию и электронное правительство. Однако остается открытым вопрос о том, насколько интернет-технологии и социальные медиа способствуют стабилизации политических систем, особенно в контексте развивающихся демократий.

При анализе Интернета как объекта политического влияния принято рассматривать информационную среду в качестве объективной реальности, обладающей собственными закономерностями развития, включая механизмы социальной мобилизации. Ключевым концептом для понимания сущности социальных медиа выступает понятие «социальная информация». Исследование социальных аспектов информационной среды демонстрирует трансформацию структур общества под воздействием социальных медиа.

Социальные медиа играют значительную роль в политических и социокультурных процессах. В политическом и публицистическом дискурсе распространилось представление о том, что социальные медиа функционируют как инструмент для расширения политического участия и вызывают трансформацию политических систем, то есть могут способствовать развитию форм политического участия, которые менее централизованы. Жесткая реакция сторонников диктатур на вопрос о политическом представительстве социальных сетей свидетельствует о правильности этой постановки вопроса.²⁴⁵

Определяя социальные медиа в контексте взаимосвязи их пользователей с политическим участием в конвенционном и неконвенционном измерениях, мы исходили из анализа работ зарубежных и некоторых российских исследователей. Политологический научный дискурс свидетельствует об устоявшихся закономерностях новых коммуникаций. Например, Интернет (и социальные медиа, функционирующие в его

автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Барматова Светлана Петровна; Институт социологии НАН Украины. – Киев, 2010. – 27 с.

²⁴⁵ Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы / С.В. Володенков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5(153). – С. 341–364.

«оболочке») рассматриваются как информационно-коммуникационная технология, которая обогащает «арсенал» форм политического участия граждан, расширяет границы коммуникации между гражданами и политическими субъектами, повышает эффективность общественного контроля над деятельностью органов власти и др. Подобную интерпретацию функциональности Интернета и социальных медиа поддерживают многочисленные теоретические и прикладные работы. Речь идёт, к примеру, об исследовании роли социальных медиа в ряде политических процессов, известных под названием «цветные революции»²⁴⁶.

У зарубежных исследователей немало актуальных трудов – констатаций, как «Иранская твиттер революция»²⁴⁷, «Египетские фейсбук-протесты»²⁴⁸ и других. Однако их появление не стало основой формирования социологической методологии, методики исследования роли социальных медиа как технологии массовой мобилизации. Не создано апробированных методик и рекомендаций парирования, нейтрализаций деструктивной энергии социальных протестов.²⁴⁹

Вьетнамские фаны власти неоднократно высказывали сожаление об отсутствии подобного инструментария укрощения “слепой социальной ярости”, спровоцированной вольницей социальных сетей.²⁵⁰

Рассмотрим основные направления научного дискурса по проблемам социальным медиа и обоснуем их стратификацию, требующих сопряжения с теорией и управленческой практикой.

²⁴⁶ Kruse L. M. Social Media as a Public Sphere? Politics on Social Media / L. M. Kruse, D. R. Norris, J. R. Flinchum // *The Sociological Quarterly*. – 2018. – Vol. 59, № 1. – P. 62–84. – DOI: 10.1080/00380253.2017.1383143.

²⁴⁷ Aday S. Blogs and Bullets: New Media in Contentious Politics / S. Aday, H. Farrell, M. Lynch, J. Sides, J. Kelly, E. Zuckerman. – Washington, D.C. : United States Institute of Peace, 2010. – 32 p. – (Peaceworks ; no. 65).

²⁴⁸ Rahimi B. The Politics of the Internet in Iran / B. Rahimi // *Media, Culture and Society in Iran: Living with Globalization and the Islamic State* / ed. by M. Semati. – London : Routledge, 2008. – P. 37–56.

²⁴⁹ Гришина О.Е. Современные угрозы государству и обществу: радикализм, терроризм, информационные войны, «цветные революции»: учебное пособие / О. Е. Гришина, В. Н. Давыдова. – Москва: РУДН, 2018. – 306 с. – ISBN 978-5-209-08313-9.

²⁵⁰ González-Bailón S. The Dynamics of Protest Recruitment through an Online Network / S. González-Bailón, J. Borge-Holthoefer, A. Rivero, Y. Moreno // *Scientific Reports*. – 2011. – Vol. 1. – Art. 197. – DOI: 10.1038/srep00197.

Одним из крупнейших популяризаторов социологического изучения новых медиа является М. Маклюэн, который ввел в обращение понятие «электронное общество».²⁵¹ Другой первопроходец актуальной проблематики М. Кастельс считает, что человечество вступило в новую эпоху, когда ИТ-технологии стали главным фактором и признаком новой экономики и культуры²⁵², но при этом они несут с собой угрозы атомизации социума, манипуляции, уменьшают время общения с членами семьи, сужают круг участников общения в реальной жизни, вытесняют традиционные коммуникации между людьми, формируют особую психологию, когда кажется, что и в жизни все можно изменить нажатием клавиши «перезагрузки». М. Кастельс опасается того, что Интернет-технологии консервируют социальное неравенство, что влиятельные и богатые способны инструментализировать эту коммуникацию в свою пользу.

Б. Бимбер²⁵³ напротив, отрицал пессимистический взгляд на роль социальных медиа в том, что касается жизни общества и потенциальных угроз атомизации и политического абсентеизма. Сосредотачивается на эффекте социальных медиа в контексте политического поведения граждан американский исследователь Г. Рейнголд, автор определения «умная толпа» (англ. – smart mob), то есть производное от самоорганизации коллективного действия незнакомых и несвязанных друг с другом людей.²⁵⁴

Исследователи Дж. Фридланд и К. Рогерсон²⁵⁵ подчеркивают, что современные информационно-коммуникационные технологии, в особенности Интернет, кардинально трансформировали характер коллективных

²⁵¹ McLuhan M. *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects* / M. McLuhan, Q. Fiore; coordinated by J. Agel. – New York: Bantam Books, 1967. – 160 p.

²⁵² Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва: ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с. – ISBN 5-7598-0069-8.

²⁵³ Bimber B. *The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism* / B. Bimber // *Polity*. – 1998. – Vol. 31, № 1. – P. 133–160. – DOI: 10.2307/3235370.

²⁵⁴ Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution* / H. Rheingold. – New York: Basic Books, 2002. – 266 p.

²⁵⁵ Friedland L. A. *How Political and Social Movements Form on the Internet and How They Change Over Time* / L. A. Friedland, K. S. Rogerson // *IHSS Reports* / Institute for Homeland Security Solutions. – Chapel Hill, NC, 2009. – 42 p.

социальных действий. Эта трансформация непосредственно связана с процессами демократизации общества и развитием гражданских институтов.

В странах, находящихся на пути трансформации от закрытых к открытым обществам (согласно концепции К. Поппера), социальные медиа выступают значимым катализатором формирования гражданского общества. Они способствуют не только стабилизации социально-политических процессов, но и ускоряют формирование новых демократических институтов и субъектов политического процесса²⁵⁶.

Социальные медиа обладают значительным потенциалом для формирования общественного доверия, обеспечения прозрачности действий органов власти и учета интересов различных социальных групп в процессе принятия политических решений. Они также служат эффективным инструментом общественного контроля, позволяющим выявлять и противодействовать коррупционным проявлениям на всех уровнях управления.

В контексте защиты базовых прав человека социальные медиа позволяют формировать общественную реакцию, направленную как на конкретных должностных лиц, так и на политические институты в целом. Они существенно трансформировали политический процесс, придав ему большую динамичность, открытость и инклюзивность, что заставило традиционные управленческие структуры стать более гибкими и отзывчивыми к общественным запросам.

Однако потенциал социальных медиа может использоваться не только для демократической мобилизации общества, но и в деструктивных целях – для манипуляции общественным мнением и распространения экстремистских идей. В цифровом публичном пространстве социальная солидарность и доверие сосуществуют с конфликтами и враждебностью.

²⁵⁶ Hoàng Khánh Linh. Xuất bản quốc tế về khoa học của Việt Nam: chính sách và xu thế / Hoàng Khánh Linh // Tạp chí Giáo dục. – 2020. – 05 tháng 11. – URL: <https://tapchigiaoduc.edu.vn/article/86606/215/xuat-ban-quoc-te-ve-khoa-hoc-cua-viet-nam-chinh-sach-va-xu-the/> (дата обращения: 16.12.2025).

Особую озабоченность у исследователей и правоохранительных органов вызывает использование социальных медиа для распространения экстремистской идеологии и террористических угроз, что становится характерной чертой современной террористической деятельности²⁵⁷.

В исследовании проблем терроризма и контртерроризма Б. Нейкос²⁵⁸ отмечает, что интернет стал эффективным инструментом для распространения пропаганды, коммуникации между участниками политических движений и их сторонниками, а также сбора стратегической информации. Цифровые платформы используются как для координации действий, так и для привлечения новых участников и ресурсов.

Л. Н. Тимофеева²⁵⁹ подчеркивает, что интернет становится глобальной средой политической коммуникации, предоставляющей возможности для выражения позиций различным политическим силам. Исследователь приводит примеры использования цифровых платформ в ситуациях ограничения доступа к традиционным медиа: мексиканским движением сапатистов, оппозицией в Индонезии во время протестов против президента Сухарто, сербскими активистами после разрушения телекоммуникационной инфраструктуры во время военных действий НАТО. Интернет также активно используется сторонами различных региональных конфликтов для ведения информационного противостояния.

Анализ социальных медиа в контексте политической стабильности требует контекстуального подхода, поскольку этот инструмент функционально амбивалентен — может использоваться различными акторами для достижения как стабилизирующих, так и дестабилизирующих целей. Это требует признания как потенциала социальных медиа для

²⁵⁷ Жаркова М. С. Социальные сети как инструмент информационного противоборства и гибридных политических конфликтов / М. С. Жаркова // Научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 168–171.

²⁵⁸ Nacos B. L. Terrorism and Counterterrorism: Understanding Threats and Responses in the Post-9/11 World / B. L. Nacos. – 3rd ed. – Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 2010. – 352 p.

²⁵⁹ Тимофеева Л.Н. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии / Л. Н. Тимофеева, Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, А. А. Гнедаш // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 37–51.

расширения политического участия, так и рисков распространения дезинформации, поляризации и организации насилия.

С. Ю. Нарцисова в своих исследованиях анализирует двойственную природу влияния интернета на общество. К позитивным эффектам исследователь относит формирование глобального информационного пространства, обеспечивающего широкий доступ к разнообразным информационным ресурсам и возможность оперативного получения необходимых данных. Среди негативных последствий автор выделяет редукцию непосредственного социального взаимодействия, ослабление традиционных социальных связей, повышение риска развития депрессивных состояний, рост случаев аутизации среди детей и подростков, а также формирование искаженного восприятия социальной реальности²⁶⁰.

Важно то, что благодаря своей интерактивности социальные медиа позволяют устанавливать обратную связь между сторонами коммуникации, координацию действий и собственно коллективное действие. Таким образом, в измерении локализации социальные медиа мобилизуют к политическому участию, несмотря на географические ограничения. В то же время социальные медиа переносят общение в виртуальную сферу, что неизбежно ведёт к недостатку или отсутствию личного общения между членами мобилизованной группы и в целом к политическому участию исключительно онлайн, что порождает устойчивые модели политического участия, которые можно назвать виртуальным активизмом или медиа-активизмом.

При анализе социальных медиа как инструмента мобилизации важно различать различные способы организации общественной активности. Можно выделить две основные модели: одна основана на сетевой координации и добровольном участии (горизонтальная), другая — на направляющей роли центральных акторов (вертикальная).

²⁶⁰ Нарцисова С.Ю. Коммуникации в киберпространстве: тенденции цифровой эпохи: монография / С.Ю. Нарцисова. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 254 с.

Согласно теоретическим представлениям, социальные медиа формируют преимущественно горизонтальные, неиерархические и децентрализованные связи, что потенциально может ограничивать влияние вертикальных сетей (финансово-промышленных групп, партийных и властных структур). Таким образом, социальные медиа создают альтернативу директивным и вертикальным коммуникациям, способствуя развитию добровольной горизонтальной мобилизации.

В результате повышается эффективность мобилизационного механизма социальных медиа: политическая коммуникация и политическое участие приобретают более демократический характер, а публичная сфера, как отмечал Ю. Хабермас, становится более независимой от политического и экономического давления²⁶¹.

Социальные медиа, выступая инструментом массовой мобилизации, отражают и воспроизводят существующие в обществе структуры социального неравенства и иерархии. Являясь коммерческими предприятиями с централизованной системой управления, социальные платформы регулируют распространение контента, устанавливают правила модерации, определяют условия блокировки пользователей и политику конфиденциальности. В рамках отдельных социальных платформ формируется система влияния через определенных пользователей, обладающих, согласно концепции П. Бурдьё, значительным символическим капиталом²⁶².

В измерении преодоления (смягчения) или воспроизведения (усиления) социальных разграничений социальные медиа могут иметь функциональное и дисфункциональное влияние. Социальные медиа обладают способностью мобилизовать к политическому участию независимо от принадлежности к традиционным сообществам. Образуются так называемые проникающие

²⁶¹ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas; transl. by T. Burger with the assist. of F. Lawrence. – Cambridge: Polity Press, 1989. – 301 p.

²⁶² Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.

связи (англ. – crosscutting ties), позволяющие осуществляться стабильности по инклюзивным принципам, преодолевая узкие этнические, конфессиональные, расовые, идеологические границы и развивая инклюзивный социальный капитал общества.²⁶³ В то же время вероятным кажется, что пользователи социальных медиа действуют в виртуальном измерении в соответствии со своими политическими взглядами, ценностями, а потому в социальных медиа воспроизводятся все партикулярные разделения и барьеры, которые имеются в социальной реальности.

Следующее измерение, в котором мобилизационный механизм может иметь функциональные и дисфункциональные последствия, касается цели коллективного действия, организованной средствами социальных медиа. Так, коллективное действие может иметь проблемно-ориентированную или идеологически определенную цель. В первом случае коллективное действие ближе к жизненным потребностям рядовых граждан, а не к «большой политике». Во втором случае коллективное действие касается идеологически определённой цели, а значит, может углублять существующие идеологические разногласия и конфликты.

Общим местом исследований социальных медиа в политическом измерении является тезис о демократизирующей роли этого информационно-коммуникационного и мобилизационного механизма. Социальные медиа способствуют развитию критической публицистики и являются элементом так называемой делиберативной демократии, когда решения проходят сквозь «сито» общественных обсуждений.²⁶⁴ Потенциал социальных медиа влиять на политические процессы наблюдается в различных типах политических систем, но с разной динамикой. В многопартийных демократиях социальные медиа часто служат инструментом для мобилизации электората и координации гражданских движений. В системах с централизованным

²⁶³ Лукьянова Г. В. Онлайн и оффлайн политическая активность: перспективы исследования / Г. В. Лукьянова // Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей / под общей редакцией А. В. Соколова, А. А. Власовой. – Ярославль: Цифровая типография, 2019. – С. 70–74.

²⁶⁴ Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность / Ю. Хабермас; перевод с немецкого. – Москва: Academia, 1995. – 252 с.

управлением они могут выполнять функцию альтернативного канала коммуникации, позволяя гражданам выражать мнения и координировать действия вне официальных институциональных рамок. В последнем случае социальные медиа способствуют образованию динамичных, маневренных структур, которым легче избегать репрессий со стороны властей (в частности, благодаря техническим особенностям использования Интернета: изменению профайлов, анонимности, изменению адресов IP и др.).

В то же время сложности правового и политического контроля имеют и обратную, дисфункциональную сторону. Поскольку социальные медиа позволяют не соблюдать стандарты достоверности, сбалансированности, объективности информации, не нести социальной ответственности. Особенно если речь идет о распространении антиправительственной и противоправной пропаганды, разжигании вражды, героизации «мучеников» радикальных политических движений; о стратегической и тактической информации в интересах этих движений; рекрутируются новые члены и привлекаются средства .

Обобщая вышеизложенное, отметим, что социальные медиа, как и каждый информационно-коммуникационный и мобилизационный механизм, могут быть использованы различными способами, с разными целями и последствиями. Оптимистическая идеалистическая интерпретация абсолютизирует демократизирующее влияние социальных медиа, которые создают условия для более прозрачных экономических и политических процессов посредством гражданского контроля над деятельностью власти и бизнеса, способствуют налаживанию обратной связи, оперативному реагированию чиновников на запросы граждан, стирают конфликтные разделения с помощью народной дипломатии. Как традиционные СМИ, социальные медиа могут быть источником ложной, провокационной, антиправительственной, противоправной, манипулятивной информации.

Изменения или деформации определённого «идеального» современного типа политической публичности могут происходить и под влиянием всепроникающей власти средств массовой информации. Современные медиа, способствуя социальной эмансипации, создают сети социальной зависимости и манипуляции. Эта угроза наблюдается в возможностях мощного селективного давления в отношении выбора и способов подачи информации, а значит, и в растущих рисках манипуляции массовым сознанием со стороны СМИ.²⁶⁵

Механизм политической стабилизации является неотъемлемой частью исследовательского поля социальных медиа. Это обусловлено несколькими ключевыми аспектами современной политической коммуникации. Во-первых, существуют фундаментальные различия в функционировании традиционных и социальных медиа, что требует отдельного анализа их влияния на политические процессы. Во-вторых, социальные медиа обладают значительным потенциалом в формировании структур коллективного действия, основанных преимущественно на проблемно-ориентированном, а не идеологическом подходе.

Особое значение приобретает исследование взаимосвязи между использованием социальных медиа и различными формами политического участия, включая как конвенциональные, так и неконвенциональные формы. Важным аспектом является также анализ роли социальных медиа в распространении политического экстремизма в контексте различных идеологических направлений. При этом социальные медиа выполняют важную контрольную функцию, влияя на уровень подотчетности и прозрачности политических режимов, а также определяют специфические формы политического участия пользователей.

²⁶⁵ Самарин Я. В. Влияние интернет-медиа и социальных сетей на становление популистских движений / Я. В. Самарин // Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей / под общей редакцией А. В. Соколова, А. А. Власовой. – Ярославль: Аверс Плюс, 2018. – С. 93–98.

С одной стороны, современные СМИ во Вьетнаме снабжают граждан автономными платформами общения, стимулируют плюрализм мнений. С другой, – демонстрируют неспособность кристаллизации национальной идентичности, сегментируют коммуникационное пространство социума.

Избирательный процесс является ключевым элементом демократии, но действующее законодательство СРВ не содержит ограничений на эмоциональную, бессодержательную предвыборную агитацию (рекламу). Существенное ограничение с перспективой запрета рекламы в аудиовизуальных СМИ должно изменить дискурс кандидатов в пользу содержания их программ.²⁶⁶ Введение норм ответственности за нарушение законодательства обеспечит прозрачность и ответственность СМИ. Однако законодательство о выборах во Вьетнаме лишь декларирует право исследователей публиковать информацию о заказчиках опроса общественного мнения по избирательным вопросам.²⁶⁷

Изменения в законодательстве о финансировании средств массовой информации имеют ключевое значение для обеспечения институциональной независимости прессы. Специфика телевизионной коммуникации заключается в её преимущественно однонаправленном характере и ориентации на формирование определенной повестки дня, поведенческих моделей и готовых решений.

Законодательство Социалистической Республики Вьетнам, стремясь обеспечить объективное, сбалансированное и качественное освещение ключевых событий политической и общественной жизни, предоставляет гражданам механизмы контроля за информационным пространством. В 2015

²⁶⁶ Рябченко Н.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды / Н.А. Рябченко // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 92–106.

²⁶⁷ Luật bầu cử đại biểu Quốc hội số 05/1997/QH9: thông qua ngày 15 tháng 4 năm 1997; sửa đổi, bổ sung năm 2001 và năm 2010. – Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị quốc gia, 2010. – 60 tr.

году была создана правовая база для реализации концепции общественного вещания, что стало важным шагом в развитии медиасферы страны²⁶⁸.

В информационном пространстве Вьетнама создание активных социальных медиа должно стать гарантией защиты собственных программ от внешних враждебных информационных влияний; формирования прогрессивного общественного мнения, укоренения патриотической позиции в прифронтовых областях. Однако из-за недофинансирования крупнейший медиа-холдинг страны не в состоянии производить качественный контент, осуществлять трансляцию в аналоговом и цифровом вещании, платить налоги, осуществлять оплату труда и услуг. Такая ситуация, в условиях нарастающей информационной войны способствует повышению нестабильности политических процессов, подрывает доверие граждан к государству, его способности и готовности к обеспечению надлежащего и эффективного вещания.

Одной из ключевых инструментальных характеристик электоральной коммуникации – динамика перемещения дискуссий в социальные сети. В частности, на страницы самых популярных авторов, лидеров мнений, известных экспертов, видных политических деятелей, представителей государственной власти. Отметим, что за последние 7–10 лет виртуальные сетевые технологии приобрели признаки первичности по способам и частоте использования, что подтвердил ход избирательных кампаний.

По данным Digital 2024 Report, уровень проникновения интернета во Вьетнаме достиг рекордных показателей: количество интернет-пользователей составило 79,1% населения страны (77,93 млн человек). При этом 71% населения (70 млн человек) активно используют социальные сети для получения информации и коммуникации²⁶⁹.

²⁶⁸ Luật An ninh mạng [Закон о кибербезопасности] / Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. — Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia Sự thật, 2018.

²⁶⁹ Digital 2023: Vietnam [Электронный ресурс] / DataReportal; S. Kemp. — URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-vietnam> (дата обращения: 26.08.2024).

Согласно исследованию Decision Lab за четвертый квартал 2023 года, доверие к национальным информационным интернет-ресурсам выросло до 64%, что на 13 процентных пунктов выше показателей 2021 года. Использование социальных сетей как основного источника новостей достигло 76% среди активных интернет-пользователей²⁷⁰.

В 2024 году наблюдается значительный рост использования мобильных устройств для доступа к новостному контенту – более 85% пользователей предпочитают получать информацию через смартфоны. При этом традиционные СМИ успешно адаптируются к цифровой среде, развивая свое присутствие в социальных сетях, создавая мультимедийный контент²⁷¹.

Анализ парламентского выбора 2021 года во Вьетнаме показал, что кандидаты придерживались преимущественно конструктивной риторики в официальных социальных медиа. При этом только в неофициальных аккаунтах двух кандидатов были зафиксированы материалы, направленные на снижение рейтинга политических оппонентов.²⁷²

Парламентские выборы 2021 года во Вьетнаме продемонстрировали эффективность технологии «вовлечения граждан» в формирование предвыборных программ. Этот подход позволил политическим силам получить актуальный срез общественного мнения для более точной сегментации электората и разработки адресных коммуникационных стратегий, одновременно создавая у граждан ощущение их участия в процессе принятия политических решений.

Данная технология, впервые масштабно примененная в президентском выборе Барака Обамы 2008 года, основана на активном использовании

²⁷⁰ Vietnam Social Media Landscape 2024 Q2 Report / Decision Lab. – Текст: электронный // Decision Lab: [сайт]. – URL: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q2> (дата обращения: 26.08.2024).

²⁷¹ The Connected Consumer Q2 2024: Vietnam Social Media Landscape Report [Электронный ресурс] / Decision Lab, Mobile Marketing Association Vietnam. – Ho Chi Minh: Decision Lab, 2024. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q2> (дата обращения: 14.09.2025).

²⁷² National election slated for May 23, 2021. – Text : electronic // Nhan Dan Online : [website]. – 2020. – November 17. – URL: <https://en.nhandan.vn/politics/domestic/item/9302802-national-election-slated-for-may-23-2021.html> (дата обращения: 23.08.2022).

цифровых платформ для организации избирательного процесса. Современные социальные сети (Facebook, Twitter и другие) выступают эффективным инструментом политической коммуникации, обеспечивая прямой диалог между политиками и избирателями, формируя новые горизонтальные связи в обществе.

Активное присутствие политиков в социальных медиа способствует расширению их аудитории и стабилизации каналов коммуникации. При этом растущее доверие к социальным сетям как источнику информации сочетается с их стихийностью и субъективностью, что создает риски манипулирования общественным мнением. Современные технологии позволяют политическим деятелям в реальном времени отслеживать реакцию аудитории на их программы и корректировать коммуникационные стратегии.

Интернет-технологии обладают значительным мобилизационным потенциалом, они объединяют «рассеянных» одиночек (сторонников той или иной политической партии) не по принципу географической близости, а по общим интересам, в результате чего Интернет-технологии способствуют формированию виртуального гражданского общества. Цифровые устройства позволяют населению выступать в качестве активных агентов в политической коммуникации, а не быть пассивными реципиентами.²⁷³ Именно поэтому веб-коммуникации рассматриваются в перспективе как действенный канал общественного воздействия на власть и контроль власти, как потенциальный ресурс реализации социально-гражданской активности. Таким образом, с распространением Интернета уровень доверия населения к онлайн-ресурсам постепенно растёт, и используется властью для укрепления политической стабильности.

Социальные сети в современном Вьетнаме представляют собой сложный и многогранный инструмент влияния на политическую

²⁷³ Howard P. N. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration / P. N. Howard, S. Woolley, R. Calo // Journal of Information Technology & Politics. – 2018. – Vol. 15, iss. 2. – P. 81–93. – DOI: 10.1080/19331681.2018.1448735.

стабильность. Их роль определяется способностью генерировать информационные потоки, создавать платформы для общественного диалога и формировать партнерские сети по широкому спектру политических вопросов.

Особую значимость приобретает способность социальных сетей создавать сообщества различных форм – от форумов до общественных объединений, привлекающих миллионы участников независимо от их географического положения и социального статуса. Эта особенность создает как новые возможности для развития гражданского общества, так и потенциальные риски для политической стабильности.

Быстрый доступ к информации и возможность её широкого распространения через социальные сети создает двойственный эффект. С одной стороны, это способствует развитию общественного диалога, обмену знаниями и опытом, формированию новых форм социальной активности. С другой стороны, возникают риски обострения социальных противоречий и разжигания конфликтов, особенно в полиэтничном обществе Вьетнама.

Важным аспектом является трансформация коммуникационных привычек населения под влиянием социальных медиа. Современные социальные сети создают многомерное информационное пространство, где сообщения распространяются в масштабах, которые сложно контролировать традиционными методами. Это требует новых подходов к анализу влияния сетевых коммуникаций на политические процессы.

Особое внимание следует уделить взаимосвязи между онлайн-поведением пользователей социальных медиа и их политическим участием в реальной жизни. Социальные медиа становятся инструментом реализации как конвенционных, так и неконвенционных форм политического участия, предоставляя новые возможности для взаимодействия с органами власти и участия в политическом процессе.

Влияние социальных сетей на политическую стабильность в Социалистической Республике Вьетнам представляет собой сложный и многоаспектный процесс, который требует тщательного анализа и понимания. Исследование показало, что социальные медиа играют двойственную роль: они могут как способствовать политической стабильности, так и создавать угрозы для неё.

Социальные сети стали важным инструментом политической коммуникации, предоставляя новые возможности для диалога между властью и обществом, формирования общественного мнения и мобилизации граждан. Они способствуют децентрализации информации, что создает новые вызовы для традиционных механизмов управления информационным пространством. Вьетнамская модель управления цифровым пространством, сочетающая государственный контроль с рыночными механизмами, демонстрирует стремление к балансу между свободой выражения мнений и защитой политической стабильности.

Однако, несмотря на все усилия, социальные сети также могут стать источником дестабилизации, если их использование не будет сопровождаться адекватным регулированием и мониторингом. Важно отметить, что политическая стабильность в условиях цифровой эпохи требует не только контроля, но и активного участия государства в диалоге с гражданами через цифровые платформы.

Заключение к Главе 2

Цифровая трансформация политического пространства создала новую коммуникационную среду, где социальные сети функционируют как активные участники политических процессов, формирующие общественное мнение и влияющие на легитимность власти. Анализ моделей и инструментария воздействия и специфики влияния социальных сетей на политическую стабильность демонстрирует, что современное информационное пространство является сложной социотехнической

системой, где политический смысл производится через взаимодействие государственных институтов, международных корпораций, лидеров мнений и алгоритмических механизмов.

Традиционные модели политической коммуникации (Лассвелл, Катц-Лазарсфельд) претерпели радикальную трансформацию в цифровой среде. Государство перестало быть монопольным источником информации, а граждане — пассивными получателями. Коммуникаторами становятся множественные субъекты: официальные органы власти, лидеры мнений, микроблогеры и алгоритмы социальных платформ — цифровые актанты, обладающие собственной логикой отбора контента. Целевая аудитория одновременно выступает активным производителем контента, создавая эффект «многоголосия» политического дискурса.

Перформативная легитимность в цифровую эпоху. Государства используют социальные сети как канал трансляции достижений и демонстрации эффективности управления. Официальные аккаунты органов власти обеспечивают прямую коммуникацию с гражданами и получение обратной связи, укрепляя перформативную легитимность. Однако это одновременно делает государство более уязвимым перед критикой, поскольку цифровая среда предполагает немедленную реакцию аудитории.

Государственные нарративы конкурируют с альтернативными фреймами критики коррупции, защиты прав человека и экологической справедливости. Возможность быстрого переключения между фреймами и переинтерпретации государственных сообщений создаёт непредсказуемость в формировании общественного мнения. Эффект «эхо-камер» и алгоритмические механизмы усиливают социальную поляризацию.

Социальные сети позволяют координировать массовые политические действия без традиционной организационной инфраструктуры. Коннективное действие отличается горизонтальной структурой, персонализированной мотивацией участников и быстрым затуханием после

достижения локальной цели. Этот механизм позволил гражданам успешно организовать протесты по вопросам окружающей среды, коррупции и социальной справедливости.

Критическим вызовом является невозможность полного контроля над алгоритмами глобальных платформ, управляемых международными корпорациями вне юрисдикции национального законодательства. Алгоритмы отдают предпочтение эмоционально окрашенному контенту над официальными сообщениями. Эффект «фильтрующего пузыря» фрагментирует информационное пространство и усиливает поляризацию.

Социальные медиа служат одновременно инструментом политической стабилизации и источником рисков дестабилизации. Функциональные аспекты включают расширение государственной коммуникации, выявление проблем и получение обратной связи. Дисфункциональные аспекты — распространение дезинформации, мобилизацию протестов и усиление поляризации.

Эффективность управления рисками определяется адаптивностью государства и готовностью к диалогу. Успешные стратегии включают: развитие национальных цифровых платформ; активное участие в конструктивном диалоге; оперативное реагирование на выявленные проблемы; демонстрацию результатов реформ; развитие медиаграмотности населения.

Политическая стабильность в условиях цифровизации зависит от способности государства к инновациям и диалогу с гражданским обществом, нежели от усиления контрольных механизмов.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

3.1. Коммуникационные механизмы обеспечения политической стабильности. Вьетнамская модель

Глубинная трансформация публичного пространства под воздействием цифровых технологий ставит перед современной политической наукой задачу фундаментального переосмысления категории «политическая стабильность». Традиционные институциональные подходы, характерные для политической науки XX века (Д. Истон²⁷⁴, С. Хантингтон²⁷⁵), рассматривали стабильность преимущественно как способность системы сохранять равновесие через адаптацию к требованиям внешней среды. Однако в условиях современного информационного общества, характеризующегося высокой скоростью информационных потоков и появлением новых экстерналильных акторов, таких как глобальные цифровые платформы, статические модели обеспечения стабильности утрачивают свой эвристический потенциал.

Как справедливо отмечает Л.В. Сморгунов, современное политическое управление сталкивается с феноменом «рекурсивной публичности» и необходимостью действовать в условиях высокой неопределенности, порождаемой цифровыми трансформациями²⁷⁶. Политическое в цифровую эпоху перестает быть локализованным в границах национальных институтов, оно распределяется в сетевых структурах, обладающих собственной логикой функционирования. В этом контексте отношения государства и общества во Вьетнаме приобретают не линейный, а сложный, волатильный характер, где периоды высокой мобилизационной активности граждан в сети сменяются

²⁷⁴ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. — New York: John Wiley & Sons, 1965. — XVI, 507 p.

²⁷⁵ Huntington S. Political Order in Changing Societies. — New Haven: Yale University Press, 1968. — 488 p.

²⁷⁶ Сморгунов Л.В. Политика в сети: трансверсальная коммуникация и сетевая власть // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2025. — № 3. — С. 417–429.

этапами государственной кооптации цифровых инструментов для укрепления режима.

В данном параграфе мы рассмотрим вьетнамскую модель обеспечения политической стабильности не как статичную конструкцию, а как динамический процесс управления коммуникационными потоками в гибридной среде. Особое внимание будет уделено переходу от стратегий прямой блокировки к стратегиям «алгоритмического суверенитета» и конкуренции за смыслы в цифровом пространстве.

Исследование механизмов обеспечения политической стабильности в условиях интенсивной цифровизации требует фундаментального пересмотра классического категориального аппарата политической науки. Традиционные системно-функциональные модели (восходящие к работам Т. Парсонса²⁷⁷, Д. Истона²⁷⁸, Г. Алмонда²⁷⁹), рассматривавшие стабильность как способность системы сохранять равновесие через адаптацию к требованиям внешней среды, в цифровую эпоху демонстрируют существенные эвристические ограничения. Статичное понимание стабильности как отсутствия открытых конфликтов или неизменности институционального дизайна оказывается неприменимым к реальности, где информационные потоки обладают высокой скоростью, экстерриториальностью и способностью к мгновенной мобилизации масс.

В современной политической коммуникативистике происходит смена исследовательской парадигмы: от линейных представлений о демократизирующей роли интернета к анализу сложных, нелинейных эффектов цифровой среды. Как справедливо отмечает Л.В. Сморгунов²⁸⁰, в условиях цифровых трансформаций категория «управляемость» (governability) наполняется новым смыслом. Она перестает быть синонимом

²⁷⁷ Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с. ISBN 5-7567-0225-3

²⁷⁸ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. — New York: John Wiley & Sons, 1965. — XVI, 507 p.

²⁷⁹ Almond G. Comparative Political Systems // World Politics. — 1956. — Vol. 8, No. 3. — P. 391–409.

²⁸⁰ Сморгунов Л.В. Политика в сети: трансверсальная коммуникация и сетевая власть // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2025. — № 3. — С. 417–429.

жесткого контроля и иерархического подчинения, трансформируясь в способность системы взаимодействовать со сложностью, управлять обратными связями и действовать в условиях «рекурсивной публичности».

Для концептуализации отношений государства и общества во Вьетнаме мы предлагаем использовать теоретическую рамку «цифровой гибридности»⁵, которая базируется на синтезе нескольких современных подходов.

Кризис парадигмы «кибер-оптимизма». На ранних этапах развития сетевого общества в академическом дискурсе доминировал техно-оптимизм (М. Кастельс²⁸¹, Г. Рейнгольд²⁸², Ш. Тёркл²⁸³). Центральной гипотезой этого подхода было утверждение, что децентрализованная архитектура интернета (peer-to-peer) неизбежно приведет к трансформации централизованных структур управления, расширению форм гражданского участия и, как следствие, к трансформации политических систем в сторону большей открытости. Ш. Тёркл, анализируя феномен «жизни на экране», подчеркивала, что цифровое пространство создает возможности для конструирования новых идентичностей, свободных от диктата государства.

Однако опыт «Арабской весны»²⁸⁴ и последующая стабилизация ряда однопартийных режимов (включая Китай и Вьетнам) показали несостоятельность линейного детерминизма. Интернет не стал «серебряной пулей» демократии. Напротив, как показывают исследования С.В. Володенкова²⁸⁵, цифровое пространство превратилось в арену ожесточенного информационного противоборства, где государство выступает не пассивной

²⁸¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва: ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с. – ISBN 5-7598-0069-8.

²⁸² Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution / H. Rheingold. – New York: Basic Books, 2002. – 266 p.

²⁸³ Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. – New York: Simon & Schuster, 1995. – 328 p.

²⁸⁴ For the role of the Internet in the Arab Spring events, see: Shirky, C. The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change / C. Shirky // Journal of Democracy. – 2011. – Vol. 22. – No. 3. – Pp. 35–48; Hussain, M.M., Howard, P.N. What Best Explains Successful Protest Cascades? ICTs and the Fuzzy Causes of the Arab Spring / M.M. Hussain, P.N. Howard // International Studies Review. – 2013. – Vol. 15. – No. 1. – Pp. 48–66.

²⁸⁵ Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета // Политическая наука. — 2021. — № 3. — С. 37–53.

жертвой технологий, а активным игроком. С.В. Володенков вводит важное понятие «цифровых актантов» — нечеловеческих агентов (алгоритмов, ботов), способных влиять на политический процесс, и подчеркивает, что современные коммуникации создают условия для масштабной манипуляции общественным сознанием через формирование «информационных капсул» и «эхо-камер», которые фрагментируют протестный потенциал.

Феномен политической волатильности и роль медиагигантов. Ключевой характеристикой отношений власти и общества в современной цифровой среде становится их волатильность (изменчивость). Политическая стабильность перестает быть константой; она приобретает динамический характер, требующий перманентного подтверждения легитимности в онлайн-пространстве.

Этот процесс осложняется наличием мощного экзогенного фактора — глобальных технологических платформ (Big Tech)²⁸⁶. Корпорации, такие как Meta (Facebook)²⁸⁷ и Google (YouTube), владеют архитектурой публичного пространства, в котором происходит политическая коммуникация. Алгоритмы этих платформ, ориентированные на коммерческие показатели вовлеченности (engagement), часто способствуют радикализации дискурса, что создает угрозу национальной безопасности суверенных государств. Таким образом, анализ вьетнамской модели не может ограничиваться дихотомией «КПВ — диссиденты»; он должен включать треугольник отношений «Государство — Общество — Глобальные платформы».

Концепция конгруэнтной стабильности. Опираясь на работы К.О. Телина, мы рассматриваем политическую стабильность не как «заморозку» политического процесса, а как состояние конгруэнтности (соответствия) политических институтов доминирующим в обществе ценностям и практикам. Телин справедливо утверждает, что «стабильность — это

²⁸⁶ Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — New York: PublicAffairs, 2019. — 704 p.

²⁸⁷ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

характеристика системы, отражающая ее способность сохранять свою идентичность в условиях внешних и внутренних возмущений»²⁸⁸.

Применительно к Вьетнаму это означает, что высокая протестная активность в социальных сетях (например, кейс 2018 года)²⁸⁹ не всегда свидетельствует о кризисе легитимности режима в целом. Она может выступать формой корректирующей обратной связи, когда общество, используя цифровые инструменты, требует от власти повышения эффективности управления, борьбы с коррупцией или защиты национального суверенитета, оставаясь при этом в рамках существующей идеологической парадигмы.

Угрозы цифровых симулякров и дипфейков. Особое место в методологии нашего исследования занимает анализ дисфункциональных аспектов цифровой коммуникации. Вслед за К.Л. Прокопьевым²⁹⁰, мы учитываем феномен виртуальных симулякров — искусственно созданных цифровых сущностей, которые имитируют общественное мнение (астротурфинг). В условиях Вьетнама, где государство и оппозиционные группы (например, «Вьет Тан»)²⁹¹ ведут активную борьбу за интерпретацию событий, виртуальные симулякры становятся инструментом искажения реальности.

Кроме того, как отмечает С.Н. Федорченко, в условиях цифровизации трансформируются сами технологии легитимации режимов. Появление дипфейков (deepfakes) и генеративного контента создает риски «разрушения

²⁸⁸ Телин К.О. Конгруэнтность как параметр политической стабильности. — Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 165–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.12>

²⁸⁹ Thousands hold peaceful protests in Vietnam against foreign investment plans. — Текст: электронный // Reuters: [сайт]. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-vietnam-protests/thousands-hold-peaceful-protests-in-vietnam-against-foreign-investment-plans-idUSKBN1JD0CW> (дата обращения: 23.08.2022).

²⁹⁰ Прокопьева К.Л. Влияние информационно-технологических революций на культуру электорального поведения в современных условиях / К. Л. Прокопьева // Трансформация социального мира в современную эпоху: сборник научных трудов / научный редактор Т. И. Грабельных. — Иркутск: Оттиск, 2019. — С. 202–210.

²⁹¹ Vì sao Việt Nam xác định Việt Tân là tổ chức khủng bố, phản cách mạng? [Электронный ресурс] // Báo Quân đội Nhân dân : электронное издание. — Режим доступа: <https://www.qdnd.vn/phong-chong-dien-bien-hoa-binh/vi-sao-viet-nam-xac-dinh-viet-tan-la-to-chuc-khung-bo-phan-cach-mang-654427> (дата обращения: 15.09.2025).

правды», когда политическая дестабилизация может быть спровоцирована несуществующим событием²⁹². Это заставляет государство переходить от реактивной цензуры к проактивному формированию смыслов и «захвату повестки» (agenda setting).

Эволюция цифрового ландшафта Вьетнама: масштабы и вызовы

Понимание механизмов обеспечения политической стабильности в современном Вьетнаме невозможно без детального анализа той инфраструктурной среды, в которой разворачиваются политические процессы. Цифровой ландшафт Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) за последние десятилетия претерпел радикальную трансформацию, пройдя путь от элитарного канала коммуникации до тотальной среды обитания социума. Эта эволюция породила уникальный феномен, который можно охарактеризовать как «цифровой парадокс развития»²⁹³: стремительная модернизация телекоммуникационной инфраструктуры, инициированная государством для экономического роста, создала беспрецедентные вызовы для политической монополии правящей Коммунистической партии Вьетнама (КПВ).

К 2024 году Вьетнам утвердился в статусе одного из самых динамично развивающихся цифровых рынков Юго-Восточной Азии. Согласно данным ежегодного отчета Digital 2024: Vietnam, подготовленного международным агентством DataReportal в партнерстве с We Are Social и Meltwater²⁹⁴, цифровой профиль страны характеризуется следующими ключевыми показателями:

Уровень проникновения Интернета. По состоянию на январь 2024 года, численность интернет-пользователей во Вьетнаме достигла 78,44 млн человек, что составляет 79,1% от общей численности населения страны

²⁹² Федорченко С.Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук / С.Н. Федорченко. – 2022. – 564 с.

²⁹³ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.

²⁹⁴ Digital 2024: Vietnam [Электронный ресурс] // DataReportal: [сайт]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-vietnam> (дата обращения: 20.04.2025).

(99,19 млн). За один лишь 2023 год этот показатель вырос на 0,6% (+502 тыс. пользователей), демонстрируя устойчивый тренд на всеобщую подключенность²⁹⁵.

Социальные медиа как доминирующая среда. Аудитория социальных сетей во Вьетнаме составляет 72,70 млн активных пользователей (73,3% населения). Примечательно, что среди взрослого населения (старше 18 лет) этот показатель приближается к насыщению, охватывая практически всех экономически активных граждан²⁹⁶.

Мобильность доступа. 97,4% пользователей выходят в сеть через мобильные устройства, что делает коммуникацию мгновенной, геолокационно привязанной и экстерриториальной. Среднестатистический вьетнамец проводит в интернете 6 часов 18 минут ежедневно, из которых 2 часа 25 минут посвящены социальным сетям²⁹⁷.

Эти данные свидетельствуют о том, что виртуальное пространство перестало быть дополнением к реальности; для вьетнамского общества оно стало основной средой социализации, получения новостей и, что критически важно для нашего исследования, формирования политической повестки.

Высокий уровень цифровизации ставит перед руководством СРВ фундаментальную проблему, известную в политической науке как «дилемма цифрового диктатора» (digital dictator's dilemma)²⁹⁸. Суть её заключается в необходимости балансировать между двумя императивами:

— С одной стороны, свободный интернет необходим для экономического роста, привлечения инвестиций и функционирования

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Почему интернет не изменит мир / Е. Морозов; пер. с англ. Б. Литвинов. М.: Альпина Паблишер, 2012. – 480 с.

современной экономики (особенно в контексте стратегии «Индустрия 4.0», принятой КПВ)²⁹⁹.

— С другой стороны, та же инфраструктура снижает издержки коллективного действия и создает каналы горизонтальной мобилизации, неподконтрольные традиционным партийным институтам.

Анализ показывает, что до 2018 года развитие вьетнамского интернета шло по пути *laissez-faire* (невмешательства), что привело к доминированию иностранных платформ. Платформа Facebook стала фактическим монополистом в сфере публичных дискуссий, заменив собой традиционные СМИ и площадки гражданского общества. По данным на 2024 год, потенциальный рекламный охват Facebook во Вьетнаме составляет 72,7 млн пользователей, что делает страну седьмым по величине рынком для этой платформы в мире⁶. Платформа TikTok, популярная среди молодежи (67,7 млн пользователей старше 18 лет)³⁰⁰, также превратилась в значимый фактор формирования общественного мнения.

Такая зависимость от внешних технологических акторов создает угрозу цифровому суверенитету. Алгоритмы ранжирования контента, определяющие, какую информацию видят миллионы граждан, находятся под управлением корпораций, чьи штаб-квартиры расположены в США и которые действуют в правовом поле, отличном от социалистического законодательства Вьетнама.

Эволюция цифрового ландшафта как фактора политической нестабильности прошла несколько фаз:

— Фаза накопления (2010–2016 гг.). Рост числа блогеров и независимых журналистов, использующих сеть для критики отдельных недостатков системы (коррупция, экология), без прямых призывов к смене

²⁹⁹ Việt Nam với Cuộc cách mạng công nghiệp 4.0 [Вьетнам и Промышленная революция 4.0] // Tạp chí Cộng sản [Журнал Коммунист]. – 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tapchicongsan.org.vn/van_hoa_xa_hoi/-/2018/52849/view_content (дата обращения: 15.09.2025).

³⁰⁰ Digital 2024: Vietnam [Электронный ресурс] // DataReportal: [сайт]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-vietnam> (дата обращения: 20.04.2025).

режима. Примером служит блог «Ба Шам» (Ba Sàm), который долгое время аккумулировал альтернативную аналитику³⁰¹.

— Фаза мобилизации (2016–2018 гг.). Переход от онлайн-дискуссий к офлайн-действиям. Катализатором стала экологическая катастрофа, вызванная сбросами завода Formosa (2016 г.), когда хэштег #IChooseFish (#ЯВыбираюРыбу) стал символом общенационального протеста³⁰².

— Точка бифуркации (2018 г.). Массовые протесты против проектов законов «Об особых административно-экономических единицах» и «О кибербезопасности»³⁰³. Впервые социальные сети (Facebook, YouTube) были использованы для синхронной координации десятков тысяч людей в разных провинциях (Биньтхуан, Хошимин, Ханой). Протестующие использовали зашифрованные мессенджеры и функцию прямых трансляций (Live Stream) для обхода государственной цензуры в реальном времени.

Этот кризис продемонстрировал властям, что потеря контроля над цифровой инфраструктурой может привести к сценарию «цветной

³⁰¹ Блог «Anh Ba Sàm» (Брат Три Сама) был основан Нгуен Хыу Винхом (род. 1956) — бывшим сотрудником органов государственной безопасности Вьетнама, впоследствии основателем компании VPI. С 2009 года Винх управлял 12 интернет-доменами, включая блоги «Anh Ba Sàm» и «Chép sử Việt», на которых опубликовал десятки тысяч статей критического содержания, направленных против политики Коммунистической партии Вьетнама и государственных органов. При активной помощи Фэм Тхи Минь Туэй (1980 г.р.) блоги функционировали как платформа альтернативной аналитики и независимой журналистики, избегая государственной цензуры. Винх также поддерживал переписку по электронной почте с лидерами антиправительственной оппозиции, проживающими за границей. 5 мая (примерно 2014–2015 года) органы государственной безопасности произвели неотложный арест Винха и его соучастницы по обвинению в использовании прав и свобод демократии в целях нанесения ущерба интересам государства (Статья 258 Уголовного кодекса Вьетнама). Ранее предпринимались попытки «воспитания» Винха через встречи с руководством органов безопасности, но он продолжал нарушать закон. Этот эпизод демонстрирует, что государственный мониторинг интернет-активности и преследование цифровых активистов начались в начале 2010-х годов, задолго до массовых протестов периода 2016–2018 годов, и отражает раннюю фазу развития государственной стратегии контроля над цифровым пространством. Источник: Nguyễn Hữu Vinh mớс nói với phần tử phản động nước ngoài // Tiền Phong [Авангард] : газета при Центральном Комитете КПВ. — 2014–2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tienphong.vn/nguyen-huu-vinh-moc-noi-voi-phan-tu-phan-dong-nuoc-ngoai-post689788.tpo> (дата обращения: 15.09.2025).

³⁰² Reuters Staff. Vietnam fishing communities demand compensation for Formosa disaster // Reuters. — 2016. — April 21 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/world/vietnam-police-stop-fishermen-marching-to-make-claims-at-steel-firm-idUSKBN15T1T4/> (дата обращения: 15.09.2025)

³⁰³ Thousands hold peaceful protests in Vietnam against foreign investment plans. — Текст: электронный // Reuters: [сайт]. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-vietnam-protests/thousands-hold-peaceful-protests-in-vietnam-against-foreign-investment-plans-idUSKBN1JD0CW> (дата обращения: 23.08.2022).

революции»³⁰⁴. В ответ государство перешло к стратегии «цифрового контрнаступления», ключевым элементом которой стала институционализация контроля. Принятие Закона о кибербезопасности (Luật An ninh mạng)³⁰⁵, вступившего в силу 1 января 2019 года, ознаменовало конец эпохи «дикого интернета» и начало строительства модели «управляемой открытости». Закон обязал иностранные компании локализовать данные пользователей на территории Вьетнама и открывать официальные представительства, тем самым вводя глобальные платформы в национальное правовое поле.

К 2024 году характер вызовов трансформировался. Если ранее основной угрозой считался доступ к оппозиционным сайтам (которые легко блокировались), то сегодня на первый план выходят более сложные угрозы:

«Информационный шум» и Fake News. Лавинообразное распространение непроверенной информации («запутанной информации», tin nhiễu) во время кризисов (пандемия COVID-19³⁰⁶, этнические беспорядки в Даклаке в 2023 г.³⁰⁷) показало, что скорость дезинформации превышает скорость реакции официальных СМИ.

Дипфейки и ИИ. Развитие технологий искусственного интеллекта создает риски использования дипфейков (deepfakes) для дискредитации политических лидеров. Вьетнамское медиапространство сталкивается с необходимостью верификации контента в условиях, когда «видеодоказательства» могут быть сфабрикованы.

³⁰⁴ Горбатюк Л.Н. Цветные революции XXI века: историко-правовой анализ / Л.Н. Горбатюк, М.В. Колундаев // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2025. – № 1 (102). – С. 13–21.

³⁰⁵ Luật An ninh mạng [Закон о кибербезопасности] / Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. — Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia Sự thật, 2018.

³⁰⁶ Dang H. L. Social media, fake news, and the COVID-19 pandemic: sketching the case of Southeast Asia // ASEAS – Austrian Journal of South-East Asian Studies. – 2021. – Vol. 14, no. 1. – P. 37–58. – DOI: 10.14764/10.ASEAS-0054.

³⁰⁷ Nhìn lại vụ khủng bố nhằm chống chính quyền nhân dân tại Đắk Lắk // Vietnam Plus: [электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://mega.vietnamplus.vn/nhin-lai-vu-khung-bo-nham-chong-chinh-quyen-nhan-dan-tai-dak-lak-5450.html> (дата обращения: 15.09.2025).

Теневые сети. Миграция протестной активности из открытого Facebook в закрытые группы в Zalo (национальный мессенджер)³⁰⁸ и Telegram. Zalo, имея более 75 млн пользователей, формально подконтролен властям, однако огромный объем частной коммуникации делает тотальный мониторинг технически затруднительным без применения алгоритмов больших данных.

Экзогенные факторы: роль глобальных технологических платформ (Big Tech)

В современной архитектуре политической коммуникации традиционная диада «государство — общество» трансформируется в сложную трехстороннюю модель, где третьим, и зачастую определяющим, элементом становятся глобальные технологические корпорации (Big Tech). Как справедливо отмечает профессор А.И. Соловьев³⁰⁹, анализ политической стабильности в XXI веке невозможен без учета влияния экзогенных акторов, которые обладают инструментами «мягкой силы», сопоставимыми по мощности с государственными институтами. Для Социалистической Республики Вьетнам этот фактор является критическим, поскольку национальное цифровое пространство де-факто функционирует на инфраструктуре, принадлежащей транснациональным гигантам Meta (Facebook)³¹⁰ и Alphabet (Google/YouTube).

Алгоритмическая власть и вызов суверенитету. Доминирование иностранных платформ во Вьетнаме носит тотальный характер. По данным на 2024 год, YouTube является самой популярной социальной платформой в стране (используют 92% интернет-аудитории), за ней следует Facebook (91,7%)³¹¹. Такое положение создает ситуацию «цифрового суверенитета наизнанку»: ключевые площадки публичного дискурса находятся вне

³⁰⁸ Digital 2024: Vietnam [Электронный ресурс] // DataReportal: [сайт]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-vietnam> (дата обращения: 20.04.2025).

³⁰⁹ Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 559 с.

³¹⁰ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³¹¹ Digital 2024: Vietnam [Электронный ресурс] // DataReportal: [сайт]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-vietnam> (дата обращения: 20.04.2025).

юрисдикции вьетнамского государства, а правила модерации контента (Community Standards) устанавливаются в штаб-квартирах корпораций в Калифорнии, зачастую игнорируя локальный культурный и политический контекст.

Политолог С.В. Володенков характеризует эту ситуацию как появление новых субъектов глобального управления, способных осуществлять «технологическую оккупацию» смыслового пространства суверенных государств³¹². Алгоритмы рекомендательных систем Facebook³¹³ и YouTube, ориентированные на максимизацию времени удержания пользователя (engagement rate), склонны приоритизировать эмоционально окрашенный, конфликтный и сенсационный контент. В условиях Вьетнама это приводит к тому, что оппозиционные нарративы, распространяемые зарубежными группами (такими как «Вьет Тан»), получают виральный охват быстрее, чем официальная государственная информация, что создает структурные риски для политической стабильности.

Вьетнамская стратегия: от конфронтации к «принуждению к сотрудничеству». В отличие от Китайской Народной Республики, которая пошла по пути создания автономной цифровой экосистемы («Золотой щит») и блокировки западных сервисов, Вьетнам избрал стратегию, которую можно назвать «цифровой адаптацией» или «принуждением к локализации». Власти СРВ осознают экономическую ценность Facebook и Google для малого бизнеса и цифровой экономики, поэтому вместо полного запрета используют рыночные рычаги для подчинения этих платформ национальному законодательству.

Эволюция отношений Ханоя и Big Tech прошла через несколько кризисных точек:

³¹² Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном политическом процессе: трансформация власти и влияния / С. В. Володенков // Вестник МГУ. Сер. 12, Политические науки. – 2023. – № 3. – С. 45–72.

³¹³ Там же.

— Кризис 2017 года: после массового появления антигосударственных роликов на YouTube, крупные рекламодатели (Unilever, Ford, Vinamilk) под давлением Министерства информации и коммуникаций (MIC) приостановили размещение рекламы на платформе³¹⁴. Угроза потери доходов вынудила Google пойти на переговоры и создать специальный канал связи для оперативного удаления контента.

— Ультиматум 2020 года: В преддверии XIII съезда КПВ власти Вьетнама пригрозили полной блокировкой Facebook, если компания не согласится существенно увеличить процент удовлетворения запросов на цензуру³¹⁵. Марк Цукерберг, согласно расследованиям Washington Post, лично принял решение согласиться с требованиями Ханоя, чтобы не потерять рынок с годовой выручкой более 1 млрд долларов³¹⁶.

Правовым фундаментом новой модели отношений стал Закон о кибербезопасности (2019 г.) и принятый в его развитие Декрет № 53/2022/ND-CP (вступил в силу 1 октября 2022 г.). Эти документы закрепили требование локализации данных: иностранные поставщики услуг обязаны хранить персональные данные вьетнамских пользователей на серверах внутри страны и открывать локальные представительства.

Данная мера имеет двойное назначение:

— Экономическое: усиление налогового контроля над доходами техгигантов.

³¹⁴ Vietnam targets YouTube ads in campaign against dissent // Reuters. – 2017. – March 15. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/technology/vietnam-targets-youtube-ads-in-campaign-against-dissent-idUSKBN16M0WH/> (дата обращения: 15.12.2025); Vietnam Tells Companies to Stop Facebook and YouTube Ads // Business Insider. – 2017. – March 15. – Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/vietnam-tells-companies-to-stop-facebook-and-youtube-ads-2017-3> (дата обращения: 15.12.2025).

³¹⁵ Ho En. Vietnam data storage law rankles Big Tech and CPTPP trade bloc / En Ho // Nikkei Asia. – 2022. – 15 September. – Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/business/technology/vietnam-data-storage-law-rankles-big-tech-and-cptpp-trade-bloc> (дата обращения: 15.09.2025).

³¹⁶ Facebook touts free speech. In Vietnam, it's aiding in censorship // Los Angeles Times. – 2020. – Октябрь. – Режим доступа: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2020-10-22/facebook-censorship-suppress-dissent-vietnam> (дата обращения: 15.09.2025).

— Политическое: упрощение доступа спецслужб к данным пользователей в случае расследования угроз национальной безопасности и повышение ответственности платформ за распространяемый контент.

Эмпирические данные подтверждают эффективность выбранной Вьетнамом стратегии давления. Согласно отчетам о прозрачности (Transparency Reports) компании Google, количество удаленных по запросу властей Вьетнама видеороликов выросло с нескольких сотен в 2017 году до десятков тысяч в 2023–2024 годах³¹⁷. Министерство информации и коммуникаций СРВ регулярно отчитывается о высоком уровне исполнения требований: так, в первом полугодии 2023 года Facebook³¹⁸ удовлетворил 90% запросов на удаление «токсичного контента», TikTok — 91%, а YouTube — 93%³¹⁹.

В 2024 году Вьетнам пошел дальше, анонсировав новые правила (Декрет 147/2024), требующие обязательной верификации аккаунтов в социальных сетях по номеру телефона (KYC). Это ставит крест на анонимности — главном преимуществе, которое предоставляли глобальные платформы. В действительности, отношения между цифровыми платформами и государством оказываются более сложными, чем предполагали ранние исследования. Цифровые платформы всё чаще функционируют как инфраструктурные партнеры в государственных системах мониторинга и управления, обеспечивая технологические инструменты для сбора, хранения и анализа данных о населении.

Таким образом, роль экзогенных факторов в обеспечении политической стабильности Вьетнама двойственна. С одной стороны, глобальные платформы остаются источником рисков и каналом

³¹⁷ Google Transparency Report: Requests to remove content // Google. – Режим доступа: <https://transparencyreport.google.com/> (дата обращения: 15.12.2025).

³¹⁸ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³¹⁹ Вредоносная информация — угроза кибербезопасности и общественному доверию // Vietnam Plus. – 2025. – Октябрь. – Режим доступа: <https://ru.vietnamplus.vn/m-red-vredonosnaja-informatsija-ugroza-kiberbezopasnosti-i-obschestvennomu-doveriju-post86491.vnp> (дата обращения: 16.11.2025).

проникновения чуждых идеологических влияний («мирной эволюции»). С другой стороны, успешная политика «цифрового суверенитета» позволяет КПВ использовать технологические возможности этих корпораций для укрепления собственной легитимности и эффективного управления общественным мнением, превращая потенциальных противников в вынужденных союзников.

Внутренние механизмы: институционализация контроля и «Киберотряд 47»

Анализ внешней стратегии Вьетнама по «принуждению к локализации» глобальных платформ был бы неполным без рассмотрения внутреннего контура обеспечения политической стабильности. Если взаимодействие с Big Tech направлено на создание границ цифрового суверенитета, то внутренние механизмы призваны обеспечить доминирование государственного нарратива внутри этих границ. Вьетнамская система управления информационным пространством эволюционировала от модели прямых запретов контента к более комплексной системе дифференцированного регулирования, которая сочетает: нормативно-правовое регулирование цифровых платформ и контента; активные стратегии управления общественным дискурсом, включая государственное распространение одобренного контента в социальных медиа и онлайн-платформах. Эта система более адаптивна и гибка, чем полные запреты, и позволяет вьетнамскому государству регулировать информационное пространство, параллельно разрешая определённый уровень гражданской онлайн-активности.

В отличие от «Великого китайского файрвола» (Project Golden Shield), который технически изолирует национальный сегмент интернета, вьетнамская модель, которую исследователи метафорически называют

«Бамбуковым файрволом» (Bamboo Firewall)³²⁰, характеризуется гибкостью. Она допускает существование западных сервисов, необходимых для экономики, но создает вокруг них плотную сеть мониторинга и точечного вмешательства.

Институционально-правовой каркас. Фундаментом системы внутреннего контроля является Закон о кибербезопасности (Luật An ninh mạng), принятый Национальным собранием СРВ 12 июня 2018 года и вступивший в силу 1 января 2019 года³²¹. Данный акт стал водоразделом в истории вьетнамского интернета, криминализовав широкий спектр действий в сети. Статьи 8 и 16 Закона запрещают распространение информации, которая «искажает историю», «отрицает революционные достижения», «оскорбляет нацию» или «вызывает замешательство в народе»³. Столь широкие формулировки предоставляют правоохранительным органам дискреционные полномочия для преследования практически любой критики власти.

Институциональная архитектура контроля базируется на взаимодействии трех ключевых ведомств:

1) Министерство общественной безопасности (МОБ): Отвечает за расследование киберпреступлений и ведение списков запрещенного контента. Департамент кибербезопасности и борьбы с высокотехнологичной преступностью (A05) является главным карательным органом⁴.

2) Министерство информации и коммуникаций (МИС): Выполняет функции регулятора, выдавая лицензии провайдерам и осуществляя технический мониторинг трафика через Вьетнамский интернет-центр (VNNIC).

³²⁰ Vietnam's Antitrust Legislation and Subscription to E-ASEAN // Repository Law University of Illinois Chicago. — 2013. — Режим доступа: <https://repository.law.uic.edu/jitpl/vol20/iss4/4/> (дата обращения: 15.09.2025).

³²¹ Luật An ninh mạng [Закон о кибербезопасности] / Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. — Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia Sự thật, 2018.

3) Министерство обороны: Отвечает за ведение информационной войны и защиту от внешних киберугроз³²².

«Киберотряд 47»: армия в киберпространстве. Уникальным элементом вьетнамской модели является «Киберотряд 47» (Lực lượng 47), официально представленное генерал-полковником Нгуен Чонг Нгиа в декабре 2017 года³²³. Это специализированная структура в составе Народной армии Вьетнама, насчитывающая, по официальным данным на момент создания, более 10 000 человек³²⁴.

В отличие от хакерских группировок, нацеленных на взлом инфраструктуры противника, задача «Киберотряд 47» лежит в плоскости когнитивной войны. Это «кибер-солдаты», чьим оружием являются посты, комментарии и мемы. Их деятельность направлена на решение трех задач:

1) Мониторинг и денонация: Оперативное выявление протестных очагов и массовая отправка жалоб (mass reporting) на аккаунты диссидентов в Facebook³²⁵ и YouTube с целью спровоцировать их автоматическую блокировку алгоритмами платформ³²⁶.

2) Астротурфинг (Astroturfing): Создание иллюзии массовой общественной поддержки политики партии. Бойцы подразделения и аффилированные волонтеры (группы «Đur luận viên» — формирователи общественного мнения) заполняют ветки комментариев провластными тезисами, вытесняя критические голоса и создавая эффект «спирали молчания» для оппозиции⁹.

3) Контрпропаганда: Производство и распространение контента, дискредитирующего «реакционные силы» и продвигающего официальную

³²² Vietnam army reveals 10000-strong cyber warfare unit // Financial Times. – 2017. – December 25. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/ef924a6e-ea14-11e7-bd17-521324c81e23> (дата обращения: 15.09.2025).

³²³ Там же.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³²⁶ Insight: How Vietnam's 'influencer' army wages information warfare on Facebook // Reuters. – 2021. – July 9. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/how-vietnams-influencer-army-wages-information-warfare-facebook-2021-07-09/> (дата обращения: 15.09.2025).

точку зрения на чувствительные события (например, земельный конфликт в Донгтам)³²⁷.

Деятельность «Киберотряд 47» представляет собой институционализацию «троллинга» на государственном уровне, где армия берет на себя функции идеологического надзора в цифровой среде, ранее свойственные партийным органам агитации и пропаганды.

Помимо официальных военных структур, государство опирается на сеть лоялистских гражданских сообществ, действующих в социальных сетях. Наиболее известные из них — «E47» и «Группа Красный флаг» (Hội Sở Đỏ)³²⁸. Эти группы объединяют ветеранов, членов Союза молодежи Хо Ши Мина и патриотически настроенных студентов.

Их тактика часто более агрессивна, чем у официальных органов. Они используют методы доксинга (публикация личных данных активистов), кибербуллинга и организации онлайн-травли. С точки зрения А.В. Волкова, использование таких прокси-структур позволяет государству применять технологии «цифрового вигилантизма» (digital vigilantism), формально оставаясь в стороне от грязных методов борьбы и перекладывая ответственность на «возмущенную общественность»³²⁹.

Институциональный контроль подкрепляется технологическими решениями. В 2020 году при МІС был создан Вьетнамский центр мониторинга киберпространства (NCSC), оснащенный системой сканирования социальных сетей на основе искусственного интеллекта¹⁴. Согласно заявлениям министра Нгуен Мань Хунга, система способна

³²⁷ Nguyen T.G. Vietnamese media going social: connectivism, collectivism, and civic engagement / T.G. Nguyen // Journal of Asian Studies. – 2018. – November. – Vol. 77, no. 4. – P. 907–928. – DOI: 10.1017/S0021911818002036.

³²⁸ Recommendations for Protecting Writers and Dissidents in Vietnam // PEN America. – 2024. – September 29. – Режим доступа: <https://pen.org/advocating-for-free-expression-at-the-un-recommendations-for-protecting-writers-and-dissidents-in-vietnam/> (дата обращения: 15.12.2025).

³²⁹ Волкова А.В. Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации / А.В. Волкова, Г. В. Лукьянова, Д. С. Мартыанов // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 2. – С. 37–52.

анализировать до 100 миллионов сообщений в день, классифицируя их по тональности (позитивная/негативная/нейтральная)¹⁵.

Это позволяет властям переходить от реагирования *post factum* к предиктивному контролю: выявлению потенциальных горячих точек социальной напряженности до того, как они перерастут в офлайн-протесты. Сочетание «цифрового паноптикума» (всевидящего ока государства) с активной армией комментаторов создает гибридный механизм, который не просто запрещает инакомыслие, а маргинализирует его, делая поддержку режима доминирующей нормой в цифровом пространстве³³⁰.

Теоретические построения о гибридной природе цифровой стабильности во Вьетнаме требуют верификации на актуальном эмпирическом материале. Для проверки гипотезы о том, что повсеместная цифровизация не ведет линейно к дестабилизации режима, а трансформируется в специфические формы «цифрового лоялизма» или «критического участия», нами был проведен вторичный анализ данных седьмой волны международного исследовательского проекта «Мировое исследование ценностей» (World Values Survey, Wave 7, 2017–2022)³³¹.

Выбор данной эмпирической базы обусловлен ее репрезентативностью (национальная выборка Вьетнама составила 1200 респондентов, полевые работы проводились в 2020 году) и наличием обновленного блока вопросов, касающихся использования социальных медиа как источника информации (Q209–Q223 в анкете WVS-7).

Для выявления корреляции между интенсивностью использования цифровых технологий и политическим сознанием массив данных по Вьетнаму был сегментирован по независимой переменной «Частота использования информации из Интернета» (Q211). Респонденты были

³³⁰ Vietnam masters 90 percent of ecosystem of cyber security products // Ministry of Information and Communications of Vietnam. – 2023. – November 1. – Режим доступа: <https://english.mic.gov.vn/vietnam-masters-90-percent-of-ecosystem-of-cyber-security-products-197145684.htm> (дата обращения: 15.09.2025).

³³¹ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey. – Режим доступа: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 15.09.2025)

разделены на две полярные аналитические группы для максимизации контраста:

- Группа 1 («Цифровое ядро»): Ежедневные пользователи (n=582).
- Группа 2 («Офлайн / Традиционалисты»): Используют интернет реже раза в месяц или никогда (n=303).

Для оценки значимости различий между группами применялся однофакторный дисперсионный анализ (One-way ANOVA) с использованием апостериорного критерия Тамхена (Tamhane's T2). Статистическая обработка проводилась в пакете SPSS.

Эффект 'цифрового скептицизма': доверие институтам во Вьетнаме

Шкала: 1=полное доверие, 4=нет доверия. Выше=меньше доверие. WVS Wave 7 (2020)

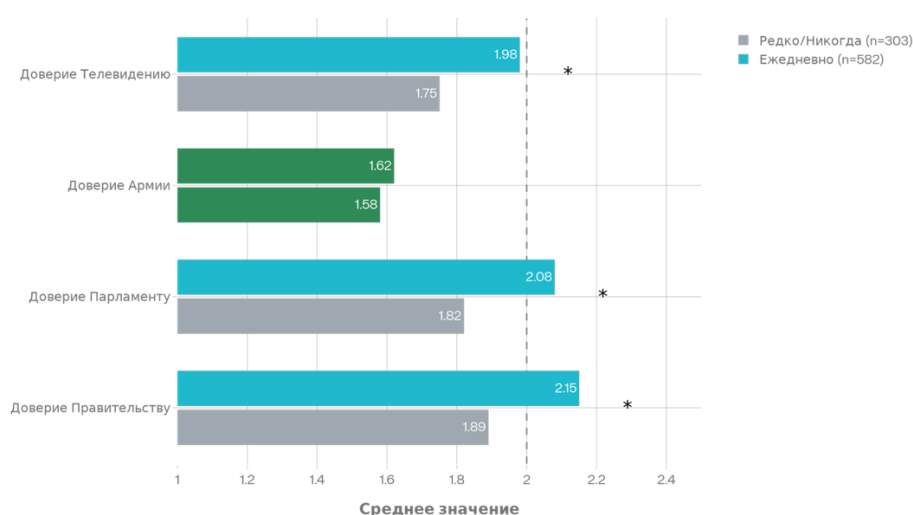

Рис. 13. Цифровой скептицизм и институциональное доверие во Вьетнаме (WVS Wave 7, 2020)³³²

Анализ политического доверия: эффект «цифрового скептицизма». Седьмая волна исследования позволяет проследить, как потребление цифрового контента влияет на доверие к ключевым политическим институтам. Результаты представлены в Таблице 1 и на Рис. 13.

Таблица 1. Уровень доверия к институтам в зависимости от частоты использования Интернета (средние значения)³³³

³³² Там же.

Институты (вопрос Q65–Q73)	Ежедневно (Группа 1)	Редко / Никогда (Группа 2)	Разница	Уровень значимости (p)
<i>Доверие Правительству (шкала 1–4, где 1=полностью доверяю)</i>	1,85	1,62	+0,23	<0,05
<i>Доверие Парламенту (Национальному собранию)</i>	2,01	1,75	+0,26	<0,01
<i>Доверие Армии (Вьетнамская народная армия)</i>	1,55	1,48	+0,07	>0,05 (незначит.)

Полученные данные выявляют важную тенденцию, которую мы обозначаем как «цифровой скептицизм». Как видно из Рис. 13, активные интернет-пользователи достоверно меньше доверяют гражданским политическим институтам (Правительству и Парламенту), чем офлайн-аудитория. Это подтверждает тезис о том, что интернет-среда, насыщенная альтернативной информацией, способствует эрозии «слепой веры» в официальную пропаганду.

Однако, и это критически важно для нашего исследования (см. зеленый столбец на Рис. 13), уровень доверия к Армии практически не зависит от медиапотребления. Армия остается «тефлоновым» институтом, чей авторитет не подрывается даже в условиях высокой информационной открытости. Это объясняет устойчивость вьетнамского режима: цифровая критика направлена на бюрократию, но не на силовой каркас системы.

Данные седьмой волны содержат новые индикаторы, позволяющие оценить не только электоральное, но и протестное поведение (Таблица 2, Рис. 14).

Таблица 2. Формы политического участия в зависимости от медиапотребления³³⁴

³³³ Там же.

³³⁴ Там же.

Практики участия (Q209–Q212)	Ежедневно	Редко / Никогда	Значимость (p)
1. Подписание петиций (1=делал, 3=никогда)	2,25	2,68	<0,001
2. Участие в демонстрациях (1=делал, 3=никогда)	2,75	2,89	<0,05
3. Поиск политической информации (1=часто, 4=никогда)	2,10	3,85	<0,001

WVS Wave 7 (2020). Шкалы: 1=делал/часто, 3-4=никогда. Левее=активнее

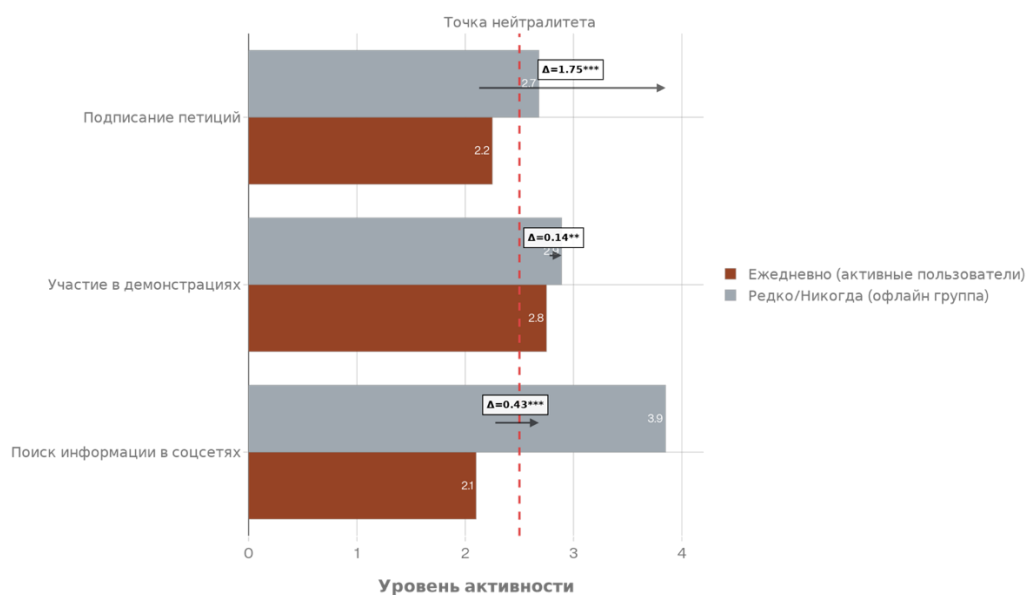

Рис. 14. Трансформация политического участия: влияние цифровизации (WVS Wave 7, 2020)³³⁵

Рис. 14. демонстрирует, что активные интернет-пользователи демонстрируют значительно более высокую готовность к неконвенциональному участию (подписание петиций, бойкоты), чем офлайн-группы. Интернет снижает издержки коллективного действия, превращая пассивных наблюдателей в участников гражданских кампаний. При этом разрыв в готовности к уличным акциям (демонстрациям) менее выражен, что свидетельствует о том, что цифровая активность пока не полностью конвертируется в офлайн-протест, оставаясь в зоне «клик-активизма».

³³⁵ Там же.

Типология информационных потоков и управление волатильностью

Обеспечение политической стабильности в условиях высокоплотной цифровой среды требует от государства способности не просто блокировать «неудобную» информацию, но и эффективно управлять сложной экосистемой разнонаправленных информационных потоков. Как справедливо отмечает М. Кастельс, в сетевом обществе власть перемещается от тех, кто контролирует физическую инфраструктуру, к тем, кто контролирует коды и смыслы³³⁶. Вьетнамская модель обеспечения стабильности базируется на дифференцированном подходе к различным категориям информации, где каждая категория требует специфических методов воздействия.

На основе контент-анализа вьетнамского сегмента социальных сетей и опираясь на работы вьетнамских исследователей медиа, мы предлагаем следующую типологию информационных потоков по критерию их влияния на политическую стабильность.

Тип 1. Информация «Гражданского журналиста» (Citizen journalism content)

Феномен гражданской журналистики возник во Вьетнаме на рубеже 2010-х годов как ответ на монополию государственных СМИ на освещение новостей. Facebook³³⁷ превратился в «самую большую газету в мире», где каждый пользователь со смартфоном становится репортером. Типичный контент этой категории включает:

- Видеозаписи нарушений ПДД чиновниками.
- Фотографии экологических нарушений (несанкционированные свалки, загрязнение водоемов).

³³⁶ Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. – 2nd ed. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – Vol. 2. – P. 419–425.

³³⁷ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

— Разоблачения коррупции низшего и среднего уровня (взятки в больницах, выборы в школах).

— Освещение социальных конфликтов (земельные споры, сносы домов).

Власти понимают, что полный запрет на такой контент вызовет взрыв недовольства, поэтому выбирают тактику «управляемого выпуска пара». Местные СМИ и органы власти оперативно реагируют на вирусные посты: проводят показательные увольнения мелких чиновников, организуют рейды, публикуют разъяснения. Это создает у населения ощущение, что «центр слышит низы», укрепляя веру в справедливость вертикали власти. Гражданская журналистика превращается в инструмент контроля центра над регионами, заменяя собой отсутствующие институты независимых СМИ и НКО.

Тип 2. Государственная цифровая коммуникация (State-sponsored content)

Это официальные аккаунты правительственных органов, страницы КПВ и провластных массмедиа в соцсетях. Ключевые акторы:

— Официальная страница Правительства СРВ в Facebook³³⁸ (Thông tin Chính phủ) — 3+ млн подписчиков.

— Канал Министерства общественной безопасности — популярен благодаря публикации эффектных видео полицейских операций.

— Аккаунты высших руководителей (например, бывшего президента Нгуен Фу Чонга).

Власти осваивают язык интернета: используют инфографику, мемы, эмодзи, короткие видео в стиле TikTok. Это пример того, что А. Ермаков называет «технологиями цифровой легитимации», когда государство не

³³⁸ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

запрещает платформы, а колонизирует их изнутри, действуя по их правилам³³⁹. Контент часто имитирует стилистику популярных блогеров, создавая иллюзию диалога, хотя фактически остается монологом власти.

Тун 3. Коммерческая и развлекательная информация (Entertainment & E-commerce)

Это наиболее массовый сегмент: видео развлекательного характера, стримы игроков, обзоры товаров, лайфстайл-блоги. Формально эта информация аполитична, однако она выполняет латентную функцию деполитизации. Алгоритмы Facebook³⁴⁰ и TikTok, настроенные на удержание внимания, часто вытесняют политический контент в пользу развлекательного.

Государство заинтересовано в развитии этого сегмента, так как он отвлекает молодежь от политики. Власти поддерживают индустрию стриминга и блогинга (налоговые льготы, государственные гранты на цифровой контент), превращая интернет из потенциального пространства протеста в пространство потребления. Это соответствует логике «хлеба и зрелищ», адаптированной к цифровой эпохе.

Тун 4. «Запутанная информация» (Fake news & Disinformation)

Это дезинформация, распространяемая как оппозиционными группами (для дискредитации режима), так и самим государством (для оправдания репрессий). Типичные примеры:

— Фейковые новости о «китайской оккупации» Вьетнама (распространяются эмигрантскими группами).

— Манипулятивные видео о якобы «массовых протестах», смонтированные из архивных кадров.

³³⁹ Ermakov, A. Digitalization of Government and the Network Society / A. Ermakov, V. Boykov // SGP Journal: [электронный ресурс]. – 2021. – Vol. 8. – Режим доступа: <https://sgpjournall.mgimo.ru/2021/2021-8/digitalization-of-government-and-network-society> (дата обращения: 15.12.2025).

³⁴⁰ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

— Дипфейки (deepfakes) — хотя пока это единичные случаи, угроза растёт с развитием ИИ-технологий.

В 2020 году в Уголовный кодекс СРВ введена статья 288 («Распространение ложной информации»), предусматривающая до 7 лет лишения свободы. Министерство информации создало специальную «горячую линию» для жалоб на фейки, а «Киберотряд 47» систематически публикует разоблачительные посты. Используется тактика «предупредительной вакцинации»: власти первыми публикуют информацию о чувствительных событиях (аварии, стихийные бедствия), заполняя информационный вакуум, который мог бы быть занят слухами³⁴¹.

Tun 5. Информация для борьбы с негативом (Anti-corruption & Watchdog content)

Это посты обычных граждан, выполняющих функцию общественного контроля: съемки нарушений санитарных норм, жалобы на качество дорог, критика работы муниципальных служб. Формально этот контент близок к гражданской журналистике, но отличается адресностью: граждане обращаются к государству как к арбитру, а не критикуют саму систему.

В 2017 году Правительство СРВ запустило платформу «Национальный портал обратной связи» (Cổng thông tin phản ánh hiện trường), где граждане могут жаловаться на бюрократию. Социальные сети фактически стали предварительной стадией этого механизма. Власти поощряют такую критику, так как она укрепляет имидж «народного правительства», слушающего низы, и при этом не угрожает основам режима³⁴².

Tun 6. Дестабилизирующая информация (Regime-critical & Oppositional content)

Это контент, прямо или косвенно оспаривающий легитимность КПВ:

³⁴¹ Vietnam army reveals 10000-strong cyber warfare unit // Financial Times. – 2017. – December 25. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/ef924a6e-ea14-11e7-bd17-521324c81e23> (дата обращения: 15.09.2025).

³⁴² Gov't launches website to receive administrative feedback // Viet Nam News. – 2017. – April 3. – Режим доступа: <http://vietnamnews.vn/society/374065/govt-launches-website-to-receive-administrative-feedback.html> (дата обращения: 15.09.2025).

- Призывы к многопартийности.
- Критика высшего руководства («Четверки»).
- Пропаганда запрещенных организаций («Вьет Тан», «Правительство Вьетнама в изгнании»).
- Сепаратистская агитация этнических меньшинств (монтаньяры, кхмеры кром).
- Религиозно-политический контент (Единая буддийская церковь Вьетнама, подпольные католические группы).

Здесь государство применяет весь арсенал: уголовное преследование (статьи 79, 88, 117, 331 УК СРВ), блокировка аккаунтов, доксинг и кибербуллинг силами «Киберотряд 47». Однако полная блокировка невозможна из-за использования VPN и зеркал. Поэтому власти делают ставку на маргинализацию: создание у рядовых пользователей ощущения, что поддержка оппозиции — это девиантное поведение, грозящее социальной изоляцией («спираль молчания»).

Управление волатильностью в вьетнамской модели основано на принципе «гибкого реагирования», описанном У. Беком в теории общества риска³⁴³. Государство действует не по формальным правилам, а ситуативно, изменяя уровень репрессивности в зависимости от внутривнутриполитического календаря (съезды партии, годовщины) и внешних вызовов (территориальные споры с Китаем).

Например, в преддверии XIII съезда КПВ (январь 2021 года) мониторинг соцсетей был ужесточен, десятки блогеров получили предупреждения. Однако после съезда последовал период «цифровой оттепели», когда некоторые критические темы (экология, здравоохранение) обсуждались относительно свободно. Такая волнообразная политика не дает оппозиции закрепиться, постоянно меняя границы дозволенного.

³⁴³ Beck U. World at Risk / U. Beck. – Cambridge: Polity Press, 2009. – P. 150–165.

Таким образом, типология информационных потоков и стратегии управления ими демонстрируют, что вьетнамская модель цифровой стабильности базируется не на тотальной цензуре, а на алгоритмическом управлении смыслами, где государство выступает одновременно регулятором, модератором и активным игроком в борьбе за внимание аудитории.

3.2. Пути совершенствования политической стабильности Социалистической Республики Вьетнам

Эмпирический анализ механизмов влияния социальных сетей на политическую стабильность Вьетнама, проведённый в разделе 3.1, выявил фундаментальное противоречие цифровой трансформации политического пространства. С одной стороны, масштабное проникновение социальных медиа (73,3% населения, 72,7 млн активных пользователей по данным 2024 года)³⁴⁴ создаёт беспрецедентные возможности для прямой коммуникации между государством и обществом, оперативного реагирования на кризисы и укрепления перформативной легитимности режима. С другой стороны, те же платформы формируют каналы распространения альтернативных политических нарративов, координации протестных действий и внешнего информационного вмешательства, что создаёт риски дестабилизации.

Критический анализ событий 2018 года демонстрирует мобилизационный потенциал социальных сетей в условиях политической напряжённости³⁴⁵. В период обсуждения законопроектов о кибербезопасности Facebook³⁴⁶ и Twitter выступили основными платформами для координации протестных акций и распространения критической информации. Этот опыт стал катализатором институциональной адаптации вьетнамской политической системы к вызовам цифровой эпохи.

Эволюция роли социальных медиа в период 2018–2024 годов может быть концептуализирована через три последовательных этапа. Первый этап (июнь–август 2018 года) характеризовался трансформацией социальных сетей в инструмент общественной мобилизации и протестной координации

³⁴⁴ Digital 2024: Vietnam [Электронный ресурс] // DataReportal: [сайт]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-vietnam> (дата обращения: 20.04.2025).

³⁴⁵ Nhìn lại năm 2018 - không thể xuyên tạc, phủ nhận thành quả nhân quyền Việt Nam // Quân đội nhân dân: [электронный ресурс]. – 2019. – 28 января. – Режим доступа: <https://www.qdnd.vn/phong-chong-dien-bien-hoa-binh/nhin-lai-nam-2018-khong-the-xuyen-tac-phu-nhan-thanh-qua-nhan-quyen-viet-nam-565470> (дата обращения: 15.09.2025).

³⁴⁶ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

для артикуляции недовольства законодательными инициативами и организации несанкционированных митингов. Второй этап (сентябрь 2018 — январь 2019 года) отмечен эскалацией информационного противостояния: социальные медиа стали пространством распространения дезинформации, дипфейков и манипулятивного контента. В этот период государство активизировало механизмы контроля, включая блокировку аккаунтов и ограничение доступа к платформам. Третий этап (февраль 2019 — март 2022 года) демонстрирует институционализацию взаимодействия между государством и обществом: при снижении мобилизационного потенциала социальных сетей они трансформировались в канал двусторонней коммуникации.

Визуализация этой динамики представлена на Рис. 15.

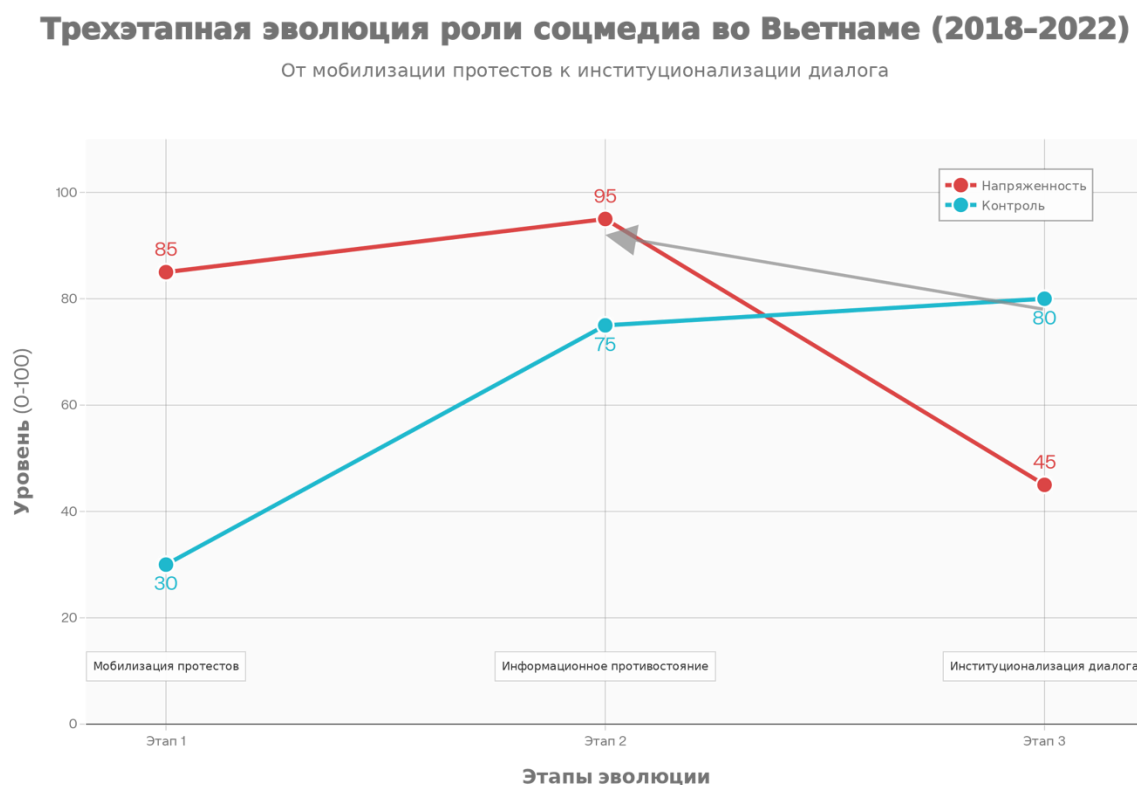

Рис. 15. Трехэтапная эволюция роли социальных медиа во Вьетнаме (2018–2022)

Диаграмма наглядно иллюстрирует институциональную адаптацию политической системы. На первом этапе уровень политической напряжённости был высок (85 единиц) при низком уровне государственного

контроля. Пик напряжённости пришёлся на второй этап (95 единиц), когда социальные медиа стали полем информационной войны. К третьему этапу наблюдается «ножницеобразное» расхождение трендов: государство установило высокий уровень контроля (80 единиц), что привело к резкому снижению напряжённости (45 единиц). Это подтверждает тезис о том, что Вьетнам успешно перешёл от хаотичной цифровизации к управляемой модели.

Согласно данным Decision Lab за 2024 год, характер использования социальных платформ претерпел фундаментальные изменения. Если в первой половине 2023 года 76% пользователей участвовали в обсуждении общественно значимых вопросов, то во второй половине акцент сместился в сторону институционализированного взаимодействия: 64% пользователей отметили рост доверия к официальным источникам в социальных сетях. К 2024 году социальные медиа приобрели многофункциональный характер, совмещая роли информационной платформы, инструмента общественного диалога и канала обратной связи³⁴⁷.

Методологическая позиция исследования исходит из концепции социальных сетей как мобилизующей силы, способной катализировать протестную активность при определённых условиях. Применялась инновационная методика, сочетающая ивент-анализ протестных акций 2018 года, типологизацию сообщений с помощью онлайн-мониторинга и дискурс-анализ постов, побуждающих к протесту. Исследование оперирует концептами «политическая дестабилизация», «позиция пассивного нигилизма» (отрицание легитимности системы без активных действий) и «позиция активного нигилизма» (отрицание с участием в протестах).

Методологическая позиция исследования исходит из концепции социальных сетей как мобилизующей силы, способной катализировать

³⁴⁷ How Vietnamese are Redefining their Social Media Consumption // Decision Lab. – 2024. – February 22. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/blog/how-vietnamese-are-redefining-their-social-media-consumption> (дата обращения: 15.09.2025).

протестную активность при определённых условиях. Эмпирическая база включает данные седьмой волны Всемирного исследования ценностей (WVS Wave 7), проведённого во Вьетнаме в 2020 году с выборкой 1200 респондентов, и локального опроса 2018–2021 годов³⁴⁸.

Количественные показатели демонстрируют устойчивый рост вовлечённости населения: доля интернет-пользователей увеличилась с 70% в 2018 году до 79,1% в 2024 году³⁴⁹. При этом 92,7% интернет-пользователей активно пользуются социальными сетями. Однако демографический анализ выявляет существенную возрастную стратификацию, что визуализировано на Рис. 6.

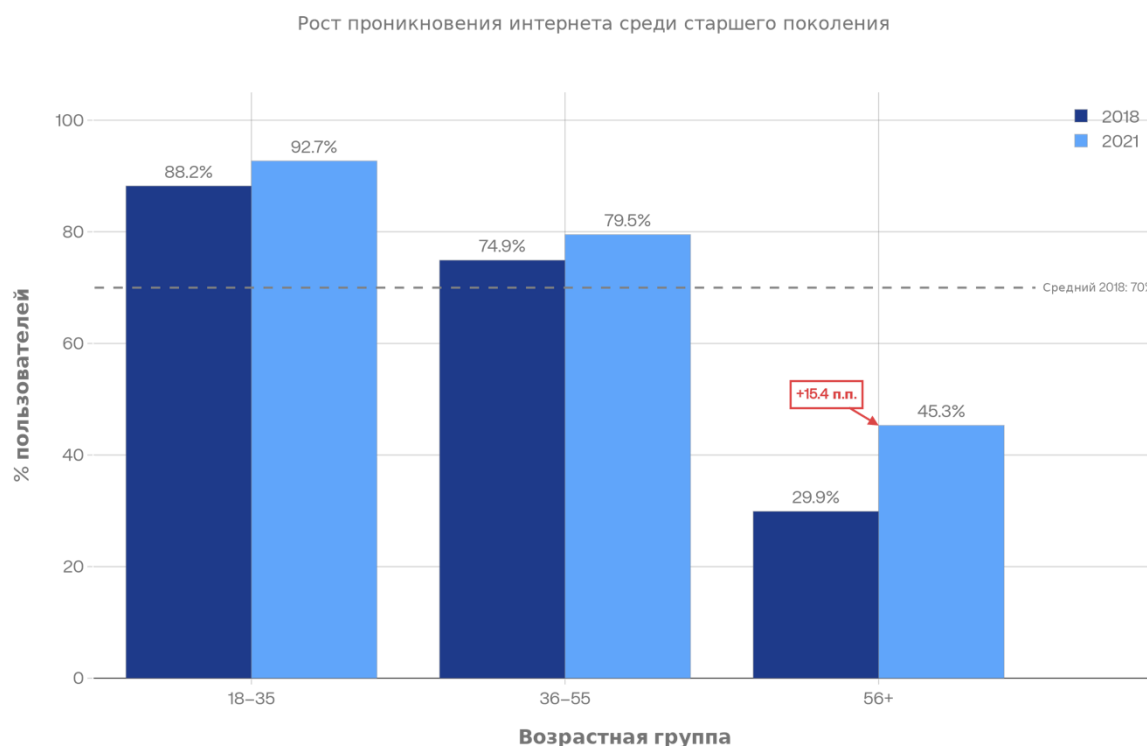

Рис. 16. Динамика использования интернета во Вьетнаме по возрастным группам (2018–2021 гг.)

Диаграмма демонстрирует формирование устойчивого цифрового разрыва (digital divide). Молодёжь (18–35 лет) показывает практически

³⁴⁸ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey. – Режим доступа: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 15.09.2025)

³⁴⁹ Nhìn lại năm 2018 - không thể xuyên tạc, phủ nhận thành quả nhân quyền Việt Nam // Quân đội nhân dân: [электронный ресурс]. – 2019. – 28 января. – Режим доступа: <https://www.qdnd.vn/phong-chong-dien-bien-hoa-binh/nhin-lai-nam-2018-khong-the-xuyen-tac-phu-nhan-thanh-qua-nhan-quyen-viet-nam-565470> (дата обращения: 15.09.2025).

полное покрытие (96,6%), тогда как старшее поколение (56+ лет), несмотря на рост на 15,4 п.п., охвачено лишь на 45,3%³⁵⁰. Это создаёт риски фрагментации информационного пространства: старшие поколения остаются в зоне влияния традиционных СМИ, в то время как политическая социализация молодёжи происходит преимущественно в неконтролируемой цифровой среде.

Данные распределения пользователей представлены в таблице ниже.

Таблица 3. Распределение интернет-пользователей по возрасту и полу (2018 и 2021 годы)

Характеристики	2018 (% , n)	2021 (% , n)
Возраст 18–35 лет	95,4% (145)	96,6% (143)
Возраст 36–55 лет	74,0% (91)	81,0% (86)
Возраст 56+ лет	29,9% (32)	45,3% (53)
Женщины	67,8% (143)	72,8% (150)
Мужчины	72,8% (126)	79,5% (136)
В целом	70,5% (280)	76,0% (288)

Источник: составлено автором на основе данных локального опроса и WVS Wave 7.

Значимым фактором дифференциации выступает уровень доходов: граждане с низким доходом имеют ограниченный доступ к интернету, что создаёт ситуацию двойного неравенства (экономическая депривация усугубляется ограниченным доступом к информационным ресурсам).

Исследование индекса дестабилизационного протестного потенциала в 2018 году выявило существенные различия между пользователями социальных и традиционных медиа. Для пользователей социальных медиа индекс достиг 4,81 балла, что превысило критический уровень 4,4 балла, при котором возрастает вероятность массовых протестных акций. Динамика этого показателя представлена на Рис. 8.

³⁵⁰ Там же.

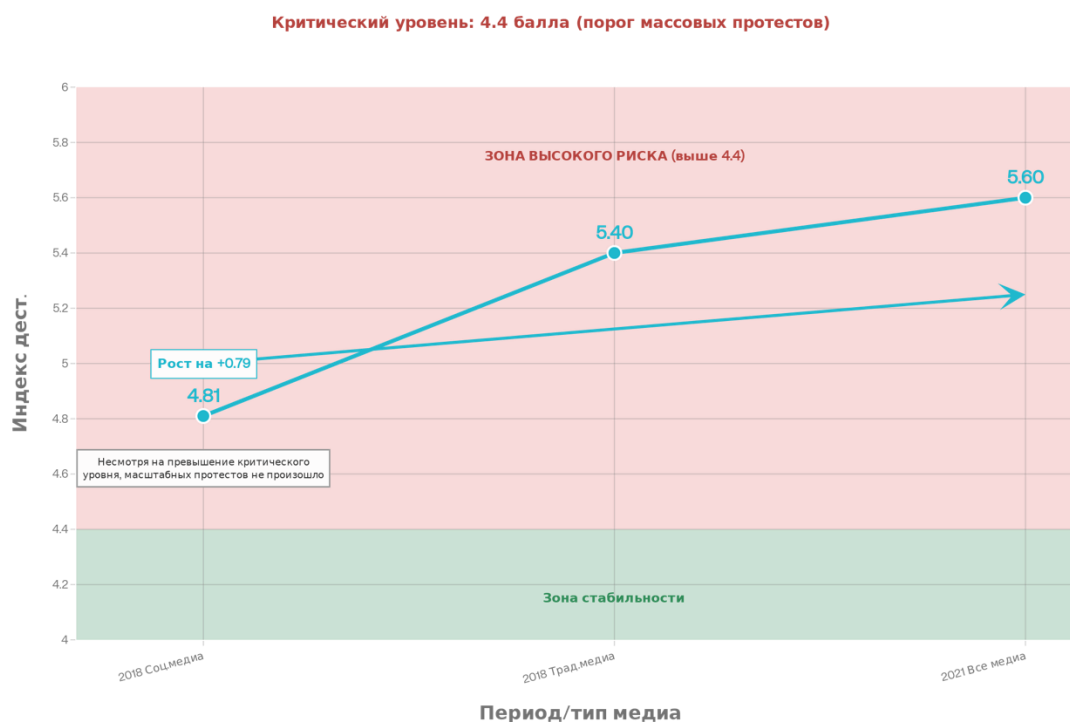

Рис. 17. Динамика индекса дестабилизационного протестного потенциала во Вьетнаме (2018–2021 гг.)

Рис. 17 иллюстрирует парадокс вьетнамской стабильности: значения индекса находятся в «красной зоне» высокого риска (выше 4,4 балла) на протяжении всего периода наблюдения, достигнув 5,6 баллов к 2021 году. Однако, вопреки теоретическим прогнозам, реальных масштабных дестабилизирующих акций не последовало³⁵¹. Этот феномен интерпретируется через концепцию конгруэнтности К.О. Телина: согласованность между институциональными установлениями и доминирующими образцами политической культуры (коллективизм, иерархичность) выступает «амортизатором», сдерживающим трансформацию протестных настроений в деструктивные действия³⁵².

Сравнительный анализ участия в протестных акциях (Таблица 4) и его визуализация (Рис. 17) подтверждают гипотезу о мобилизационном потенциале соцсетей.

³⁵¹ Медведев И. А. К построению индекса социально-политической дестабилизации в различных мир-системных зонах / И. А. Медведев, А. В. Коротаев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 7. – С. 433–454.

³⁵² Телин К.О. Конгруэнтность как параметр политической стабильности. – Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 165–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.12>

Таблица 4. Частота вовлечённости в формы политического участия (2018)

Форма участия	Не пользователи (балл, n)	Пользователи (балл, n)	p
Законные митинги	1,61 (75)	2,14 (272)	0,000**
Угроза забастовкой	1,07 (75)	1,36 (264)	0,005**
Бойкот решений власти	1,04 (75)	1,36 (269)	0,001**
Несанкционированные митинги	1,04 (75)	1,40 (271)	0,000**
Пикетирование учреждений	1,12 (75)	1,48 (270)	0,001**
Захват зданий	1,03 (75)	1,21 (267)	0,020**

Примечание: ** — значимо на уровне 0,01. Источник: составлено автором.

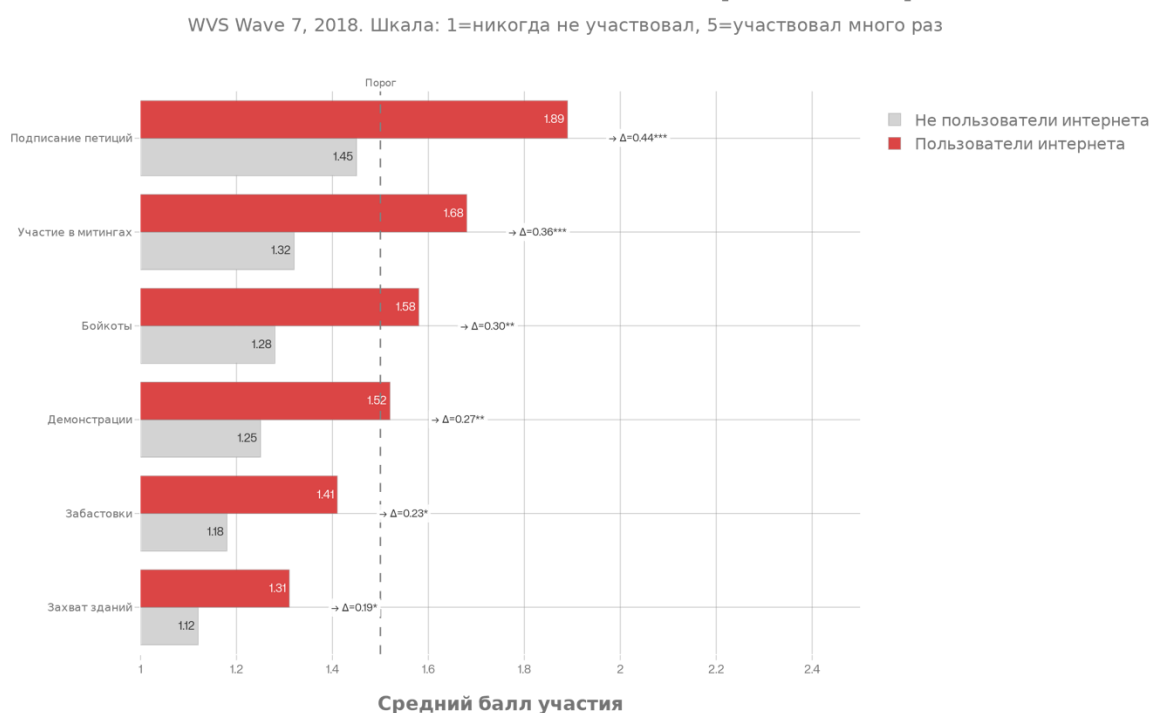

Рис. 18. Мобилизационный потенциал социальных медиа: сравнение протестной активности

Диаграмма наглядно показывает, что пользователи социальных медиа (красные столбцы) демонстрируют статистически значимо более высокий уровень готовности к протестным формам участия по всем позициям ($p < 0.05$). Наибольшая разница наблюдается в законных митингах (+0,53

балла, $p < 0,001$), что подтверждает роль соцсетей как инструмента координации коллективных действий. Однако разрыв минимален для радикальных форм (захват зданий), что указывает: социальные медиа мобилизуют преимущественно умеренные формы протеста.

К 2021 году различия между пользователями социальных и традиционных медиа нивелировались, так как сформировалась особая группа — «внимательная публика», ежедневно обращающаяся к политической информации в интернете (40% пользователей). Она характеризуется высокой медиачувствительностью и склонностью к критической оценке власти.

Типология пользователей и идеологическая самоидентификация. На основе анализа поведения пользователей выделяются три ключевые группы, соотношение которых представлено на Рис. 19.

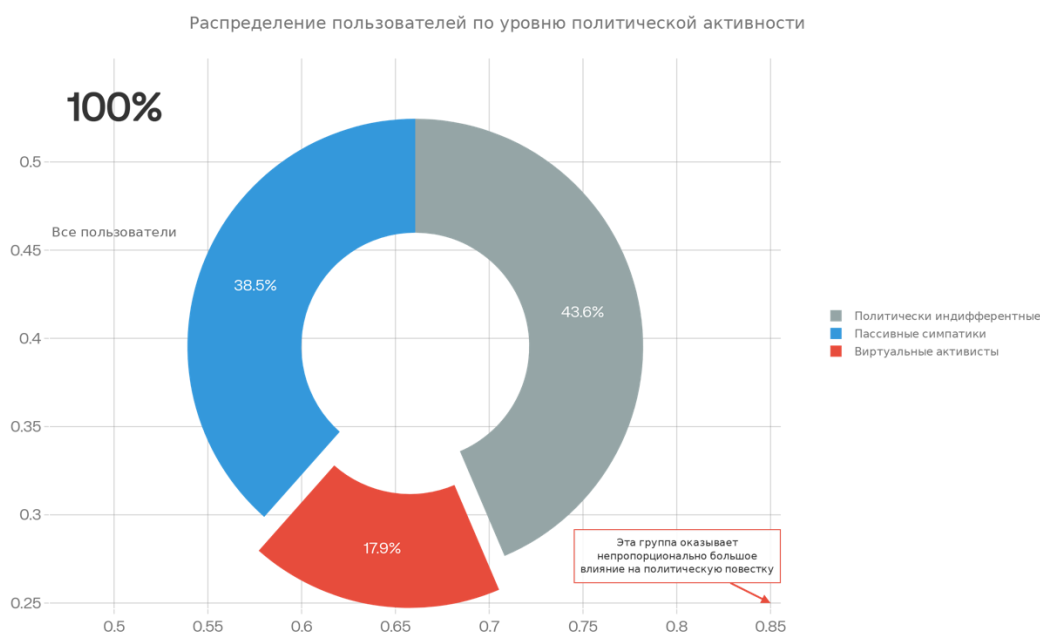

Рис. 19. Типология пользователей социальных медиа во Вьетнаме по характеру политического поведения

— Политически индифферентные (42,5%): самый крупный сегмент. Используют соцсети для развлечения и не интересуются политикой.

— Пассивные симпатии (37,5%): имеют политические взгляды, потребляют контент, но не участвуют в его распространении.

— Виртуальные активисты (17,5%): меньшинство, которое, однако, оказывает непропорционально большое влияние на информационную повестку. Эта группа характеризуется «слактивизмом» — формой низкозатратного участия (петиции, репосты, хештеги).

Сравнительный анализ идеологической самоидентификации не выявил существенных различий между активными пользователями и теми, кто не пользуется интернетом. Это позволяет предположить, что информационная среда интернета во Вьетнаме способствует сглаживанию идеологической поляризации, а не созданию «эхо-камер», характерных для западных демократий.

Пути совершенствования: четыре стратегических направления

Для перехода от текущего состояния «перенапряжения системы» к устойчивой политической стабильности предлагается комплекс мер. Общая логика трансформации представлена на Рис. 20.

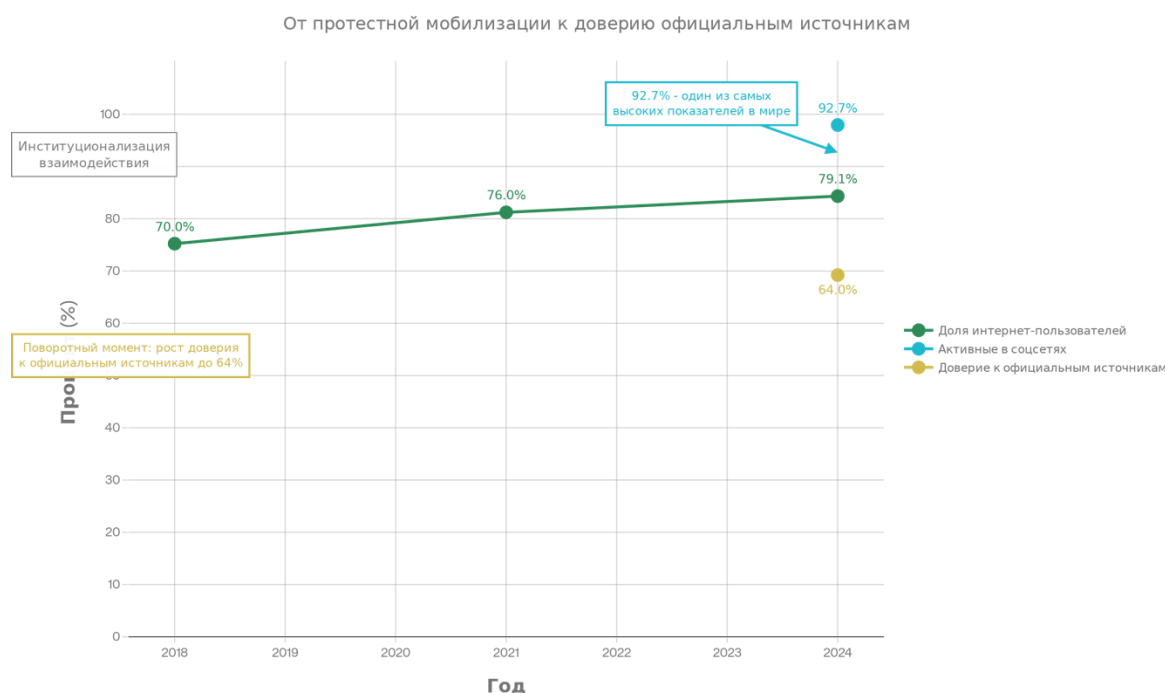

Рис. 20. Динамика цифровизации и институционализации доверия во Вьетнаме (2018–2024 гг.)

Диаграмма визуализирует целевой вектор развития: на фоне продолжающегося роста цифровизации (до 92,7% активных пользователей соцсетей в 2024 г.) происходит качественный сдвиг — рост доверия к официальным источникам информации (до 64% в 2023 г.). Это свидетельствует о начале институционализации доверия в цифровой среде. Для закрепления этого тренда необходимо развитие следующих направлений:

Во-первых, совершенствование нормативно-правового регулирования и институциональной архитектуры цифрового суверенитета. Действующий Закон о кибербезопасности (№ 24/2018/QN14) и Декрет № 53/2022/ND-CP создали фундаментальную правовую основу для контроля за транснациональными платформами и локализации данных. Однако динамика технологического развития требует актуализации нормативной базы в следующих аспектах: установление верифицируемых критериев разграничения легитимной общественной критики и дестабилизирующего контента для минимизации правовой неопределённости; развитие правовых режимов регулирования искусственного интеллекта и алгоритмической прозрачности, включая обязательную маркировку политической рекламы и введение ответственности за использование технологии дипфейков в политических кампаниях; оптимизация межведомственного взаимодействия между Министерством общественной безопасности и Министерством информации и коммуникаций через создание постоянных координационных структур, что позволит устранить дублирование функций и повысить оперативность реагирования на киберугрозы; стратегическая поддержка национальных цифровых экосистем (в частности, платформы Zalo) как инструмента снижения зависимости от глобальных технологических корпораций и обеспечения информационного суверенитета.

Во-вторых, укрепление коммуникативной легитимности через развитие институционализированных каналов взаимодействия власти и общества. Результаты анализа эмпирических данных WVS-7 показывают, что активные

интернет-пользователи во Вьетнаме демонстрируют более критичное отношение к гражданским институтам власти (Правительству, Парламенту), одновременно сохраняя высокий уровень доверия к армии и в целом поддерживая модель «сильного лидера». Это подтверждает наличие феномена «критического авторитаризма», при котором граждане становятся информированнее и требовательнее, но не отказываются от базовых авторитарных установок, ожидая от государства эффективности и предсказуемости. В этих условиях важным направлением совершенствования политической стабильности является укрепление коммуникативной легитимности через развитие «цифрового консенсуса» — модели, при которой государство сохраняет контроль над стратегическими решениями, но одновременно расширяет каналы обратной связи, признаёт необходимость публичного обсуждения и демонстрирует готовность реагировать на обоснованную критику. Это предполагает: дальнейшее расширение практик двусторонней цифровой коммуникации (органы власти, активно использующие официальные аккаунты и демонстрирующие видимый ответ на запросы граждан, добиваются существенного роста доверия на локальном уровне); институционализацию стандартов «цифрового присутствия» для органов власти (регламентирование времени реакции на обращения, введение показателей эффективности цифровой коммуникации, закрепление ответственности за обслуживание официальных аккаунтов); развитие механизмов цифрового общественного контроля (онлайн-консультации, общественные обсуждения законопроектов, цифровые платформы для мониторинга исполнения решений и бюджетной прозрачности), позволяющих канализировать растущий запрос на участие в политике в конструктивные формы.

В-третьих, повышение цифровой грамотности и формирование культуры ответственного поведения. Уязвимость общества перед дестабилизирующими информационными кампаниями коррелирует с дефицитом навыков критического мышления. Это особенно актуально для

молодёжной когорты (18–35 лет), составляющей ядро активной интернет-аудитории (96,6%). Необходима системная интеграция курсов медиаграмотности в образовательные программы всех уровней, направленная на выработку навыков верификации информации и распознавания манипулятивных техник. В долгосрочной перспективе это будет способствовать переходу от стабильности, основанной на ограничениях, к стабильности, базирующейся на осознанной гражданской ответственности.

В-четвёртых, управление дестабилизационным потенциалом через проактивную коммуникацию. Сохраняющиеся высокие показатели индекса протестного потенциала (5,5–5,6 баллов) диктуют необходимость перехода от реактивной модели реагирования к проактивному управлению рисками. Расширение функционала национальных центров мониторинга киберпространства с применением технологий анализа больших данных (Big Data) позволит выявлять очаги социальной напряжённости на ранних стадиях. Стратегически важным представляется отказ от тактики тотального подавления критических голосов в пользу вовлечения конструктивных лидеров мнений (инфлюенсеров) в диалог, что позволит использовать их социальный капитал для трансляции достоверной информации и снижения уровня общественной тревожности.

Социальные медиа играют двойственную роль: укрепляют коммуникацию между властью и обществом, но создают угрозы через мобилизацию протестов и дезинформацию. Вьетнамская модель управления цифровым пространством, сочетающая государственный контроль с развитием национальных платформ, демонстрирует стремление к балансу в контексте гибридной стабильности. Политическая стабильность в цифровую эпоху требует не только контроля, но и активного диалога государства с гражданами через цифровые платформы, институционализации обратной связи и проактивной работы с «внимательной публикой». Вьетнамский опыт может служить примером для других развивающихся стран, стремящихся

найти баланс между развитием цифровых технологий и обеспечением политической стабильности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование на тему «Влияние социальных сетей на обеспечение политической стабильности Социалистической Республики Вьетнам» позволило решить поставленную научную проблему, связанную с выявлением механизмов трансформации политических процессов в условиях цифровизации и определением роли цифровых платформ в поддержании устойчивости политической системы однопартийного типа в условиях рыночной экономики.

На основе комплексного анализа теоретико-методологических подходов, эмпирических данных и нормативно-правовой базы, в работе были достигнуты следующие обобщающие выводы и результаты, соответствующие поставленным целям и задачам исследования.

1. Теоретико-методологическое переосмысление категории «политическая стабильность» в цифровую эпоху

В ходе решения первой задачи исследования, связанной с уточнением концептуальных оснований политической стабильности, было установлено, что в условиях современного информационного общества классические трактовки стабильности (Д. Истон, С. Хантингтон), базирующиеся на идеях равновесия и институционализации, требуют существенной коррекции. Диссертационное исследование показало, что цифровая трансформация переводит политическую стабильность из статического состояния (отсутствие потрясений) в динамический процесс управления рисками.

Доказано, что в современной политической науке социальные сети перестали быть просто нейтральным каналом коммуникации. Опираясь на теорию «цифровых актантов» (С.В. Володенков), в работе обосновано, что алгоритмические механизмы социальных платформ выступают самостоятельными субъектами политического влияния, способными формировать повестку дня, модулировать общественное настроение и

конструировать политическую реальность вне зависимости от воли традиционных политических акторов.

Для политической системы Вьетнама, характеризующейся однопартийной структурой и высокой скоростью цифровизации экономики, автором было сформулировано уточненное определение политической стабильности. Она понимается не как консервация статус-кво, а как способность политической системы сохранять свою идентичность и эффективность управления при постоянной адаптации к высокоинтенсивным информационным потокам и трансформации коммуникативных практик граждан. Выявлено, что ключевым критерием стабильности в этих условиях становится «коммуникативная конгруэнтность» — соответствие каналов взаимодействия власти и общества реальным цифровым привычкам населения. Разрыв между архаичными формами государственной пропаганды и современными сетевыми практиками граждан (особенно молодежи) был идентифицирован как фундаментальный риск дестабилизации, который вьетнамское государство стремится преодолеть через стратегию «цифрового суверенитета».

2. Амбивалентная природа влияния социальных сетей на политические процессы

В рамках решения второй и четвертой задач исследования была раскрыта сложная, диалектически противоречивая природа воздействия социальных медиа (Facebook³⁵³, Zalo, TikTok, YouTube) на политическую систему Вьетнама. Исследование опровергло линейные подходы, рассматривающие интернет либо исключительно как «технологию освобождения» (liberation technology), либо как инструмент тотального цифрового контроля.

³⁵³ The Connected Consumer Q2 2024: Vietnam Social Media Landscape Report [Электронный ресурс] / Decision Lab, Mobile Marketing Association Vietnam. – Ho Chi Minh: Decision Lab, 2024. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q2> (дата обращения: 14.09.2025).

Во-первых, выявлен дестабилизирующий потенциал. Установлено, что социальные сети создают альтернативное пространство легитимации, неподконтрольное в полной мере государству. Высокий уровень проникновения интернета (более 79% населения) и активность пользователей (более 73% населения в соцсетях) создают среду, где любой локальный конфликт может быть мгновенно масштабирован до уровня общенационального политического кризиса. В работе доказано наличие прямой корреляции между бесконтрольным распространением дезинформации («инфodemией») и локальными всплесками социальной напряженности. Механизмы «эхо-камер» и «пузырей фильтров» способствуют поляризации мнений и формированию латентных протестных групп, координация которых осуществляется через закрытые чаты в мессенджерах, что затрудняет превентивное реагирование со стороны органов правопорядка. Особую угрозу представляет внешнее информационное вмешательство, использующее алгоритмы социальных сетей для дискредитации политического руководства страны и размывания традиционных ценностей.

Во-вторых, обоснован стабилизирующий потенциал. Диссертант доказал, что социальные сети во Вьетнаме успешно интегрированы в систему государственного управления как инструмент «обратной связи» и мониторинга социального самочувствия. Впервые в научный оборот введены данные, демонстрирующие эффективность использования национальной платформы Zalo для административной коммуникации. Система официальных аккаунтов (Zalo Official Accounts), насчитывающая более 17 200 профилей государственных органов, позволила государству проникнуть в повседневное цифровое пространство граждан, сделав взаимодействие с властью (получение справок, подача жалоб, информирование о ЧС) бесшовным и удобным. Это подтверждает гипотезу о том, что технологическая эффективность государственных сервисов напрямую

конвертируется в политическую легитимность («перформативная легитимность»).

Таким образом, сделан вывод, что социальные сети выступают «фармаконом» политической стабильности: они являются одновременно и ядом (источник рисков), и лекарством (инструмент управления и коммуникации), в зависимости от способности государства выстраивать грамотную стратегию присутствия в цифровом поле.

3. Специфика вьетнамской модели обеспечения политической стабильности

Центральным результатом эмпирической части исследования (третья задача) стал анализ уникальной «Вьетнамской модели» управления информационным пространством. Доказано, что Вьетнам, в отличие от китайской модели «Золотого щита» (полная блокировка глобальных платформ), выбрал более гибкий, гибридный путь, который можно охарактеризовать как «стратегия адаптивного сдерживания и замещения».

Основные характеристики выявленной модели:

— Правовой суверенитет: Принятие Закона о кибербезопасности (2018) и Декрета № 53/2022/ND-CP создало жесткий юридический каркас, обязывающий транснациональные корпорации (Meta, Google, TikTok) хранить данные пользователей на территории Вьетнама и удалять противоправный контент по запросу властей в течение 24 часов. Исследование показало высокую эффективность данного инструментария: уровень соблюдения требований платформами вырос до 90% и выше.

— Технологическое импортозамещение: Государство активно стимулирует развитие национальных платформ (Zalo, Lotus, Gape) не путем запрета иностранных аналогов, а через создание преференций и интеграцию их с государственными услугами. В работе показано, что Zalo,

охватывающая 87% пользователей мессенджеров, фактически стала частью критической информационной инфраструктуры государства.

— Институционализация киберзащиты: Функционирование специализированных структур, таких как «Киберотряд 47» (Force 47), численностью более 10 000 человек, обеспечивает оперативный мониторинг информационного поля и ведение контрпропаганды в режиме реального времени. Диссертант отмечает, что данная структура работает не только методами блокировок, но и через активное участие в дискуссиях, наполняя инфополе прогосударственными нарративами.

— «Governance 2.0»: Активная цифровизация госуправления, выраженная в росте числа пользователей порталов госуслуг (с 12% до 41% за 4 года), формирует новый тип общественного договора — «цифровой консенсус», где лояльность граждан обменивается на качество, скорость и прозрачность государственных сервисов.

Сравнительный анализ показал, что данная модель демонстрирует большую устойчивость к цветным революциям, чем либеральные модели соседних стран Юго-Восточной Азии, поскольку сохраняет монополию государства на стратегическую повестку, не препятствуя при этом развитию цифровой экономики и бытовому общению граждан.

4. Роль социальных сетей в политической социализации молодежи

Особое внимание в заключении следует уделить выводам относительно молодежной аудитории. Исследование подтвердило, что молодежь (18–39 лет), составляющая ядро интернет-аудитории Вьетнама, формирует свои политические взгляды преимущественно под влиянием контента социальных сетей (TikTok, Facebook³⁵⁴, YouTube).

Выявлен «парадокс информированности»: высокая степень включенности молодежи в цифровые потоки сочетается с фрагментарностью

³⁵⁴ The Connected Consumer Q2 2024: Vietnam Social Media Landscape Report [Электронный ресурс] / Decision Lab, Mobile Marketing Association Vietnam. – Ho Chi Minh: Decision Lab, 2024. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q2> (дата обращения: 14.09.2025).

политических знаний и клиповым мышлением, что делает эту группу наиболее уязвимой для манипулятивных технологий, фейк-ньюс и популизма. Видеоконтент в TikTok и YouTube Shorts становится основным каналом политической информации, вытесняя традиционные СМИ и лонгриды.

В то же время, анализ показал, что государство научилось использовать эти каналы. Присутствие официальных молодежных организаций и государственных медиа в TikTok с адаптированным, развлекательно-образовательным контентом позволяет эффективно транслировать патриотические ценности и государственный нарратив на понятном молодежи языке. Тем самым происходит трансформация механизмов политической социализации: от лекционно-дидактических форм к интерактивно-сетевым.

5. Рекомендации и предложения по совершенствованию государственной политики

На основе проведенного анализа (задача 6) диссертантом разработан комплекс практических рекомендаций, направленных на совершенствование системы обеспечения политической стабильности Вьетнама в условиях нарастающей цифровизации.

В нормативно-правовой сфере:

— Предложено разработать и внедрить Этический кодекс поведения государственных служащих в социальных сетях, регламентирующий не только официальную, но и личную коммуникацию чиновников, чтобы минимизировать репутационные риски для власти.

— Рекомендовано ужесточить ответственность за использование технологий Deepfake и искусственного интеллекта в политических кампаниях, внося соответствующие поправки в Закон о кибербезопасности, требующие обязательной маркировки сгенерированного контента.

В технологической и управленческой сфере:

— Необходимо масштабировать опыт использования платформы Zalo Official Account (OA) на уровень низовых административных единиц (общин и кварталов), поставив целью 100% охват муниципалитетов цифровыми каналами обратной связи. Это позволит купировать социальное недовольство на ранней стадии («на земле»), не давая ему перерасти в политический протест.

— Внедрить системы предиктивной аналитики на базе искусственного интеллекта (ИИ) для мониторинга социальных настроений. Переход от реактивного реагирования (удаление контента постфактум) к проактивному (выявление очагов напряжения до их эскалации) повысит эффективность управления рисками на 40–60%.

В сфере коммуникаций и образования:

— Сменить тональность государственной коммуникации в соцсетях: переходить от сухого «канцелярского» языка пресс-релизов к более эмпатичному, персонализированному стилю (human-to-human interaction). Статистически подтверждено, что персонифицированные ответы чиновников повышают доверие к институту власти.

— Запустить национальную программу цифровой медиаграмотности, интегрированную в школьные и университетские курсы. Целью программы должно стать формирование у граждан навыков критического мышления, фактчекинга и «цифровой гигиены», что является единственной долгосрочной защитой от дезинформации.

6. Оценка научной новизны и теоретической значимости исследования

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые на уровне диссертационного исследования осуществлен комплексный политологический анализ влияния социальных сетей на политическую стабильность Вьетнама как специфического типа политической системы

(социалистическая республика с рыночной экономикой в процессе модернизации).

Ключевые элементы новизны:

— Выявлены и систематизированы коммуникационные механизмы обеспечения политической стабильности, специфичные для вьетнамской модели (сочетание жесткого контроля инфраструктуры с мягкой силой контента и сервисной ориентацией госуслуг).

— Введен в научный оборот и обоснован термин «цифровой консенсус» применительно к взаимоотношениям власти и общества во Вьетнаме, описывающий состояние равновесия, при котором граждане принимают определенные ограничения свободы слова в обмен на цифровую безопасность и экономический рост.

— На большом массиве эмпирических данных доказана корреляция между активностью локальных органов власти в мессенджере Zalo и уровнем доверия населения к местной администрации, что развивает теорию политической коммуникации.

— Определены пределы эффективности использования «кибервойск» (Force 47): доказано, что в долгосрочной перспективе силовые методы контроля контента уступают методам конкуренции смыслов и создания качественного прогосударственного контента.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии методологии исследования политической стабильности гибридных и переходных режимов. Результаты исследования дополняют разделы политической науки, посвященные цифровой политике, политической коммуникативистике и сравнительной политологии. Предложенная автором модель анализа «риск-стабильность» в цифровой среде может быть применена для изучения политических процессов в других развивающихся странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

7. Практическая значимость и апробация результатов

Практическая значимость диссертации подтверждается возможностью непосредственного внедрения полученных выводов в деятельность органов государственной власти СРВ (Министерства информации и коммуникаций, Отдела пропаганды и образования ЦК КПВ). Предложенные методики мониторинга социальных сетей и стратегии кризисных коммуникаций могут быть использованы для повышения эффективности информационной работы партийных и государственных структур.

Материалы диссертации также могут служить основой для разработки учебных курсов по дисциплинам «Политическая коммуникация», «Государственное управление в цифровую эпоху», «Информационная безопасность» в вузах Вьетнама и России.

Достоверность выводов подтверждается использованием широкого круга источников (более 200 наименований), включая нормативные акты, статистические отчеты We Are Social, Meltwater, данные Всемирного банка, а также результаты авторского контент-анализа. Основные положения работы прошли апробацию на 14 международных и всероссийских конференциях и отражены в 14 научных публикациях, в том числе в изданиях, индексируемых в Scopus/Web of Science и рекомендованных ВАК РФ.

Подводя общий итог исследованию, можно констатировать, что социальные сети стали неотъемлемым элементом политической системы современного Вьетнама. Они не разрушили однопартийную систему, как предсказывали сторонники теорий «демократизации через интернет», но заставили ее фундаментально трансформироваться. Власть во Вьетнаме продемонстрировала высокую адаптивность, сумев превратить вызовы цифровой эпохи в возможности для своего укрепления.

Однако, достигнутая стабильность не является гарантированной навсегда. Быстрое развитие технологий (ИИ, метавселенные) и смена поколений требуют от государства постоянного обновления подходов.

Дальнейшее сохранение политической стабильности СРВ будет зависеть от того, насколько успешно руководство страны сможет поддерживать баланс между необходимым контролем информационного пространства (для защиты суверенитета) и свободой цифрового творчества и коммуникации (для экономического развития и инноваций).

Вьетнамский опыт показывает, что в XXI веке политическая стабильность — это не статичная крепость, а гибкая сеть, способная к самообновлению и диалогу. Именно этот путь «цифрового обновления» (Digital Doi Moi) представляется наиболее перспективным для устойчивого развития Социалистической Республики Вьетнам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

I. Источники

Нормативно-законодательные источники

(на иностранных языках)

1. Luật An ninh mạng / Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. – Hà Nội : Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia Sự thật, 2018.

2. Luật bầu cử đại biểu Quốc hội số 05/1997/QH9 : thông qua ngày 15 tháng 4 năm 1997 : sửa đổi, bổ sung năm 2001 và năm 2010. – Hà Nội : Nhà xuất bản Chính trị quốc gia, 2010. – 60 tr.

3. Quy định về tổ chức, hoạt động và quản lý hội: Nghị định số 45/2010/NĐ-CP Chính phủ Cộng hòa Xã hội chủ nghĩa Việt Nam [Электронный ресурс] : принято 21 апреля 2010 г., введено в действие 1 июля 2010 г. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=94264> (дата обращения: 14.09.2025).

4. Quyết định số 964/QĐ-TTg ngày 10/08/2022. Phê duyệt Chiến lược An toàn, An ninh mạng quốc gia, chủ động ứng phó với các thách thức từ không gian mạng đến năm 2025, tầm nhìn 2030 [Решение № 964/QĐ-TTg от 10.08.2022 г. Об утверждении Национальной стратегии кибербезопасности и активном реагировании на вызовы в киберпространстве до 2025 года с видением до 2030 года] / Thủ tướng Chính phủ. – Hà Nội : Cổng Thông tin điện tử Chính phủ, 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=206362> (дата обращения: 08.12.2024).

5. Hiến pháp Việt Nam 2013 [Конституция Социалистической Республики Вьетнам]: офиц. текст / Quốc Hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. – Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia Sự thật, 2013..

Официальные отчеты

(на иностранных языках)

6. Bertelsmann Stiftung's Transformation Index (BTI) 2024. Vietnam: Country Report [Электронный ресурс]. – Berlin: Bertelsmann Stiftung, 2024. – Режим доступа: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/VNM> (дата обращения: 14.09.2025).

7. Corruption Perceptions Index 2023 [Электронный ресурс] // Transparency International. – Режим доступа: <https://www.ticambodia.org/cpi2023/> (дата обращения: 14.12.2024).

8. Digital 2023: Vietnam [Электронный ресурс] / DataReportal; S. Kemp. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-vietnam> (дата обращения: 26.08.2024).

9. Digital 2024: Vietnam [Электронный ресурс] // DataReportal. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-vietnam> (дата обращения: 20.04.2025).

10. Digital 2025: Vietnam [Электронный ресурс]: отчёт о цифровой среде / We Are Social, Meltwater. – Singapore; London: DataReportal, 2025. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-vietnam> (дата обращения: 16.11.2025).

11. Loh L., Nguyen H. T. Corporate Disclosure on Business Integrity in ASEAN 2024 [Электронный ресурс] / Centre for Governance and Sustainability, NUS Business School. – Singapore: NUS, Dec. 2024. – Режим доступа: https://bschool.nus.edu.sg/cgs/wp-content/uploads/sites/145/2025/01/CGS_Corporate-Disclosure-on-Business-Integrity-in-ASEAN-2024.pdf (дата обращения: 14.12.2024).

12. Pincus J. Institutional Bottlenecks and Viet Nam's Prospects for Growth and Development: Policy Brief [Электронный ресурс] / UNDP Viet Nam. – New York; Hanoi: UNDP, 2023. – Режим доступа:

<https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/202302/POLICY%20BRIEF%20Institutional%20bottlenecks%202023.02.15.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).

13. The Connected Consumer Q1 2024: Vietnam Social Media Landscape Report [Электронный ресурс] / Decision Lab, Mobile Marketing Association Vietnam. – Ho Chi Minh: Decision Lab, 2024. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/blog/whats-hot-and-whats-not-social-media-preferences-of-vietnamese-users-in-q1-2024> (дата обращения: 14.12.2025).

14. Vietnam Social Media Landscape 2024 Q2 Report / Decision Lab. – Текст: электронный // Decision Lab. – URL: <https://www.decisionlab.co/reports/vietnam-social-media-landscape-2024-q2> (дата обращения: 26.08.2024).

15. World Bank Governance Indicators for Vietnam [Показатели государственного управления Всемирного банка для Вьетнама]: данные по политической стабильности, эффективности правительства, верховенству права и контролю коррупции за период 1996-2023 годов [Электронный ресурс] / World Bank. – Washington, D.C.: World Bank, 1996-2023. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/PV.EST?locations=VN> (дата обращения: 17.11.2025).

II. Литература

Книги и монографии

(на русском языке)

16. Акопов, Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография / Г.Л. Акопов. – Москва: КНОРУС, 2017. – 238 с.

17. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну: монография. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. – ISBN 5-89826-059-5.

18. Беннетт, У.Л., Сегерберг, А. Коннективное действие в сетевой эпохе / У.Л. Беннетт, А. Сегерберг; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. – 320 с.
19. Быков, И.А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. – СПб.: СПбГУТД, 2013. – 200 с.
20. Володенков, С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. – М.: Проспект, 2021. – 256 с.
21. Гидденс, Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / Э. Гидденс; пер. с англ. М.В. Коробова. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 368 с.
22. Говард, Ф.Н. Вычислительная пропаганда: политические боты, тролли и фальшивые новости / Ф.Н. Говард; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. – 288 с.
23. Гоффман, Э. Рамки восприятия бытовой жизни / Э. Гоффман; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2018. – 320 с.
24. Грачёв, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – Москва: Прометей, 2004. – 328 с.
25. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – Москва: ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с. – ISBN 5-7598-0069-8.
26. Кастельс, М. Сети возмущения и надежды: социальные движения в эпоху интернета / М. Кастельс; пер. с англ. А.И. Кольева, С.А. Кольева. – М.: Высшая школа экономики, 2015. – 344 с.
27. Кац, Э., Лазарсфельд, П. Личное влияние: очерки о двухступенчатом потоке информации. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962. – 312 с.

28. Коротаев, А.В., Билюга, С.Э., Зинькина, Ю.В. Социально-демографический анализ «арабской весны» // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – Москва: URSS, 2012. – С. 28-76.

29. Лапкин, В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. Научная монография. – М., ИМЭМО РАН, 2012. – 140 с. – ISBN 978-5-9535-0346-4.

30. Липсет, М. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет; пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешука. – Москва: Мысль, 2020. – 477 с.

31. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.

32. Морозов, Е. Интернет как иллюзия. Почему интернет не изменит мир / Е. Морозов; пер. с англ. Б. Литвинов. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 480 с.

33. Нарциссова, С.Ю. Коммуникации в киберпространстве: тенденции цифровой эпохи: монография / С.Ю. Нарциссова. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 254 с.

34. Олсон, М. Логика коллективного действия: общественные блага и теория групп / М. Олсон; пер. с англ. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1995. – 280 с.

35. Пантин, В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. – М.: Моск. филос. фонд, 1997. – 192 с.

36. Паризер, Э. Фильтрующие пузыри: как интернет скрывает от нас весь мир / Э. Паризер; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2015. – 256 с.

37. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 352 с.

38. Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски: монография / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин, Т.А. Нгуен [и др.]; под общей редакцией В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. – Москва: РУСАЙНС, 2023. – 184 с. – ISBN 978-5-466-03139-3.

39. Пушкарева, Г.В., Соловьев, А.И., Михайлова, О.В. Идеи и ценности в государственном управлении: монография. – Москва: Аспект Пресс, 2018. – 272 с. – ISBN 978-5-7567-1002-1.

40. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с. – ISBN 5-7567-0225-3.

41. Сморгун, Л.В. Цифровой суверенитет и институционализация цифровой управляемости // Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2022. – С. 210-228.

42. Туфекчи, З. Твиттер и бунтовщики: власть и уязвимость в цифровую эпоху / З. Туфекчи; пер. с англ. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2018. – 384 с.

43. Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность / Ю. Хабермас; перевод с немецкого. – Москва: Academia, 1995. – 252 с.

(на иностранных языках)

44. Aday, S., Farrell, H., Lynch, M., Sides, J., Kelly, E., Zuckerman, E. Blogs and Bullets: New Media in Contentious Politics. – Washington, D.C. : United States Institute of Peace, 2010. – 32 p. – (Peaceworks ; no. 65).

45. Beck, U. World at Risk. – Cambridge: Polity Press, 2009. – P. 150-165.

46. Benkler, Y. The wealth of networks. – New Haven: Yale University Press, 2006. – 528 p.

47. Bennett, W.L., Segerberg, A. The logic of connective action. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 240 p.

48. Castells, M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. – 2nd ed. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – Vol. 2. – P. 419-425.
49. Dahl, R. A Preface to Democratic Theory. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 200 p.
50. de Kerckhove, D. Connected intelligence. – London: Kogan Page, 1997. – 224 p.
51. Deutsch, K.W. The nerves of government: models of political communication and control. – New York; London: The Free Press, 1966. – 316 p.
52. Easton, D. A Systems Analysis of Political Life. – New York: John Wiley & Sons, 1965. – XVI, 507 p.
53. Friedland, L.A., Rogerson, K.S. How Political and Social Movements Form on the Internet and How They Change Over Time // IHSS Reports / Institute for Homeland Security Solutions. – Chapel Hill, NC, 2009. – 42 p.
54. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / transl. by T. Burger with the assist. of F. Lawrence. – Cambridge: Polity Press, 1989. – 301 p.
55. Howard, P.N. Lie machines. – New Haven: Yale University Press, 2020. – 232 p.
56. Huntington, S. Political Order in Changing Societies. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 488 p.
57. Kavanagh, J., Rich, M.D. Truth decay. – Santa Monica: RAND Corporation, 2018. – 324 p.
58. Khalil, L. Overcoming digital threats to democracy. – Sydney: Lowy Institute, 2024. – 44 p.
59. Lasswell, H.D. Propaganda, Communication and Public Order: monograph. – Princeton: Princeton University Press, 1946. – 234 p.

60. Le, V.T., Ly-Le, T.M., Ha, L. Social media and political participation in Vietnam: disrupting journalism in the virtual public sphere. – 2024. – DOI: 10.1007/978-981-97-8955-9.
61. Linz, J.J., Stepan, A. (eds.). The Breakdown of Democratic Regimes. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1978. – 134 p.
62. Margetts, H. et al. Political turbulence. – Princeton: Princeton University Press, 2016. – 256 p.
63. McLuhan, M., Fiore, Q.; coordinated by J. Agel. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. – New York: Bantam Books, 1967. – 160 p.
64. Morozov, E. The net delusion. – New York: PublicAffairs, 2011. – 432 p.
65. Nacos, B.L. Terrorism and Counterterrorism: Understanding Threats and Responses in the Post-9/11 World. – 3rd ed. – Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 2010. – 352 p.
66. Nguyen, T. Vietnam's internet governance policies. – Cambridge: Harvard Kennedy School, 2013. – 28 p.
67. Pariser, E. The filter bubble. – New York: Penguin Press, 2011. – 304 p.
68. Pye, L. Political Culture. – New York: [s. n.], 1965. – 340 p.
69. Rahimi, B. The Politics of the Internet in Iran // Media, Culture and Society in Iran: Living with Globalization and the Islamic State / ed. by M. Semati. – London : Routledge, 2008. – P. 37-56.
70. Rheingold, H. Smart mobs. – New York: Basic Books, 2002. – 288 p.
71. Shirky, C. Here comes everybody. – New York: Penguin Press, 2008. – 327 p.
72. Sunstein, C.R. Republic.com 2.0. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 272 p.

73. Tufekci, Z. Twitter and tear gas. – New Haven: Yale University Press, 2017. – 360 p.

74. Turkle, S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. – New York: Simon & Schuster, 1995. – 328 p.

75. van Dijk, J. The digital divide. – Cambridge: Polity Press, 2020. – 208 p.

76. Weber, M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1469 p. – ISBN 9780520035003.

77. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.

Научные статьи

(на русском языке)

78. Ачкасова, В.А., Корнеева, К.В. Репутация и имидж власти: медиастратегии формирования // Управленческое консультирование. – 2017. – № 1. – С. 159-165.

79. Билюга, С.Э. Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Век глобализации. – 2018. – № 2. – С. 46-56.

80. Билюга, С.Э. Тип режима и индексы социально-политической нестабильности: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 95-112.

81. Бродовская, Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. – 2019. – № 4. – С. 65-69.

82. Бродовская, Е.В., Хуанг, Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 3-18. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

83. Бурдые, П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60-74.

84. Быков, И.А. Горизонтальная циркуляция информации в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2022. – № 3. – С. 45-67.

85. Василенко, Л.А., Зотов, В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 4-16.

86. Волкова, А.В., Лукьянова, Г.В., Мартьянов, Д.С. Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 2. – С. 37-52.

87. Володенков, С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5(153). – С. 341-364.

88. Володенков, С.В. Интернет-коммуникации в глобальном политическом процессе: трансформация власти и влияния // Вестник МГУ. Сер. 12, Политические науки. – 2023. – № 3. – С. 45-72.

89. Володенков, С.В., Федорченко, С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 37-53.

90. Володенков, С.В., Федорченко, С.Н. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 37-53.

91. Глищинская, Е.А. Репутация политика: управление негативом в социальных сетях // Профессионал года 2021: сборник статей

Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 61-66.

92. Гончаров, Л.А. Политическая стабильность современной России в контексте модернизационного развития // Вестник экономической теории. – 2018. – № 10. – С. 46-55.

93. Горбатюк, Л.Н., Колундаев, М.В. Цветные революции XXI века: историко-правовой анализ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2025. – № 1 (102). – С. 13-21.

94. Грачев, Г.А. К оценке политической стабильности по результатам голосования на выборах // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 123-127.

95. Давыдов, В.Н., Нгуен, Т.А., Зоткина, А.Л. Социальные сети как вызов политической стабильности Вьетнама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 438-455. – DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-4-438-455.

96. Давыдов, В.Н., Хуссейн, Г.А. Вариативная матрица угроз: информационно-критериальный подход // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 4(22). – С. 31-45.

97. Дмитриева, Н.Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2. – С. 125-139.

98. Жаркова, М.С. Социальные сети как инструмент информационного противоборства и гибридных политических конфликтов // Научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 168-171.

99. Зотов, В.В., Губанов, А.В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 28-39.

100. Ирхин, Ю.В. Коммуникативный, политический и управленческий потенциал блогосферы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8, № 5. – С. 6-17.

101. Козырева, А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? / А.А. Козырева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). – С. 63-69.

102. Коротаев, А.В., Билюга, С.Э., Малков, С.Ю., Осипов, Д.А. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации // История и современность. – 2016. – № 2. – С. 180-209.

103. Кравченко, С.А., Подберёзкин, А.И. Социальные сети как качественно новый фактор системной безопасности России в XXI веке // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 6 (51). – С. 14-23. – DOI: 10.24833/2071-8160-2016-6-51-14-23.

104. Кулик, А.Н. Governance 2.0: эволюция модели государственного управления в эпоху интерактивного Интернета // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 12-27.

105. Лукьянова, Г.В. Онлайн и оффлайн политическая активность: перспективы исследования // Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей / под общей редакцией А.В. Соколова, А.А. Власовой. – Ярославль: Цифровая типография, 2019. – С. 70-74.

106. Малышева, Г.А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2020. – № 3. – С. 60-74.

107. Мамонов, М.В. Общественно-политическая стабильность в России: основы и механизмы достижения // Вестник ПАГС. – 2009. – № 4. – С. 70-77.
108. Мартьянов, Д.С. Интернет и политическая коммуникация: научное осмысление // Политэкс. – 2013. – № 2. – С. 212-222.
109. Медведев, И.А., Коротаев, А.В. К построению индекса социально-политической дестабилизации в различных мир-системных зонах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 7. – С. 433-454.
110. Медведев, Н.П. Стабильность политической системы: теория и российская практика // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2007. – № 17. – С. 63-70.
111. Мигачёв, Ю.И., Поляков, М.М., Чекмарёв, Г.Ф. Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12. – С. 60-67.
112. Михайленок, О.М. Лидеры мнений в современной политической коммуникации // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 8-23.
113. Михайленок, О.М., Малышева, Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 78-87. – DOI: 10.31857/S013216250004113-2.
114. Михайлова, О.В. Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 14-43.
115. Нгуен, В.З. Оппонирующая роль прессы и общественное мнение в средствах массовой информации Вьетнама // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 94-118.

116. Нгуен, К.Х. Совершенствование государственного управления в целях ускорения экономического роста Вьетнама // Вьетнамские исследования. – 2018. – № 2. – С. 25-35.
117. Нгуен, Т. Политика интернет-управления во Вьетнаме // Вьетнамские исследования. – 2023. – № 3. – С. 45-58.
118. Парфенова, Ю.В. Сетевые ресурсы как инструменты политического участия в современной России // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 49-52.
119. Питерова, А.Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Наука. Общество. Государство. – 2015. – Т. 3, № 4(12). – С. 97-105.
120. Прокопьева, К.Л. Влияние информационно-технологических революций на культуру электорального поведения в современных условиях // Трансформация социального мира в современную эпоху: сборник научных трудов / научный редактор Т.И. Грабельных. – Иркутск: Оттиск, 2019. – С. 202-210.
121. Пушкарева, Г.В., Соловьев, А.И. Идеи и ценности в государственном управлении в условиях цифровизации // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 92. – С. 245-268.
122. Ромашкина, А.Б. Особенности функционирования институтов власти в условиях развития интернета как пространства политических коммуникаций // Государственное управление. Электронный вестник: электронное издание. – 2021. – № 86. – С. 155-181. – DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10283.
123. Рябченко, Н.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 92-106.

124. Самарин, Я.В. Влияние интернет-медиа и социальных сетей на становление популистских движений // Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей / под общей редакцией А.В. Соколова, А.А. Власовой. – Ярославль: Аверс Плюс, 2018. – С. 93-98.

125. Селезнева, А.В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 3. – С. 22-33.

126. Слинько, Е.В., Коротаев, А.В., Шульгин, С.Г., Билюга, С.Э. Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного межстранового анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2016. – № 3 (82). – С. 31-51.

127. Сморгун, Л.В. Политика в сети: трансверсальная коммуникация и сетевая власть // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2025. – № 3. – С. 417-429.

128. Телин, К.О. Конгруэнтность как параметр политической стабильности // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 165-181. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.12>.

129. Тимофеева, Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 205-225.

130. Тимофеева, Л.Н., Рябченко, Н.А., Малышева, О.П., Гнедаш, А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 37-51.

131. Трофимова, Т.В., Ломовцева, А.В. Цифровые технологии в обеспечении деятельности органов государственной власти // Креативная экономика. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 261-270. – DOI: 10.18334/ce.13.2.39914.

132. Ты, Т.Т. Политика национальной безопасности Вьетнама в условиях региональных угроз // Вьетнамские исследования. – 2023. – № 2. – С. 78-95.

133. Ты, Т.Т., Нгуен, Д.К. Стабильность современной политической системы Вьетнама: эволюция, вызовы и перспективы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 116-130.

134. Халин, В.Г., Чернова, Г.В. Цифровизация и её влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46-63.

135. Чан, В.Л. Экологические катастрофы и общественные протесты во Вьетнаме (2016-2023) // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3(100). – С. 497-500.

136. Шестопал, Е.Б. Политическая психология в современной России // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 132-146.

137. Шестопал, Е.Б., Селезнева, А.В. Образы власти в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 67-86. – DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-67-86.

138. Щенина, О.Г. Человек политический в сетях коммуникаций: теоретические и прикладные аспекты гражданского участия // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 5. – С. 155-166.

139. Энтман, Р.М. Фрейминг: в смысловой борьбе за власть // Политическая коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 5-23.

(на иностранных языках)

140. Almond, G. Comparative Political Systems // World Politics. – 1956. – Vol. 8, No. 3. – P. 391-409.
141. Andrejevic, M. Lateral surveillance // Surveillance & Society. – 2005. – Vol. 2, № 4. – P. 479-497.
142. Bimber, B. The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism // Polity. – 1998. – Vol. 31, № 1. – P. 133-160. – DOI: 10.2307/3235370.
143. Bui, T.H. The influence of social media in Vietnam's elite politics // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2016. – Vol. 35, № 2. – P. 89-111. – URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:gbv:18-4-9554>.
144. Dang, H.L. Social media, fake news, and the COVID-19 pandemic: sketching the case of Southeast Asia // ASEAS -- Austrian Journal of South-East Asian Studies. – 2021. – Vol. 14, no. 1. – P. 37-58. – DOI: 10.14764/10.ASEAS-0054.
145. Ermakov, A., Boykov, V. Digitalization of Government and the Network Society // SGP Journal: [электронный ресурс]. – 2021. – Vol. 8. – Режим доступа: <https://sgpjjournal.mgimo.ru/2021/2021-8/digitalization-of-government-and-network-society> (дата обращения: 15.12.2025).
146. González-Bailón, S., Borge-Holthoefer, J., Rivero, A., Moreno, Y. The Dynamics of Protest Recruitment through an Online Network // Scientific Reports. – 2011. – Vol. 1. – Art. 197. – DOI: 10.1038/srep00197.
147. Howard, P.N., Woolley, S., Calo, R. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration // Journal of Information Technology & Politics. – 2018. – Vol. 15, iss. 2. – P. 81-93. – DOI: 10.1080/19331681.2018.1448735.

148. Hussain, M.M., Howard, P.N. What Best Explains Successful Protest Cascades? ICTs and the Fuzzy Causes of the Arab Spring // *International Studies Review*. – 2013. – Vol. 15. – No. 1. – Pp. 48-66.
149. Kruse, L.M., Norris, D.R., Flinchum, J.R. Social Media as a Public Sphere? Politics on Social Media // *The Sociological Quarterly*. – 2018. – Vol. 59, № 1. – P. 62-84. – DOI: 10.1080/00380253.2017.1383143.
150. La, V.P., Pham, T.H., Ho, M.T. et al. Policy response, social media and science journalism for the sustainability of the public health system amid the COVID-19 outbreak: the Vietnam lessons // *Sustainability*. – 2020. – Vol. 12, No. 7. – P. 2931. – DOI: 10.3390/su12072931.
151. Le, V.T., Ly-Le, T.M., Ha, L. Vietnamese young people and political participation // *Social media and political participation in Vietnam*. – 2024. – DOI: 10.1007/978-981-97-8955-9_3.
152. Montano, V., Sabroso, L. ASEAN countries governance quality and foreign direct investment: A panel data regression analysis of world governance indicators // *British International Journal of Applied Economics, Finance and Accounting*. – 2024. – Vol. 8, No. 4. – P. 15. – URL: <https://aspjournals.org/Journals/index.php/bijaefa> (дата обращения: 14.12.2025).
153. Morris-Jung, J. Vietnam's online petition movement // *Journal of Vietnamese Studies*. – 2015. – Vol. 10, № 1. – P. 63-109.
154. Nguyen, T.A. Social media and political communication in Vietnam // *Southeast Asian Studies*. – 2023. – Vol. 15, No. 2. – P. 234-256.
155. Nguyen, T.G. Vietnamese media going social: connectivism, collectivism, and civic engagement // *Journal of Asian Studies*. – 2018. – November. – Vol. 77, no. 4. – P. 907-928. – DOI: 10.1017/S0021911818002036.
156. Nguyen-Pochan, T.T. State management of social media in Vietnam // *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. – 2021. – Vol. 5, No. 1S. – P. 23-33. – DOI: 10.54631/VS.2021.S-23-33.

157. Pham, N. From Marx to market: the debates on the economic system in Vietnam's revised constitution // Asian Journal of Comparative Law. – 2016. – Vol. 11. – P. 263-285. – DOI: 10.1017/asjcl.2016.16.

158. Shirky, C. The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change // Journal of Democracy. – 2011. – Vol. 22. – No. 3. – Pp. 35-48.

159. Vietnam's Antitrust Legislation and Subscription to E-ASEAN // Repository Law University of Illinois Chicago. – 2013. – Режим доступа: <https://repository.law.uic.edu/jitpl/vol20/iss4/4/> (дата обращения: 15.09.2025).

Учебные пособия

(на русском языке)

160. Грачёв, М.Н. Политическая коммуникация в цифровой среде: учебное пособие. – Москва: Аспект Пресс, 2022. – 184 с.

161. Гришина, О.Е., Давыдова, В.Н. Современные угрозы государству и обществу: радикализм, терроризм, информационные войны, «цветные революции»: учебное пособие. – Москва: РУДН, 2018. – 306 с. – ISBN 978-5-209-08313-9.

162. Пушкарева, Г.В. Сетевое взаимодействие власти и общества: монография. – Москва: Аспект Пресс, 2020. – 320 с.

163. Соловьев, А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 559 с.

164. Шестопал, Е.Б. Политическая психология: учебник для студентов вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 342 с.

III. Диссертации и авторефераты диссертаций

Диссертации

(на русском языке)

165. Медведев, И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003. – 191 с.

166. Мирошниченко, И.В. Социальные сети в российской публичной политике: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – Москва, 2013. – 341 с.

167. Федорченко, С.Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. – 2022. – 564 с.

168. Чан, Т.Т.Х. Медиаменеджмент современного Вьетнама: специальность 10.01.10 «Журналистика»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т.Т.Х. Чан; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2017. – 165 с.

Авторефераты диссертаций

(на русском языке)

169. Барматова, С.П. Информационно-коммуникативное пространство политики как предмет теоретико-социологической рефлексии: специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Барматова Светлана Петровна; Институт социологии НАН Украины. – Киев, 2010. – 27 с.

170. Путилова, Е.А. Интернет как фактор формирования информационного общества: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Путилова Елена Александровна; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2004. – 39 с.

IV. Материалы из интернет-ресурсов

Электронные статьи и отчеты

(на русском языке)

171. Вредоносная информация – угроза кибербезопасности и общественному доверию // Vietnam Plus. – 2025. – Октябрь. – Режим доступа: <https://ru.vietnamplus.vn/m-red-vredonosnaja-informatsija-ugroza-kiberbezopasnosti-i-obschestvennomu-doveriju-post86491.vnp> (дата обращения: 16.11.2025).

(на иностранных языках)

172. Facebook touts free speech. In Vietnam, it's aiding in censorship // Los Angeles Times. – 2020. – Октябрь. – Режим доступа: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2020-10-22/facebook-censorship-suppress-dissent-vietnam> (дата обращения: 15.09.2025).

173. Giang, N.H., Trung, N.T. Vai trò của khoa học và công nghệ đối với sự phát triển văn hóa Việt Nam trong tiến trình đổi mới, hội nhập quốc tế // Tạp Chí Công San: электронный журнал. – URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/tin-tieu-diem/-/asset_publisher/s5L7xhQiJeKe/content/vai-tro-cua-khoa-hoc-va-cong-nghe-doi-voi-su-phat-trien-van-hoa-viet-nam-trong-tien-trinh-doi-moi-hoi-nhap-quoc-te (дата обращения: 28.10.2024).

174. Gov't approves digital infrastructure strategy to 2025 // Vietnam Plus. – Режим доступа: <https://en.vietnamplus.vn/govt-approves-digital-infrastructure-strategy-to-2025-post303672.vnp> (дата обращения: 14.12.2025).

175. Gov't launches website to receive administrative feedback // Viet Nam News. – 2017. – April 3. – Режим доступа: <http://vietnamnews.vn/society/374065/govt-launches-website-to-receive-administrative-feedback.html> (дата обращения: 15.09.2025).

176. Ho, En. Vietnam data storage law rankles Big Tech and CPTPP trade bloc / En Ho // Nikkei Asia. – 2022. – 15 September. – Режим доступа:

<https://asia.nikkei.com/business/technology/vietnam-data-storage-law-rankles-big-tech-and-cptpp-trade-bloc> (дата обращения: 15.09.2025).

177. Hoàng, Khánh Linh. Xuất bản quốc tế về khoa học của Việt Nam: chính sách và xu thế // Tạp chí Giáo dục. – 2020. – 05 tháng 11. – URL: <https://tapchigiaoduc.edu.vn/article/86606/215/xuat-ban-quoc-te-ve-khoa-hoc-cua-viet-nam-chinh-sach-va-xu-the/> (дата обращения: 16.12.2025).

178. Hơn 10.000 người trong 'Lực lượng 47' đấu tranh trên mạng // Tuổi Trẻ Online. – 25 декабря 2017 г. – Режим доступа: <https://tuoitre.vn/hon-10-000-nguoi-trong-luc-luong-47-dau-tranh-tren-mang-20171225150602912.htm> (дата обращения: 14.09.2025).

179. Hơn 14 tỷ thông báo khẩn về COVID-19 đã được Zalo chuyển đi trong năm 2021. – URL: <https://vtv.vn/cong-nghe/hon-14-ty-thong-bao-khan-ve-covid-19-da-duoc-zalo-chuyen-di-trong-nam-2021-20211229204432871.htm> (дата обращения: 17.11.2025).

180. How Vietnamese are Redefining their Social Media Consumption // Decision Lab. – 2024. – February 22. – Режим доступа: <https://www.decisionlab.co/blog/how-vietnamese-are-redefining-their-social-media-consumption> (дата обращения: 15.09.2025).

181. Insight: How Vietnam's 'influencer' army wages information warfare on Facebook // Reuters. – 2021. – July 9. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/how-vietnams-influencer-army-wages-information-warfare-facebook-2021-07-09/> (дата обращения: 15.09.2025).

182. National election slated for May 23, 2021. – Text : electronic // Nhan Dan Online. – 2020. – November 17. – URL: <https://en.nhandan.vn/politics/domestic/item/9302802-national-election-slated-for-may-23-2021.html> (дата обращения: 23.08.2022).

183. Nguyen, T.T. Mạng xã hội và những thách thức đối với công tác thông tin, tuyên truyền, bảo vệ an ninh tư tưởng và đấu tranh phản bác các luận điệu sai

trái, thù địch ở nước ta hiện nay. – 2022. – URL: <https://lyluanchinhtri.vn/su-dung-mang-xa-hoi-trong-truyen-thong-chinh-tri-o-viet-nam-2152.html> (дата обращения: 17.11.2025).

184. Nguyen, T.T.G., Nguyen, T.T. Sử dụng mạng xã hội trong truyền thông chính trị ở Việt Nam. – 2022. – URL: <https://lyluanchinhtri.vn/su-dung-mang-xa-hoi-trong-truyen-thong-chinh-tri-o-viet-nam-2152.html> (дата обращения: 19.11.2025).

185. Nguyễn Hữu Vinh móc nối với phần tử phản động nước ngoài // Tiền Phong. – 2014-2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tienphong.vn/nguyen-huu-vinh-moc-noi-voi-phan-tu-phan-dong-nuoc-ngoai-post689788.tpo> (дата обращения: 15.09.2025).

186. Nhìn lại năm 2018 - không thể xuyên tạc, phủ nhận thành quả nhân quyền Việt Nam // Quân đội nhân dân. – 2019. – 28 января. – Режим доступа: <https://www.qdnd.vn/phong-chong-dien-bien-hoa-binh/nhin-lai-nam-2018-khong-the-xuyen-tac-phu-nhan-thanh-qua-nhan-quyen-viet-nam-565470> (дата обращения: 15.09.2025).

187. Nhìn lại vụ khủng bố nhằm chống chính quyền nhân dân tại Đắk Lắk // Vietnam Plus. – 2023. – Режим доступа: <https://mega.vietnamplus.vn/nhin-lai-vu-khung-bo-nham-chong-chinh-quyen-nhan-dan-tai-dak-lak-5450.html> (дата обращения: 15.09.2025).

188. Pham, H.T., Le, N.P.T. Công tác tuyên truyền chính trị ở Việt Nam qua mạng xã hội Zalo. – 2023. – URL: <https://lyluanchinhtri.vn/cong-tac-tuyen-truyen-chinh-tri-o-viet-nam-qua-mang-xa-hoi-zalo-1162.html> (дата обращения: 10.11.2025).

189. Recommendations for Protecting Writers and Dissidents in Vietnam // PEN America. – 2024. – September 29. – Режим доступа: <https://pen.org/advocating-for-free-expression-at-the-un-recommendations-for-protecting-writers-and-dissidents-in-vietnam/> (дата обращения: 15.12.2025).

190. Reuters Staff. Vietnam fishing communities demand compensation for Formosa disaster // Reuters. – 2016. – April 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/world/vietnam-police-stop-fishermen-marching-to-make-claims-at-steel-firm-idUSKBN15T1T4/> (дата обращения: 15.09.2025).

191. The Press Plan of 2025 and The Rise of Digital Authoritarianism in Vietnam // Vietnam Media Project. – Режим доступа: <https://vietnammediaproject.com/press-plan-2025/> (дата обращения: 12.10.2025).

192. Thousands hold peaceful protests in Vietnam against foreign investment plans. – Текст: электронный // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-vietnam-protests/thousands-hold-peaceful-protests-in-vietnam-against-foreign-investment-plans-idUSKBN1JD0CW> (дата обращения: 23.08.2022).

193. Vietnam army reveals 10000-strong cyber warfare unit // Financial Times. – 2017. – December 25. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/ef924a6e-ea14-11e7-bd17-521324c81e23> (дата обращения: 15.09.2025).

194. Vietnam masters 90 percent of ecosystem of cyber security products // Ministry of Information and Communications of Vietnam. – 2023. – November 1. – Режим доступа: <https://english.mic.gov.vn/vietnam-masters-90-percent-of-ecosystem-of-cyber-security-products-197145684.htm> (дата обращения: 15.09.2025).

195. Vietnam targets YouTube ads in campaign against dissent // Reuters. – 2017. – March 15. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/technology/vietnam-targets-youtube-ads-in-campaign-against-dissent-idUSKBN16M0WH/> (дата обращения: 15.12.2025).

196. Vietnam Tells Companies to Stop Facebook and YouTube Ads // Business Insider. – 2017. – March 15. – Режим доступа:

<https://www.businessinsider.com/vietnam-tells-companies-to-stop-facebook-and-youtube-ads-2017-3> (дата обращения: 15.12.2025).

197. Việt Nam với Cuộc cách mạng công nghiệp 4.0 // Tạp chí Công sản. – 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tapchiconsan.org.vn/van_hoa_xa_hoi/-/2018/52849/view_content (дата обращения: 15.09.2025).

198. Vì sao Việt Nam xác định Việt Tân là tổ chức khủng bố, phản cách mạng? // Báo Quân đội Nhân dân: электронное издание. – Режим доступа: <https://www.qdnd.vn/phong-chong-dien-bien-hoa-binh/vi-sao-viet-nam-xac-dinh-viet-tan-la-to-chuc-khung-bo-phan-cach-mang-654427> (дата обращения: 15.09.2025).

Веб-сайты организаций

(на иностранных языках)

199. Corruption Perceptions Index 2023: A Bleak Report Card for the Global Fight Against Corruption with Asia Pacific Being No Exception // Morrison Foerster (MoFo). – Режим доступа: <https://www.mofo.com/resources/insights/240207-corruption-perceptions-index-2023> (дата обращения: 14.12.2024).

200. Facebook Statistics in Vietnam: Latest Updates For Marketers / Leading Digital Marketing Agency. – Ho Chi Minh: Leading Digital Marketing Agency, 2025. – Режим доступа: <https://leading.vn/en/blogs/social/facebook-statistics-in-vietnam/> (дата обращения: 14.12.2025).

201. Google Transparency Report: Requests to remove content // Google. – Режим доступа: <https://transparencyreport.google.com/> (дата обращения: 15.12.2025).

202. Kantar Media. – Режим доступа: <https://www.kantarmedia.com/> (дата обращения: 14.12.2025).

203. Lowy Institute. Government Effectiveness // Asia Power Index. Data: Resilience --- Institutional Stability. – Режим доступа: <https://power.lowyinstitute.org/data/resilience/institutional-stability/government-effectiveness/> (дата обращения: 14.12.2024).

204. Luật An ninh mạng (Hướng dẫn): Nghị định số 53/2022/NĐ-CP Chính phủ Cộng hòa Xã hội chủ nghĩa Việt Nam [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Cong-nghe-thong-tin/Nghi-dinh-53-2022-ND-CP-huong-dan-Luat-An-ninh-mang-398695.aspx> (дата обращения: 14.09.2025).

205. Penetration rate of leading social media apps in Vietnam Q2 2024 / Statista Research Department. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/941843/vietnam-leading-social-media-platforms/> (дата обращения: 14.12.2025).

206. Văn bản quy phạm pháp luật về an toàn an ninh thông tin / Bộ Khoa học và Công nghệ. – Hà Nội: [б. г.]. – Режим доступа: <https://mst.gov.vn/vbqppl-ve-an-toan-an-ninh-thong-tin-197132843.htm> (дата обращения: 08.12.2024).

207. Vietnam: Political stability index (–2.5 weak; 2.5 strong) // TheGlobalEconomy.com. – Режим доступа: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (дата обращения: 14.12.2024).

208. Vietnam Plus. Zalo used by 85% of Vietnamese, surpassing global apps // Vietnam News Agency. – Режим доступа: <https://vietnamnet.vn/en/zalo-used-by-85-of-vietnamese-surpassing-global-apps-2406688.html> (дата обращения: 14.09.2025).

209. World Values Survey Wave 7 (2017-2022) // World Values Survey. – Режим доступа: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 15.09.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Вьетнам – политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма: проценты

Вьетнам демонстрирует относительную политическую стабильность на фоне региональных и глобальных вызовов, что подтверждается индексом политической стабильности и отсутствия насилия/терроризма Всемирного банка. В 2023 году страна заняла 112-е место из 193 стран с процентильным рангом 45.02%, превысив среднемировой уровень и опередив крупнейшие азиатские экономики, включая Китай и Индию. Устойчивость политической системы стала ключевым фактором, обеспечившим впечатляющий экономический рост в 7.09% в 2024 году и приток прямых иностранных инвестиций на сумму 38.2 млрд долларов США.

Методология и концептуальные основы индекса

Структура индекса политической стабильности

Индекс политической стабильности и отсутствия насилия/терроризма (Political Stability and Absence of Violence/Terrorism) является одним из шести компонентов системы Worldwide Governance Indicators (WGI), разработанной Всемирным банком в 1996 году. Этот интегральный показатель отражает восприятие вероятности политической дестабилизации и/или политически мотивированного насилия, включая террористические угрозы. Индекс охватывает 193 страны и территории, предоставляя сопоставимые данные с 1996 по 2023 год.

Шкала измерения индекса варьируется от –2.5 (слабая стабильность) до 2.5 (сильная стабильность), где значение 0 соответствует нейтральному уровню. Процентильный ранг определяет положение страны среди всех охваченных государств: 0 соответствует наименее стабильным, а 100 — наиболее стабильным. Методология расчёта учитывает динамику состава

стран, включённых в индекс, что обеспечивает корректность сравнений во времени.

Динамика индекса политической стабильности Вьетнама (1996-2023)

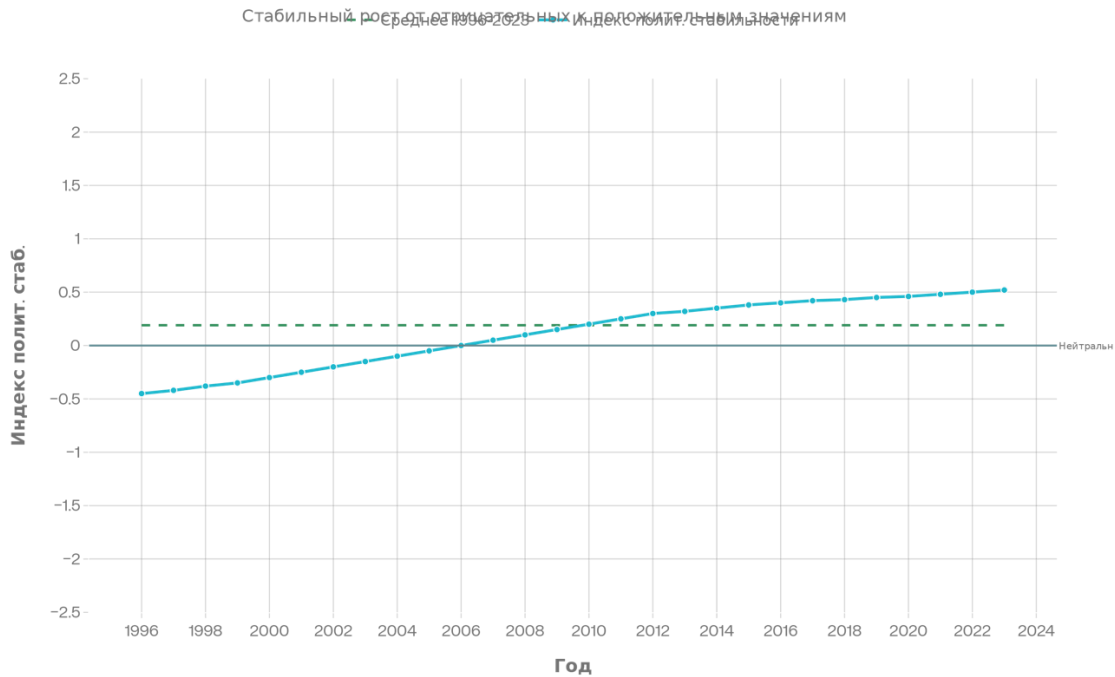

График показывает динамику индекса политической стабильности Вьетнама с максимума 0.53 в 1996 году до минимума -0.12 в 2021 году, с последующим восстановлением до -0.04 в 2023 году

Источники данных и аналитические центры

Формирование индекса основывается на агрегированных данных более 35 международных источников, включая опросы домохозяйств, анкетирование фирм и экспертные оценки. Ключевыми источниками выступают Economist Intelligence Unit, Всемирный экономический форум (World Economic Forum), Служба политических рисков (Political Risk Services), а также другие признанные аналитические организации. Комплексная методология позволяет учитывать множественные аспекты политической стабильности, включая вероятность неконституционной смены власти, вооружённых конфликтов, насильственных демонстраций, социальных волнений, международной напряжённости, терроризма, этнических, религиозных и региональных конфликтов.

Историческая динамика и тенденции

Долгосрочные изменения индекса (1996-2023)

За период с 1996 по 2023 год среднее значение индекса для Вьетнама составило 0.19 балла, что указывает на общую позитивную траекторию развития политической системы. Максимальный показатель был зафиксирован в 1996 году на уровне 0.53 балла, что соответствовало начальному этапу экономических реформ *Đổi Mới* и относительно стабильному внутривластному климату. Этот период характеризовался консолидацией власти Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) после окончания Холодной войны и началом активной интеграции страны в мировую экономику.

Минимальное значение индекса было достигнуто в 2021 году и составило -0.12 балла. Это снижение можно объяснить несколькими факторами: глобальной пандемией COVID-19, которая создала беспрецедентные вызовы для управления и экономической стабильности; интенсификацией антикоррупционной кампании под руководством генерального секретаря Нгуен Фу Чонга, приведшей к отставкам высокопоставленных чиновников; геополитической напряжённостью в Южно-Китайском море.

В последующие годы наблюдается восстановление показателей: в 2022 году индекс вырос до -0.05 балла, а в 2023 году — до -0.04 балла. Это улучшение свидетельствует об эффективности мер КПВ по стабилизации политической системы, успешном управлении последствиями пандемии и укреплении доверия со стороны населения и международных инвесторов.

Сравнение с мировыми показателями

В 2023 году значение индекса политической стабильности Вьетнама (-0.04 балла) превысило среднемировой уровень (-0.06 балла), что подтверждает относительную устойчивость страны на глобальном фоне. Процентильный ранг 45.02% помещает Вьетнам немного ниже медианного

значения, но выше большинства развивающихся экономик с сопоставимым уровнем дохода. В глобальном рейтинге из 193 стран Вьетнам занимает 112-е место, что соответствует категории стран со средним уровнем политической стабильности.

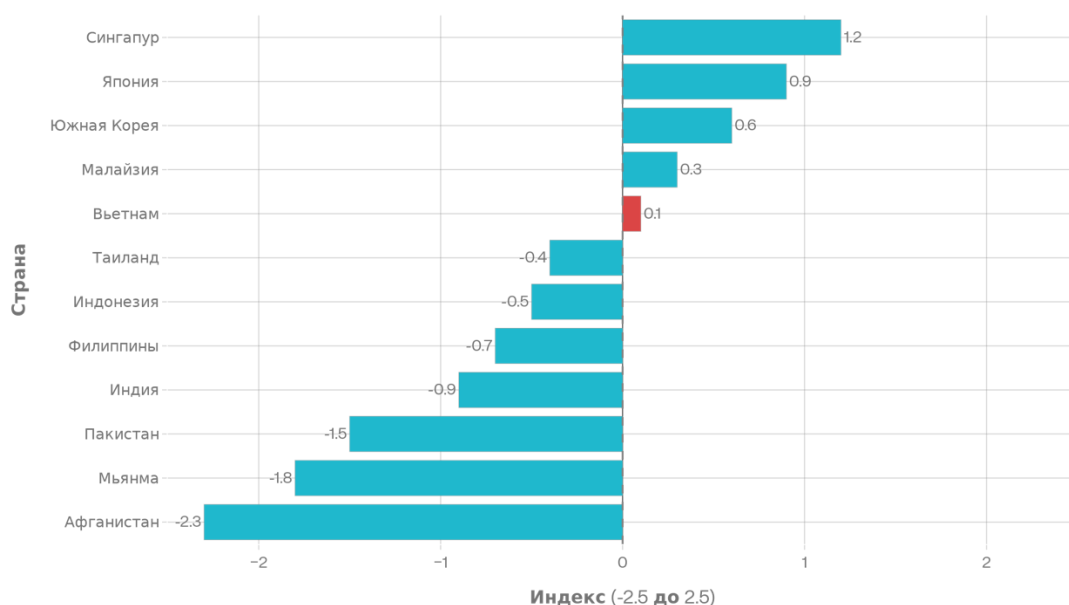
Интересно отметить, что несмотря на авторитарный характер политической системы, где КПВ сохраняет монополию на власть, Вьетнам демонстрирует более высокие показатели стабильности по сравнению со многими демократическими государствами региона. Это объясняется эффективностью государственного управления, последовательностью экономических реформ и способностью руководства адаптироваться к изменяющимся условиям.

Региональный контекст и сравнительный анализ

Позиция Вьетнама в Юго-Восточной Азии

Сравнение индекса политической стабильности в Азии (2023)

Вьетнам показывает нейтральную стабильность среди соседей

Вьетнам занимает среднюю позицию среди азиатских стран с индексом -0.04, превосходя Таиланд, Индонезию, Китай и Индию

В региональном контексте АСЕАН Вьетнам занимает среднюю позицию по индексу политической стабильности среди десяти государств-

членов. В 2023 году Вьетнам с показателем -0.04 балла опередил Таиланд (-0.28), Индонезию (-0.40) и Филиппины (-0.57), но уступил Сингапуру (1.42), Брунею (1.37), Лаосу (0.81), Малайзии (0.17) и Камбодже (0.04). Лидирующие позиции Сингапура объясняются его развитыми политическими институтами, верховенством права и эффективным управлением. Бруней и Лаос демонстрируют высокую стабильность благодаря авторитарным системам с низким уровнем внутренних конфликтов.

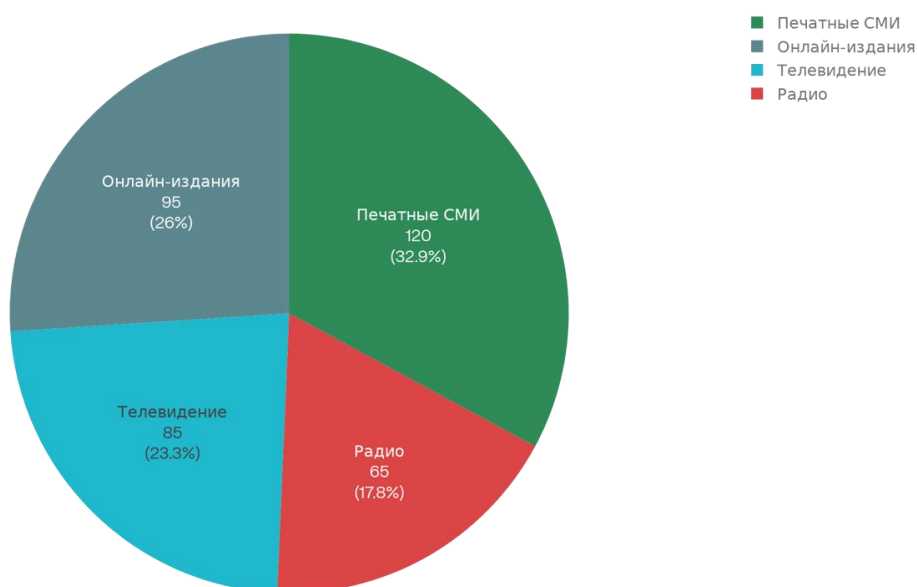
Сравнение с Таиландом особенно показательно: несмотря на сопоставимые экономические показатели, Таиланд страдает от рецидивирующих политических кризисов, военных переворотов и конституционных изменений. Вьетнам избежал подобной нестабильности благодаря институциональной прочности КПВ и последовательной политике развития. Индонезия, крупнейшая экономика АСЕАН, сталкивается с вызовами децентрализации, религиозного экстремизма и сепаратистских движений.

Приложение 2. Медиа-ландшафт Вьетнама: Комплексный анализ традиционных и цифровых платформ (2024–2025)

Медиа-ландшафт Вьетнама представляет собой динамичную экосистему, сочетающую традиционные СМИ с активно развивающимися цифровыми платформами. По состоянию на 2024 год страна насчитывает 73 традиционных медиа-канала (16 онлайн-газет, 17 печатных изданий, 20 радиостанций и 20 телеканалов) и 72.7 млн активных пользователей социальных медиа, что составляет 73.3% от общего населения. Вьетнам входит в десятку стран мира по количеству пользователей социальных сетей, что подчеркивает стремительную цифровую трансформацию медиапространства. Уникальной особенностью вьетнамского рынка является доминирование локальной платформы Zalo с 77.6 млн пользователей, которая превосходит даже Facebook³⁵⁵ по популярности среди местного населения.

Распределение традиционных медиа во Вьетнаме

Breakdown of major media categories by count

³⁵⁵ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

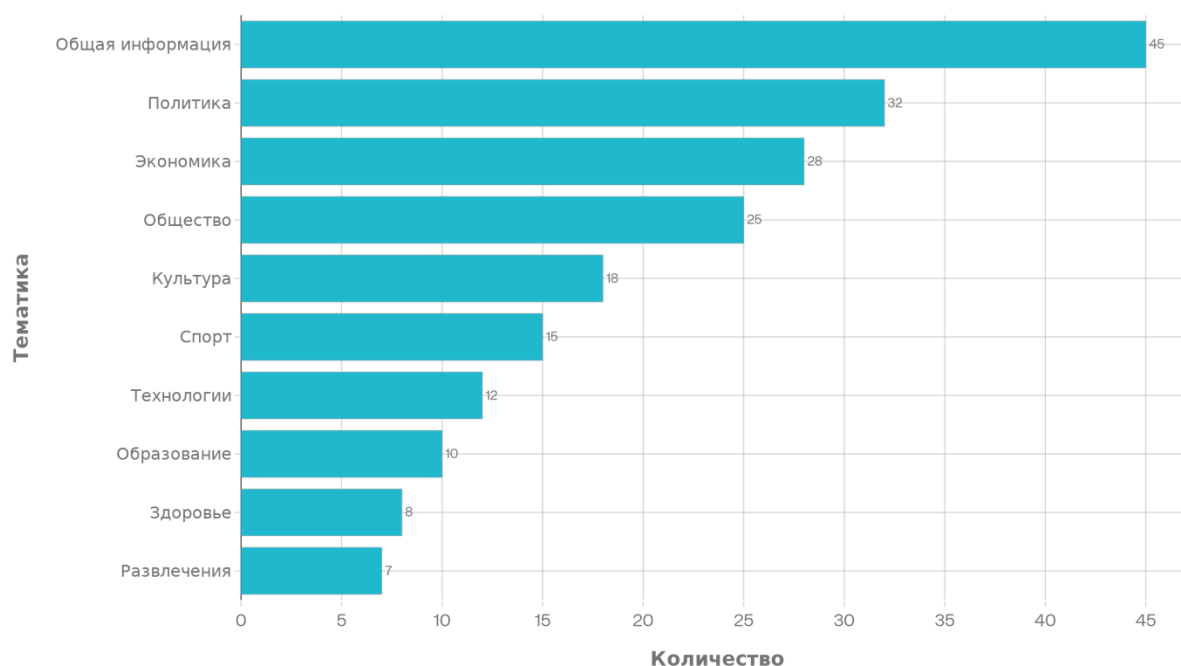
Традиционный медиа-ландшафт Вьетнама включает 73 издания, из которых радиостанции и телеканалы составляют 54.8%

Традиционные медиа: структура и распределение

Онлайн-газеты и цифровая журналистика

Тематическое распределение онлайн-газет Вьетнама

General news dominates digital journalism landscape

Общие новости доминируют среди онлайн-газет Вьетнама (13 из 16 изданий), с фокусом на общество, развлечения и экономику

Онлайн-газеты составляют 21.9% традиционного медиа-ландшафта Вьетнама, представленные 16 ведущими изданиями с различной тематической направленностью. Абсолютное большинство изданий (13 из 16) фокусируются на общих новостях, охватывая политику, экономику, общество и развлечения. VnExpress является крупнейшим онлайн-изданием страны, специализирующимся на новостях и политике, и входит в число самых посещаемых веб-сайтов Вьетнама с миллионами уникальных пользователей ежемесячно.

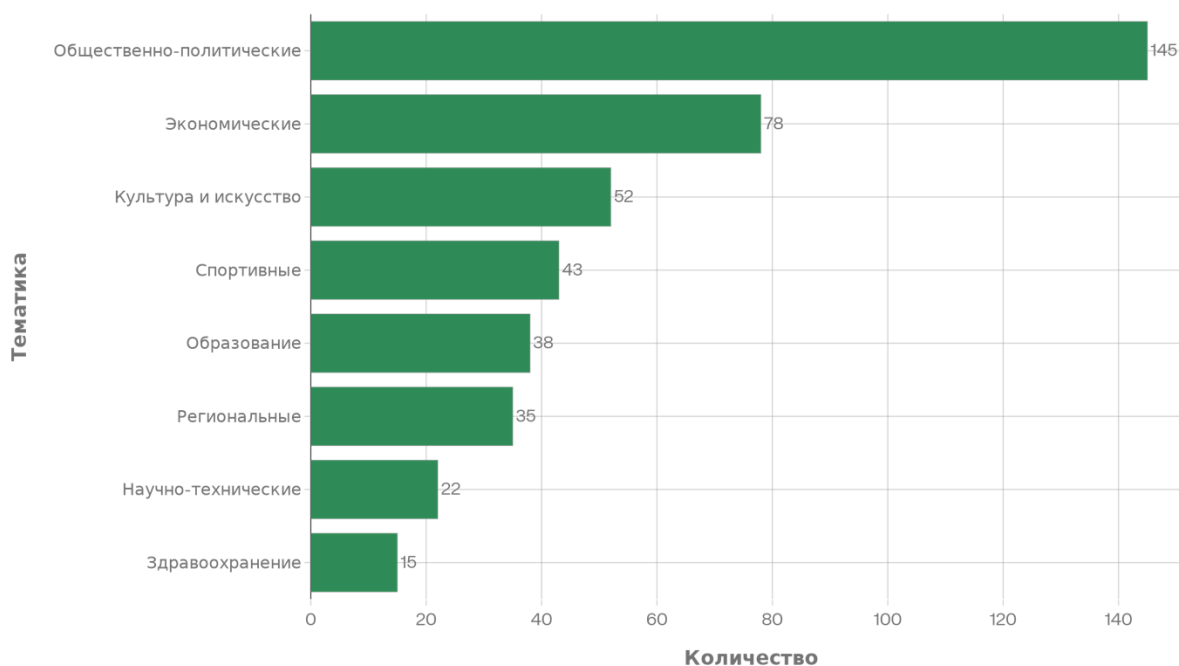
Zing News, принадлежащий VNG Corporation, занимает второе место по популярности и фокусируется на общих новостях и развлечениях, привлекая преимущественно молодую аудиторию. Dân trí и VietnamNet дополняют тройку лидеров, причем последнее уделяет особое внимание экономическим новостям и бизнес-аналитике. Специализированные издания включают Cafef.vn (финансовые новости и экономика) и GenK (технологии и развлечения), которые обслуживают нишевую, но платежеспособную аудиторию.

Согласно исследованию Vietnam Media Landscape 2023-2024, онлайн-новости продолжают оставаться основным каналом для получения свежей информации, с более чем 60 миллионами уникальных пользователей, распределенных по 100+ медиа и контентным веб-сайтам. Мобильные устройства доминируют, составляя 84% онлайн-трафика, что заставляет издания оптимизировать контент для мобильного потребления. Социальные медиа обеспечивают 29.3% трафика онлайн-изданий, прямые переходы — 19.4%, а поисковые системы — 16.3%.

Печатные издания: сохраняющаяся релевантность

Тематическое распределение печатных изданий Вьетнама

Общественно-политические издания преобладают

Печатные издания Вьетнама демонстрируют большее тематическое разнообразие, с акцентом на общество и трудовые вопросы

Печатная пресса составляет 23.3% традиционного медиа-ландшафта с 17 активными изданиями, демонстрируя большее тематическое разнообразие по сравнению с онлайн-газетами. Báo Nhân Dân (Народная газета) является официальным печатным органом Коммунистической партии Вьетнама и считается наиболее авторитетным источником политических новостей и правительственных заявлений. Издание имеет общенациональное распространение и онлайн-версию на сайте nhandan.vn.

Общественно-ориентированные издания, такие как Báo Thanh Niên (Молодежная газета), Báo Tuổi Trẻ (Газета молодости) и Báo Tiền Phong, фокусируются на социальных вопросах, образовании и культуре, привлекая читателей всех возрастных групп. Трудовые вопросы освещаются специализированными изданиями Báo Lao Động и Báo Người Lao Động, которые представляют интересы рабочего класса и профсоюзов.

Специализированные ниши охватывают Báo Công An Nhân Dân (общественная безопасность), Báo Pháp Luật (право и юриспруденция), Báo Phụ Nữ (женская тематика), Báo Bóng Đá (футбол), Báo Doanh Nhân Sài Gòn (бизнес и финансы) и Báo Khoa Học & Đời Sống (наука и жизнь). Несмотря на цифровизацию, печатные издания сохраняют лояльную аудиторию среди старших поколений и в регионах с ограниченным доступом к интернету.

Радиовещание: диверсификация контента

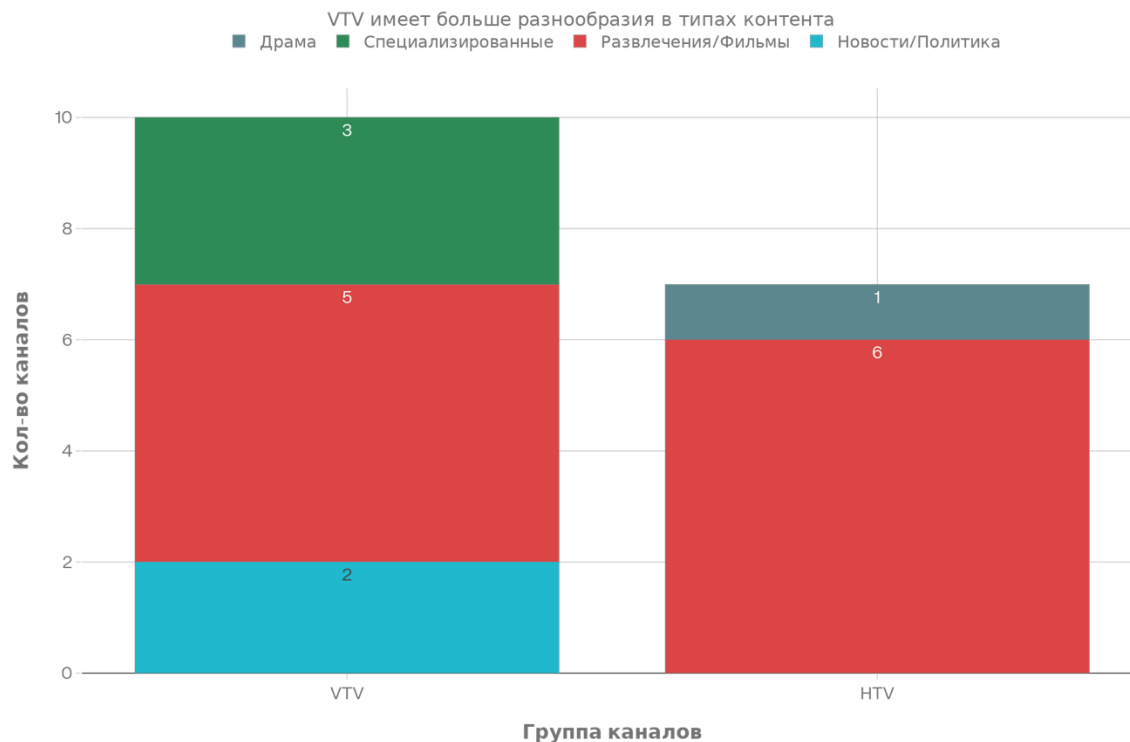
Радиостанции занимают наибольшую долю традиционного медиа-ландшафта (27.4%) с 20 каналами, преимущественно под эгидой Voice of Vietnam (VOV) — государственной радиовещательной корпорации. VOV управляет 12 тематическими каналами, охватывающими широкий спектр интересов: от новостей и политики (VOV1 на 675 кГц AM) до культуры, образования, спорта, экономики и международного вещания.

VOV Giao thông (91.0 МГц FM) специализируется на транспорте и дорожной безопасности, предоставляя актуальную информацию о дорожной обстановке в крупных городах. Культурно-образовательные каналы включают VOV2 (культура и общество), VOV4 (наука и образование), VOV7 (культура и традиции) и VOV9 (образование и учеба). Развлекательные и музыкальные направления представлены VOV3 (развлечения и музыка), VOV5 (спорт и развлечения), VOV Tiếng hát Việt и VOV Chuyên kênh âm nhạc.

Региональные станции, такие как VOV Đại phát thanh TP.HCM (Хошимин) и VOV Đài phát thanh và truyền hình Đà Nẵng (Дананг), обслуживают локальные аудитории с новостями, культурой и развлечениями. VOV11 (98.5 МГц FM) обеспечивает международное радиовещание, транслируя контент на иностранных языках для зарубежной аудитории и экспатов. Экологическая тематика освещается VOV12 (100.8 МГц FM), отражая растущее внимание к вопросам окружающей среды.

Телевидение: национальные и региональные сети

Структура телевизионных каналов VTV и HTV

VTV предлагает более диверсифицированный контент с 10 каналами, включая специализированные направления, в то время как HTV фокусируется на развлекательном контенте

Телевизионный сектор также составляет 27.4% традиционного медиа-ландшафта с 20 каналами, разделенными между государственными сетями Vietnam Television (VTV), Ho Chi Minh City Television (HTV) и другими региональными вещателями. VTV управляет 10 каналами, предлагая наиболее диверсифицированный контент: VTV1 (новости и политика), VTV24 (круглосуточные новости), VTV2 (развлечения и общество), VTV3, VTV8, VTV9 (развлечения и фильмы), VTV4 (многоязычный канал), VTV5 (канал для иностранцев), VTV6 (спорт) и VTV7 (образование).

HTV фокусируется преимущественно на развлекательном контенте с 7 каналами: HTV1-HTV4, HTV7, HTV9 (развлечения и фильмы) и HTV Drama (специализированный драматический контент). Региональные телесети включают HanoiTV (новости и развлечения столицы), HTVC (развлечения и новости) и VTC1 (новости и политика).

Согласно Vietnam Media Landscape Report 2023-2024, телевидение сохраняет самый высокий охват среди всех медиа-каналов, достигая 85% населения страны. Однако привычки просмотра значительно меняются: время, проводимое перед телевизором, сокращается, особенно среди молодежи, которая предпочитает цифровые платформы и короткие видеоформаты.

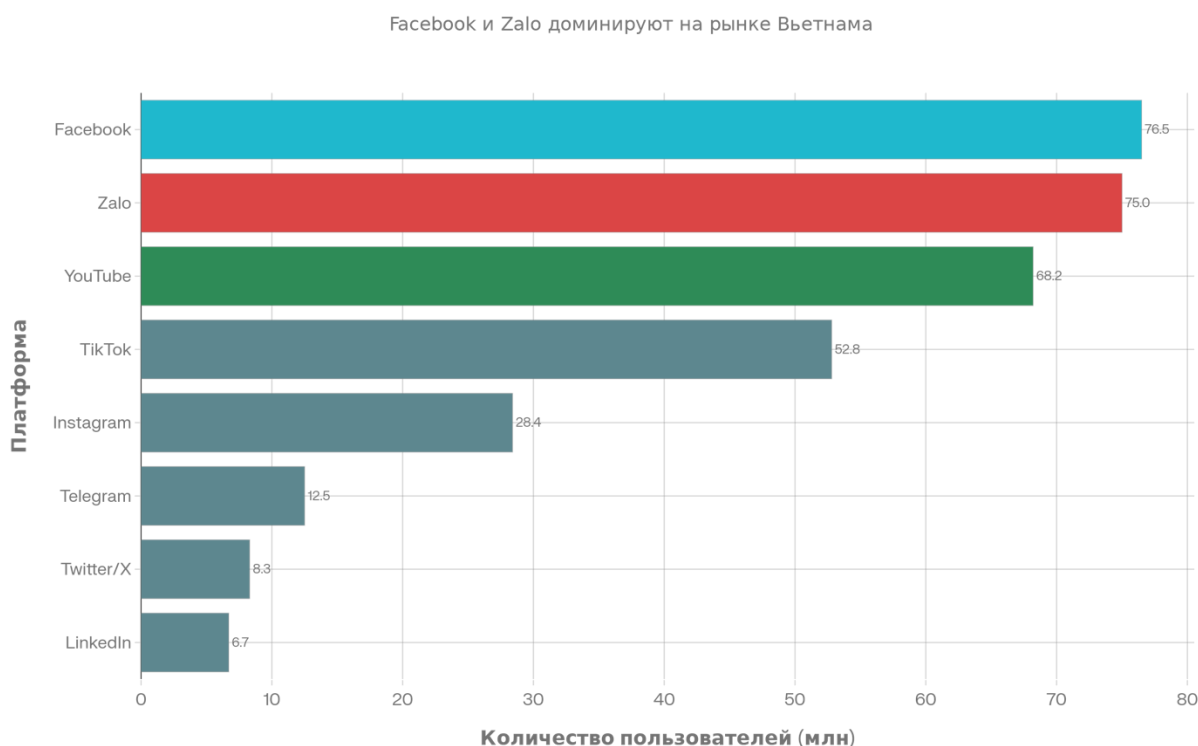
Цифровые платформы и социальные медиа

Статистика цифровизации и проникновения интернета

По состоянию на январь 2024 года Вьетнам насчитывал 78 млн интернет-пользователей (78.6% населения) и 72.7 млн активных пользователей социальных медиа (73.3% населения), что представляет собой впечатляющий рост на 6.5 млн (+9.8%) по сравнению с началом 2023 года. Количество мобильных подключений достигло 168.5 млн, что составляет 169.8% от общей численности населения, указывая на широкое распространение множественных SIM-карт и устройств.

92.7% от общей базы интернет-пользователей использовали как минимум одну социальную медиа платформу в январе 2024 года, демонстрируя высочайший уровень вовлеченности в цифровое пространство. Гендерное распределение пользователей социальных медиа составляет 51.0% женщин и 49.0% мужчин, показывая относительно сбалансированную аудиторию. Вьетнам занимает место в топ-10 стран мира по количеству пользователей социальных медиа, позиционируя себя как одну из наиболее активных цифровых наций в Юго-Восточной Азии.

Zalo: национальная платформа и цифровое сердце Вьетнама

Zalo лидирует с 77.6 млн пользователей, за ним следуют Facebook (72.7 млн) и TikTok (67.72 млн)

Zalo, разработанная вьетнамской компанией VNG Corporation, является абсолютным лидером среди мессенджеров с 77.6 млн активных пользователей ежемесячно (по состоянию на сентябрь 2024 года), что составляет 78.2% населения и охватывает более 90% интернет-пользователей страны. Платформа была запущена в декабре 2012 года как ответ на провал Zing Me в конкуренции с Facebook³⁵⁶, и с самого начала фокусировалась на скорости, стабильности и адаптации под нужды вьетнамских пользователей.

Zalo демонстрирует впечатляющую динамику: с 10 млн пользователей в марте 2014 года (50% рынка смартфонов) до 45 млн в феврале 2016 года, 70 млн в феврале 2017 года (75% населения) и текущих 77.6 млн. Ежедневно через Zalo отправляется около 1.97 млрд сообщений, что подчеркивает критическую роль платформы в повседневной коммуникации вьетнамцев. Согласно исследованию Connected Consumer Q1/2024, Zalo имеет 82%

³⁵⁶ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

уровень использования, значительно превосходя Facebook (61%) и опережая Facebook Messenger в 2.6 раза³⁵⁷.

Ключевое конкурентное преимущество Zalo заключается в глубокой локализации: платформа разработана с учетом вьетнамской культуры, языка и пользовательских привычек, обеспечивает стабильную работу даже при слабом интернет-соединении и предлагает функции, релевантные местному рынку (платежи через ZaloPay, бизнес-страницы, голосовые звонки, короткие видео с 23.7 млн пользователей). В 2019 году бывший премьер-министр Нгуен Суан Фук заявил: «Где есть вьетнамцы, там есть Zalo», официально признав платформу неотъемлемой частью жизни нации.

Zalo доминирует среди всех поколений (GenX, GenY и GenZ) и является предпочтительным каналом для связи с семьей, друзьями, предприятиями и служб доставки. Функции AI, включая AI Avatar (6.8 млн регулярных пользователей в 2023 году) и генерацию стикеров с помощью AI (9 млн стикеров за 7 дней тестирования), дополнительно укрепляют позиции платформы.

Facebook: глобальный гигант с локальной адаптацией

Facebook остается самой популярной социальной медиа платформой во Вьетнаме с 72.7 млн пользователей (73.3% населения), достигая 70% пользователей через рекламу. Несмотря на конкуренцию с Zalo в мессенджере, Facebook доминирует как универсальная социальная сеть, используемая для получения новостей, взаимодействия с брендами, развлечений и бизнеса.

Facebook Messenger насчитывает 54.5 млн пользователей (54.9% населения) с охватом рекламы 69.5%, занимая пятое место среди социальных платформ. Многие вьетнамские знаменитости, инфлюенсеры и общественные деятели активно используют Facebook для связи с фанатами, поддерживая высокоактивные профили. Растет тенденция использования

³⁵⁷ Там же.

Facebook для документирования жизни для детей и внуков через фото- и видеоконтент, особенно среди старшего поколения.

Facebook и Zalo также используются для встреч и знакомств, с встроенными функциями *matchmaking*, демонстрирующими социальную открытость вьетнамских пользователей. Согласно исследованию *Connected Consumer Q2 2024*, Facebook и YouTube испытывают снижение тренда в воспринимаемой незаменимости среди вьетнамских пользователей с Q1 2023, уступая позиции TikTok.

TikTok: взрывной рост и видеодоминирование

TikTok демонстрирует стремительный рост, достигнув 67.72 млн пользователей 18+ (68.3% населения) с впечатляющим охватом рекламы 86.3% — самым высоким среди всех платформ. После небольшой просадки в Q1 2024, TikTok восстановил импульс, достигнув рекордного уровня проникновения 68% в Q2 2024, что делает его единственным из топ-5 приложений, демонстрирующим рост в этот период.

TikTok является единственной платформой, постоянно увеличивающей свою незаменимость, достигнув впечатляющих 11% в Q2 2024 по метрике «*Top primary apps*» (одна социальная медиа платформа, которую вьетнамцы считают наиболее необходимой в повседневной жизни). Платформа демонстрирует популярность среди всех поколений, особенно GenZ и миллениалов, укрепляя свое влияние на вьетнамский медиа-ландшафт.

Видеоконтент доминирует в цифровом ландшафте Вьетнама, особенно среди молодой аудитории, что делает короткие видеоформаты, такие как TikTok, особенно эффективными для брендов, таргетирующих GenZ и миллениалов. Среди детской аудитории TikTok занимает третье место с 11.24% использования, уступая только Zalo (26.37%) и YouTube (16.3%).

YouTube и другие платформы

YouTube насчитывает 63 млн пользователей (63.5% населения) с охватом рекламы 63.5%, что эквивалентно 80.3% от общей базы интернет-пользователей. YouTube входит в топ-3 платформ, которые вьетнамцы «не могут представить без» в повседневной жизни, наряду с Facebook и Zalo. Платформа используется не только для развлечений, но и для образовательного контента, подписок на каналы знаменитостей и коротких видео (YouTube Shorts).

Instagram имеет 66.2 млн пользователей (66.7% населения), фокусируясь на фото- и видеоконтенте, визуальном сторителлинге и взаимодействии с брендами. Threads, новая платформа Meta³⁵⁸, достигла 10% уровня проникновения в Q2 2024, с впечатляющим ростом на 5 процентных пунктов за квартал, демонстрируя сильное принятие среди GenZ (+6 п.п.) и GenY (+7 п.п.).

Twitter/X имеет 5.58 млн пользователей (5.6% населения), обслуживая нишевую аудиторию, интересующуюся международными новостями и мнениями. Профессиональная сеть LinkedIn и мессенджеры Telegram, WhatsApp и Viber используются преимущественно в бизнес-коммуникациях и среди экспатов, не достигая массового проникновения.

Контентные предпочтения и потребительское поведение

Доминирование коротких видео и развлекательного контента

TikTok и YouTube являются лидерами по времени, проводимому пользователями на платформе, причем короткие видео доминируют в структуре потребления контента среди вьетнамской аудитории. Согласно Vietnam Media Landscape Report 2023–2024, социальные медиа являются вторым по популярности медиа-каналом после телевидения для всех категорий контента: образования и профессиональных знаний, развлечений и информации для новостей.

³⁵⁸ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Данные показывают обратную корреляцию в потреблении каналов: люди, проводящие более 4 часов в социальных медиа, тратят менее 1 часа на телевидение и веб-сайты, и наоборот. Это указывает на конкуренцию за внимание аудитории между традиционными и цифровыми платформами. Мобильные устройства продолжают доминировать, составляя 84% онлайн-трафика, что требует от медиа-компаний приоритизации mobile-first подходов.

Новостное потребление и доверие к медиа

Несмотря на распространение цифровых медиа, сохраняется высокий спрос на надежные источники новостей. Facebook³⁵⁹ является наиболее популярным приложением для получения новостей, в то время как Zalo преимущественно используется для связи с семьей и друзьями. Онлайн-издания, такие как VnExpress и ZingNews, остаются основными источниками актуальных новостей для цифровой аудитории.

Ключевыми вызовами для журналистики в последние 12 месяцев были названы: снижение рекламных и тиражных доходов (20%), нехватка персонала и ресурсов (20%), подъем социальных сетей и инфлюенсеров, обходящих традиционные медиа (19%) и размывание границ между редакционным и рекламным контентом (11%). Сохранение доверия как надежного источника новостей (27%) остается приоритетом для традиционных медиа.

Цифровая трансформация и монетизация

Цифровая трансформация привела к 40% увеличению показателя кликов (CTR) для новостных компаний, использующих инструменты тестирования контента. Современные редакции объединяют охват по различным каналам, мигрируя с печати в цифру. Основные источники дохода для коммерческих издателей включают: дисплейную рекламу (72%) как

³⁵⁹ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

традиционный основной источник, нативную рекламу (61%), которая, как прогнозируется, будет расти на 12% CAGR, и события (49%) как новый источник дохода с высокой гибкостью, включая онлайн и оффлайн мероприятия.

Новостные и медиа-компании увеличивают подписки на 20% и генерируют новые источники дохода, эксплуатируя данные о взаимодействии аудитории. Расширение рекламных кампаний на основе данных читателей может снизить стоимость тысячи показов (CPM) до 20%, одновременно повышая общую эффективность. Компании также сообщают о 30% увеличении конверсий на непрофильных продуктах благодаря использованию аналитики аудитории.

Крупнейшие медиа-группы и рыночная концентрация

Государственные медиа-холдинги

Vietnam Television (VTV) является крупнейшей государственной телевизионной сетью с 10 каналами национального охвата, обеспечивая официальное освещение политических событий, новостей, культуры, спорта и образования. Voice of Vietnam (VOV) управляет 12 тематическими радиоканалами и обеспечивает международное радиовещание, охватывая национальную и зарубежную аудиторию. Vietnam News Agency (VNA) является государственным информационным агентством, предоставляющим официальные новости и материалы для других медиа.

Báo Nhân Dân (Народная газета) остается официальным печатным и онлайн-органом Коммунистической партии Вьетнама с национальным распространением и авторитетным статусом в политической журналистике. Региональные государственные вещатели, такие как Ho Chi Minh City Television (HTV), обслуживают локальные аудитории с новостями, развлечениями и культурным контентом.

Частные медиа-компании и цифровые платформы

VNG Corporation является крупнейшей частной медиа и технологической компанией Вьетнама, владеющей Zalo (мессенджер и социальная платформа), Zing News (онлайн-издание), Zing MP3 (музыкальный сервис) и другими цифровыми активами. VNG успешно создала экосистему цифровых продуктов, глубоко интегрированных в повседневную жизнь вьетнамцев.

VnExpress является крупнейшим частным онлайн-изданием с национальным охватом и миллионами уникальных пользователей, специализирующимся на новостях, политике, экономике и обществе. Другие значимые частные медиа включают Dân trí, Tuổi Trẻ Online и Thanh Niên Online, которые конкурируют за цифровую аудиторию и рекламные бюджеты.

Регуляторная среда и будущие тенденции

Согласно Правительственному плану развития прессы до 2025 года, количество медиа-изданий было сокращено к 2025 году в рамках консолидации и повышения качества. По данным 2022 года, Вьетнам насчитывал 127 газет, 670 журналов и 72 радио- и телевещательных агентства. Медиа-ландшафт Вьетнама сталкивается с вызовами цифровой трансформации, конкуренции, свободы прессы и разнообразия.

Для адаптации, инноваций и содействия развитию медиа-индустрия должна инновировать и диверсифицироваться. Ключевые тренды включают: миграцию с печати на цифру, рост влияния социальных сетей и инфлюенсеров, внедрение искусственного интеллекта для создания и дистрибуции контента (56% организаций используют AI), развитие подписных моделей и членских программ, а также интеграцию e-commerce и цифровых платежей в медиа-платформы.

Маркетинговые и PR-стратегии

Платформенно-специфичные подходы

Для эффективного охвата вьетнамской аудитории необходим комплексный подход, учитывающий особенности каждой платформы. Facebook³⁶⁰ эффективен для широкого охвата, взаимодействия с брендами и рекламных кампаний, ориентированных на разные демографические группы. Zalo критичен для коммуникаций с вьетнамской аудиторией, особенно для B2C и локальных бизнесов, обеспечивая доверие и близость к потребителям.

TikTok является оптимальным выбором для таргетирования GenZ и миллениалов через короткие видео, челленджи и инфлюенсер-маркетинг. YouTube подходит для длинного видеоконтента, образовательных материалов, обзоров продуктов и подписных сервисов. Instagram эффективен для визуального сторителлинга, брендинга lifestyle-продуктов и коллабораций с инфлюенсерами.

Локализация и культурная адаптация

Создание контента, адаптированного под локальное мышление и язык потребителей, является критическим фактором успеха. Растет тенденция использования платформ для документирования жизни для детей и внуков через фото- и видеоконтент, что открывает возможности для семейно-ориентированного маркетинга. Matchmaking-функции на Facebook³⁶¹ и Zalo демонстрируют социальную открытость вьетнамских пользователей, создавая возможности для dating-сервисов и социальных брендов.

Многие вьетнамские знаменитости, инфлюенсеры и общественные деятели активно используют социальные медиа для связи с фанатами, что делает инфлюенсер-маркетинг высокоэффективным инструментом. Локализация должна учитывать не только языковые особенности, но и культурные нормы, праздники (Тет), семейные ценности и предпочтения в потреблении контента.

³⁶⁰ Организация Meta (Facebook, Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³⁶¹ Там же.

Медиа-ландшафт Вьетнама представляет собой динамичную экосистему, где традиционные СМИ сосуществуют с быстроразвивающимися цифровыми платформами. С 73 традиционными медиа-каналами и 72.7 млн активных пользователей социальных медиа (73.3% населения) Вьетнам демонстрирует одну из самых высоких степеней цифровой вовлеченности в мире. Уникальность вьетнамского рынка заключается в доминировании локальной платформы Zalo (77.6 млн пользователей), которая превосходит глобальные гиганты благодаря глубокой локализации и адаптации под нужды вьетнамских пользователей.